

Алексей Агибалов

ПЛАЧ ГИТАРЫ...

Документальная повесть

Эта книга о человеке, который сам творил, писал книги, приносящие широкую известность и заслуженное уважение его героям, а ему – скромную славу писателя. Хотя таких писателей-документалистов, как Леонид Борисович Дядюченко, в русской литературе двадцатого века по пальцам можно пересчитать. Патриаршие пруды дядюченковской документальной прозы чисты и глубоки.

Чист, глубок и светел был и сам Леонид Дядюченко. Знаток гор, почитатель свободы, центровой дружеских компаний, он признавал одну несвободу – за письменным столом, когда его мир сливался с миром его героев. Хотя поварчивать на сей счет он был мастак...

Книга охватывает лишь малую и, пожалуй, самую трудную пору его жизни.

Публикуется по книге: Агибалов Алексей. Плач гитары. – Б.: Литературный Кыргызстан, 2006. – 175 стр.

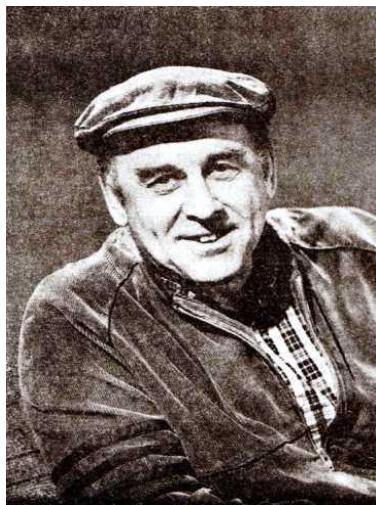
ББК 57.3 (2 Ки)

А-65

ISBN 5-86254-043-1

Другу и наставнику –
Леониду Борисовичу Дядюченко

ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Находясь у подножья горы, не окинешь всю ее взглядом. И лишь когда оказываешься на расстоянии, она предстает перед тобой во всем своем потрясающем величии. Нечто подобное происходит и с нашим представлением о человеке. Пока он живет рядом с нами, и мы видим его в привычных для нас дебрях повседневности, он, как правило, воспринимается не столь объемно, не в полный рост своих деяний, как того заслуживает. Особенно если сам в силу скромности, застенчивости характера склонен обрывать на полуслове любую похвалу, направленную в его адрес.

«Теперь, когда его уже нет с нами, с чрезвычайной остротой ощущаешь, насколько это была значительная личность, насколько самобытен, ярок и многогранен был его талант, – говорил вскоре после смерти писателя Леонида Дядюченко его близкий друг, музыкант и композитор Алексей Агибалов. – Я сомневаюсь, что здесь у нас еще возможно появление

такой необычайной человеческой вершины, таящей в себе столько душевного тепла и обаяния».

На этой земле, которую он любил, природой и людьми которой восхищался, Леонид Борисович сказал свое Слово. Оно услышано, получило и еще долго будет получать отклик в сердцах читателей. Поражает многообразие его героев: Семенов-Тян-Шанский и Поярков, Фетисов и Чуйков, Юдахин и Убукеев, Хуриев и Ахунбаев, Серый и Океев... Без того, что написано им об этих замечательных людях, наше представление о них было бы столь же ущербным, как лик неполной Луны. А его книги «Скарабей», «Какая она, Победа?», «Сель», «Обратного пути не будет», «Ждите ответа»?.. А его фильмы?.. А написанные им бесчисленные очерки и статьи в газетах и журналах?..

В свое время Леонид Дядюченко, принося в редакцию «Литературного Кыргызстана» очередное талантливое произведение, всякий раз повторял, что собирается «размахнуться на Агибалова», да вот руки все не доходят. Еще, мол, немного, и он приступит, «повесть будет такая, что закачаешься».

Не успел. Год назад, внезапно для себя и для всех нас, он покинул поле жизни, оставив этот замысел незавершенным.

Возникла мысль: а почему бы теперь, раз уж все так повернулось, повесть о своем товарище, замечательном писателе и человеке Леониде Дядюченко не написать Агибалову? Надо сказать, что Алексей Агибалов, как всякий интеллигент, талантливый в определенной сфере, весьма сомневался, вступая в воды иной реки, ему еще не подвластной. С одной стороны, ему льстило предложение поделиться с читателем своими впечатлениями о дорогом его сердцу человеке, память о котором для всех, кто его знал, глубока и свята. И вместе с тем беспокоился: а сумеет ли показать Дядюченко так, как он того действительно достоин?

И все-таки Агибалов, отринув сомнения, взялся за перо. Во многом ему помогли дневниковые записи, которые делались им в тот период, когда он встречался с Леонидом Борисовичем, беседовал с ним, ходил в горы. Из дневниковых записей довольно основательно предстает и фигура самого автора, музыканта и композитора, чье творчество хорошо известно истинным ценителям семиструнной гитары и в нашей стране, и за рубежом. И это тоже повышает значимость личности самого героя, достоверность восприятия его характера. Ведь понятно: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

Конечно, о Леониде Дядюченко еще будут писать, и, возможно, более профессионально. У каждого – свой взгляд, свое отношение к этому необычайно интересному писателю, человеку. Но это – первая повесть о нем, посвятившем десятки произведений лучшим людям Кыргызстана, его природе, его истории, повесть искренняя и безыскусная, как земля под нами и небо над головой. Она заставляет задуматься о нашей судьбе, о мнимых и истинных ценностях бытия, о быстротечности и зыбкости жизни, до определенного момента кажущейся нам чуть ли не вечной...

Александр Иванов

ПРЕЛЮДИЯ

Я начал вести «Дневник» после моего успешного выступления в филармонии Екатеринбурга и особенно после того, как после концерта за кулисы в артистическую комнату пришли зрители, что-то спрашивали о русской гитаре, на которой я играю, брали автографы, делились впечатлениями, а один из них, мужчина чуть старше меня, с умным пронизывающим взглядом и красиво посаженной головой, увенчанной густой копной чуть поседевших волос, представившись: «Лев Зонов, бард и геолог», - подарил мне свой авторский CD, где на первой странице буклета к нему было написано такое стихотворение:

*Таков уж наш XX век –
Сплошной поток «девятых валов».
Вдруг заграницей стал Бишкек
И семиструнник Агibalов.
Но у искусства нет границ,
Виват талантливым и умным!
Уральцы дружно пали ниц
Перед талантом семиструнным!*

13.10.96.

Вернувшись домой и вспоминая тот концерт, я подумал, что неплохо было бы фиксировать происходящие в моей жизни события на бумаге. Так начался «Дневник». Я вовсе не думал его кому-то показывать, тем более что там есть интимные записи из жизни моей семьи, о случаях весьма драматических.

Сейчас, когда возникла идея написать воспоминания о Леониде Борисовиче Дядюченко, я перелистал «Дневник» и оказалось, что много записей посвящено нашему с ним общению. Мне пришла мысль использовать записи в хронологическом порядке, и там, где они рассказывают о чем-то важном отрывочно, конспективно, расширить их, написать подробнее, полагаясь на мою память.

Делясь воспоминаниями и объясняя тональность моих заметок, когда речь заходит о Леониде Борисовиче, хочу подчеркнуть: влияние на меня, на мое мировоззрение со стороны замечательного Писателя огромно!

Впервые мы познакомились с Писателем (как я стал уважительно называть его про себя после прочтения книги «Какая она, Победа?») в далеком 1984 году. Мой товарищ Валерий Сандлер, друживший с Писателем не один год, был приглашен на пятидесятилетний юбилей к Л. Б. Дядюченко. По-видимому, чтобы сделать сюрприз юбиляру, он пригласил меня с собой, попросив взять гитару. От такого предложения я растерялся, но возможность познакомиться с Писателем пересилила мою робость.

От того далекого вечера остались смутные воспоминания. Помню, что он мне сразу понравился, показавшись чем-то похожим на Пьера Безухова в экранизации «Войны и мира», роль

которого великолепно сыграл Сергей Бондарчук. Роста выше среднего, слегка располневшая фигура, мягкость в движениях; даже в рукопожатии, когда мы знакомились, я не отметил жесткости; большие, круглые, близко посаженные к переносице глаза смотрели на окружающих как бы с удивлением; уже тогда над широким лбом обозначились залысины; в его репликах остроумие, сдержанность в изложении мысли сочетались с поразительной точностью и наблюдательностью...

Гостей было немного. Рядом с юбиляром сидел его брат Олег Борисович, смягкими чертами лица и необыкновенным тембром голоса – один к одному, как у актера Василия Ливанова – с хрипотцой.

Помню, я играл «Чакону» И. С. Баха. Играл уверенно, разворачивая во времени это огромное (пятнадцать минут звучания) полотно, написанное в оригинале для скрипки соло, но мастерски переложенное для гитары испанским гитаристом Андресом Сеговией. Это исполнение «Чаконы» аукнется спустя много лет, в 2000 году, на концерте в Малом зале филармонии в честь моего шестидесятилетия. Тогда Писатель подарит мне четверостишие:

*Без устали и страха
Попробуйте, как он,
Всю жизнь играть
Свою «Чакону»,
Как «Чакону» Баха,
И, даже ошибаясь,
Не солгать!*

Валера Сандрлер уехал жить в Америку в начале девяностых, а это была единственная «ниточка», связующая меня с Писателем. Казалось бы, на том вечере и должно было закончиться наше общение, но так только казалось...

Наступил 1996 год. Я только вернулся из Ростова-на-Дону, где успешно отыграл в филармонии концерт, провел мастер-класс для преподавателей гитары, которых собрали по этому случаю со всей области. Меня встречали в Ростове как Сеговию, я был доволен и счастлив. Запомнились фуршеты в мою честь и, особенно, ростовская копченая колбаса и «рыбец».

Когда вернулся, звонит Леонид Борисович и предлагает принять участие в съемке фильма об Афанасии Шубине. Снимать будет замечательный оператор Евгений Барышников, сценарий Дядюченко, а музыка моя. Надо сказать – лестное предложение. Тем более что в съемках будут участвовать ведущие альпинисты республики, с которыми я хорошо знаком: Женя Стрельцов, Леван Алибегашвили, Вячеслав Лях, Александр Еропунов и, что особенно приятно, Юлия Ивановна Шубина.

В назначенный день и час мы все явились в дом Шубиных. Дом, где я уже бывал несколько раз, – уютный, просторный, со множеством еще не проданных, к счастью, картин Афанасия, особенно любимой мной – «Озеро Мерц-бахера».

Съемки, которые даже не назовешь киносъемками, скорее, это фиксация на плане телекамеры «вечера дружеского общения». Когда все собрались, каждый высказался о своем восприятии творчества Шубина; потом я играл, потом спустились в подвал, где расположены уютная столовая и кухня. Разговоры, тосты, воспоминания о восхождениях, о Шубине, конечно же, песни...

Прошло десять лет, и вот теперь, собираясь писать воспоминания о Леониде Борисовиче, я просмотрел рабочие телематериалы (где-то полтора часа), подаренные мне Барышниковым. Смотрю все подряд: вот интервью со Стрельцовым, Алибегашвили. Начался мой импровизированный концерт. Женя снимает лица зрителей. Каждый слушает по-своему: кто-то, закрыв глаза, кто-то, не отрываясь, смотрит на мои руки, бегающие по грифу. Далеко в углу сидит Дядюченко, облокотившись на стоящий перед ним стул. Я играю «Не пробуждай воспоминанья» в обработке С. Орехова. Камера показывает крупным планом глаза Дядюченко, полные слез! И тут я впервые открываю для себя тонкость души Писателя, сентиментальность, способность чувствовать и глубоко переживать музыку.

И мне, спустя много лет, стала понятна его фраза, сказанная после «концерта» с легкой картавинкой – обычной, когда он волновался:

– Ну, нельзя же так изм-мываться, Леша.

Тогда я отшутился, так как не мог видеть его глаз, как это увидела телекамера, как это увидел умница Барышников. Не почувствовал в его фразе – как он взволнован...

Для меня 1999 год начался с «закономерной случайности». Володя Самохвалов, известный в республике альпинист и руководитель альплагерей «Ала-Арча» и «Алай», с которым мы были в приятельских отношениях, зная о существовании у меня 0,6 куба выдержанной тянь-шаньской ели – бесценного материала для скрипичных и гитарных мастеров, привел в конце марта ко мне домой несколько незнакомых гостей, с первого взгляда поразивших меня какой-то холеностью и изяществом в одежде и в манерах. Один из них, державшийся как-то необычно, холодно представился – Ермаков Евгений Иванович, президент фирмы «Витамакс», а это помощники – Инна Симонова и Наталья Гончарова.

– Хочу посмотреть, с вашего разрешения, ель, которую вы храните. До «президентства» я много лет занимался изготовлением гитар, да, собственно, и сейчас занимаюсь.

Я несколько растерялся от такого визита, от идеи посмотреть дерево. «Что смотреть, если я обещал подарить его Андрею Михайловичу Хомякову, мастеру, который в 1980 году сделал мне лучшую в стране семиструнную гитару, на которой я и играю», – но промолчал. Спустились в мастерскую.

Посмотрели дерево. Попили чаю, поговорили о чем-то незначительном. Гости удалились, поблагодарив. А через день, уже «без свиты», Ермаков пришел в гости с Самохваловым и его супругой Эльвириой Маречек.

– Алексей Александрович, я бы хотел послушать вашу игру, – сразу, без подготовки начал он.

Я был в прекрасной «форме», много занимался на инструменте, заканчивал работу над первой в истории русской гитары пьесой для гитары и симфонического оркестра – «Рапсодия гор», но на всякий случай предложил:

– У меня много моих записей и соло, и с оркестром, может быть, послушаем их?

– Нет, хотелось бы живое исполнение! – мягко, но настойчиво возразил он...

Когда я сыграл несколько пьес, была небольшая пауза, и затем Ермаков, обращаясь к Самохвалову и Эльвире, голосом «президента» фирмы, в которой они, кстати, работали уже несколько лет, сказал:

– Я приглашаю Агибалова за счет фирмы приехать на 25-ю Академию, дать для участников Академии концерт и остаться в Москве на месяц-два, на столько, сколько понадобится для записи компакт-диска с русской гитарной музыкой, назовем его «Антология русской гитарной музыки», – и, обращаясь ко мне, спросил:

– Вы согласны принять мое предложение?

Я оторопел от такого предложения. Вот уж действительно – эзотерика. Случайность? Пожалуй, нет! Ведь если бы я не занимался ежедневно по три часа, вот уже более сорока лет, и сыграл Ермакову плохо, ковыряясь, он, искушенный в гитарной музыке (как выяснилось позже), не предложил бы мне концерт в Москве! Явно – моя игра ему понравилась! Как, впрочем, и моя выдержанная ель!..

Опуская подробности, скажу, что концерт мой в Москве прошел в теплом, уютном зале мест на триста, где кресла расположены амфитеатром, в правительственном пансионате «Снегири» в шестидесяти километрах от Москвы, в сосновом бору, где жили все триста участников 25-й Академии «Витамакс». Ермаков ушел слушать гитару на самый верхний, дальний ряд, и не единожды во время концерта я слышал его «Браво».

Потом двадцать дней я писал компакт-диск с замечательным звукорежиссером Виталием Ахрамеевым. Диск получился интересный. Для меня было новым – писать гитару на компьютере, а не на магнитную ленту, к которой я привык за тридцать лет записей на Кыргызском радио.

Я приехал домой уставший, но счастливый... Где-то через неделю после моего возвращения звонит Писатель.

– Леша, я хочу, чтобы ты написал музыку для моего нового фильма о художнике Игоре Чернове. Если ты согласен, я могу показать отснятый материал, времени у нас с тобой есть еще неделя.

Я заколебался. Это будет пятый фильм, где моя музыка «подкладывается» под изображение, да еще голос диктора; и от нее остаются «кражки и ножки». Так было и в фильмах Изи Герштейна, и в фильмах Жени Котлова, теперь вот фильмы Дядюченко.

Но эти мои сомнения я вслух не высказывал никому. Промолчал и в тот раз. Отказать Писателю я не мог. Правда, всего неделя времени, успею ли?

– Да, я согласен. Когда мы можем посмотреть материал?

– Завтра в десять утра. На телестудии «Ордо».

– Тогда до завтра. Посмотрим, а там будет видно, что я успею сделать. Пока?

– Пока!

На следующий день с утра мы посмотрели несмонтированный материал. Интересный материал! Удивляюсь – как Дядюченко ищет героев своих книг, фильмов. Это ведь не «звезды», не знаменитости. Это простые, скромные, порядочные люди: вот как этот неизвестный мне пока художник – Игорь Игнатьевич Чернов. Надо срочно писать музыку специально к этому фильму, неплохо бы использовать, кроме гитары, оркестр, но разве можно успеть все это в отведенный мне срок? Нет, это невозможно! А что если, мелькнула мысль, использовать виолончель, с ее трагическим порой тембром? Вспомнилось, что сказал о ней, о ее голосе А. М. Горький. Он как-то шел по Москве, по узкому переулку. Из окна второго этажа слышалась музыка, он остановился, стал слушать и, пораженный, заметил про себя: «Как будто кто-то большой и добрый поет закрытым ртом»...

Через неделю мы с Леонидом Борисовичем уже монтировали музыку с изображением. Я успел написать сюиту из трех частей «Черный квадрат», где одна из «прелюдий» – гитара-виолончель, одна – гитара-соло и одна – виолончель-соло. Кажется, получилось неплохо! Во всяком случае, сидевший рядом со мной за монтажным столиком Л.Б., глядя на экран с уже подложенной музыкой, удовлетворенно покряхtyвал. От него ведь похвалы не дождешься!.. Отмонтировали. Геннадий Ковалев записал дикторский текст к фильму.

События разворачивались стремительно, и вскоре в гостиной «Ордо» – премьера фильма. Фильм назван несколько необычно – «Школа выживания», или «Маршрут № 67». Собралось много гостей. Знакомых и незнакомых: директор телекомпании Шамиль Джапаров – красивый, уверенный в себе молодой человек – окончил ВГИК, учился у Олега Даля; постаревшая, но все еще статная и величественная дама Калипа Кондуchalova, долго «рулившая» всей культурой республики и сотворившая «Серебряный век» этой культуры в 60-70-е годы.

Я сел в кресло рядом с Игорем Черновым, с которым Писатель познакомил меня несколько минут назад. Оказывается, я его видел однажды у входа в музей ИЗО имени Айтиева. Он стоял и разговаривал с художниками. Чуть выше среднего роста, в черном до пят драпированном пальто, делавшим его каким-то элегантным иностранцем. Он только приехал из Америки, где поработал как художник.

Сейчас, знакомясь с ним здесь, я увидел простое русское лицо, скорее не художника, как мы себе обычно представляем – в «бархатной блузке, с бородой, с гривой волос, как у Ференца Листа»; нет, передо мной стоял, скорее, – «сельский учитель», аккуратно одетый в голубую рубашку, какие продавал нам Китай, фирма «Дружба», серые выглаженные брюки, никакого высокомерия или превосходства, наоборот, даже какая-то неуловимая стеснительность...

Начался фильм, и там, где диктор заговорил о репрессированном отце Чернова, об оккупации Смоленщины немцами в 1941 году, где семья Черновых оказалась, Чернов, стыдясь себя, стал тихонько всхлипывать, и это его состояние передалось и мне, и всем окружающим. Фильм волновал, равнодушных не было. Потом состоялось обсуждение фильма, во время которого довольно много было сказано о таланте автора, о том, что фильм Дядюченко, как и все его произведения, потрясающе прост, в нем нет излишнего нагнетения драматизма, он затрагивает самые глубинные человеческие чувства. Герои Писателя напрочь лишены плакатности, они не для Доски почета, но именно их делами преображается мир.

* * *

10 сентября 1999 года. К моему дню рождения Дядюченко сделал подарок – огромную статью в газете «Слово Кыргызстана» под названием «Рапсодия гор». Это сюрприз для меня. Поражает, как точно, мастерски пишет он о музыке, как разбирается во всех ее нюансах. Это характерно для него: о ком бы он ни писал, будь то альпинисты, гидростроители, художники или археологи, он проникает не только в недра их души, но и профессии.

Так получилось, что «Рапсодия гор» впервые зазвучала во мне в Государственном музее изобразительных искусств, куда мы с женой в числе двадцати виднейших художников Евразийского субконтинента были приглашены для участия в Международной акции «Великий Шелковый путь – движение сквозь пространство и время». Вот уж не думал, что это мероприятие обернется столь значительным событием в моей музыкальной судьбе. Приведу небольшой отрывок из упомянутой статьи, чтобы показать, как Писатель увидел рождение «Рапсодии».

«Да, Алексей Александрович и его жена Кира Николаевна давно и всерьез занимаются дизайном поделочного камня. Они не раз экспонировали свои работы на различных выставках в художественных салонах, но дело не в этом. Агибалов сразу забыл, в каком качестве оказался на этой выставке. Тут все вдруг сошлось в одно…

И камерный оркестрик народных инструментов – кажется, это были ребята из «Камбарканы», чья музыка открыла и сопровождала акцию. И просветленные, завороженные лица посетителей, старательно вчитывающихся в таинственную символику поистине драгоценных экспонатов. И монохромные, прекрасные фотографии Саши Федорова, уже промерявшего чуть ли не весь Шелковый путь собственными ногами. И отрешенные взгляды собратьев по экспозиции, уже ушедшие в зыбкие контуры будущих замыслов и дорог. И все это было именно движением сквозь пространство и время. И это движение, обозначенное поначалу всего лишь напечатанным на пригласительным билете тезисом, вдруг обернулось отчетливо выраженным звучанием, торжественной музыкой архитектоники горных вершин, с грозным гулом горных рек, стремительно мчащихся по каменистым тропам табунов, с вторящим им наигрышем «Маш-ботоя», а то и вовсе безвестных даже ему самому кюю.

Стены зала словно раздвинулись, сменились периховскими, чуйковскими пейзажами, а сам он словно вернулся к самым истокам своей жизни на кыргызской земле. Ведь он и оказался когда-то в Киргизии из-за гор. Из-за случайной встречи где-то в Сары-Булаке с кыргызским пацаном, в характере которого, как в капле росы, отразилась не только природа, но и музыкальная, поэтическая натура целого народа. Ему, Агибалову, довелось тогда видеть, как девятилетний оборвыйш, распаляясь, входил в транс и начинал сказывать эпос, не зная, где споткнется, где остановится. Откуда это? Кто научил? Все это было необъяснимо, и это завораживало. И вот теперь, спустя треть века, он вдруг почувствовал себя этим живым ретранслятором невесть откуда взявшейся музыки, которая долго копилась, бродила и переплавлялась и, наконец, прорвалась, зазвучала в этом шумном зале, хотя пока только для него одного»…

Так глубоко, так выразительно передать то, что происходило в тот день со мною, мог только он, Писатель. И, уверен, никто иной. Полагаю, к такому же мнению пришел бы каждый из героев его многочисленных книг, очерков и статей, доведись им задуматься над этим.

5 октября 1999 года. Мой концерт в театре народного артиста СССР Арсена Умуралиева. В зале много друзей: Миша Дудников, Женя Котлов, Леонид Борисович Дядюченко, Никулины Юра и Валя, Злиха с Аликом, два американца, японец, которого привел на концерт Нурлан Джекшембаев.

Я раздавал автографы. Со мной играл Шамиль Нарбеков. Дядюченко попросил Сашу Федорова сфотографировать нас втроем. Поблагодарил за концерт. Особенно похвалил исполнение «Пряхи» М. Высотского.

18 ноября 1999 года. Презентация кинофильма «Школа выживания» в Доме кино. Я опоздал к началу показа фильма, пришел, когда в вестибюле шел фуршет. Дядюченко, как он ни упирался, был в центре всеобщего внимания и обожания. Чувствовалось, его не только ценят, но и любят товарищи по творчеству.

22 февраля 2000 года. Презентация «Рапсодии гор» для гитары с оркестром. Мы записали ее в декабре прошлого года с симфоническим оркестром Кыргызского радио и ТВ, дирижировал Джумакадыр Каниметов. До этого я не знал этого нового дирижера. Опыт общения с дирижерами у меня был, так как я играл с народными артистами СССР Калыем Молдобасановым, Асанханом Джумахматовым, с дирижерами Александром Георгиевым, Ильей Машкевичем. А теперь – новый для меня человек. Какой он дирижер? Будет ли взаимопонимание? Писали мы, естественно, в оркестровой студии, студии, надо сказать, великолепной по акустике. Огромный зал. С высокими стенами, с подиумом для хора. Я всегда испытывал благоговение, играя в этой студии с оркестром. Вот и сейчас, когда все расселись по местам и начали с чтения партитуры, голосов, я волновался. Это всегда испытание для композитора. Оркестр ведь может и не принять сочинения, если оно ему (оркестру) не понравится, если его не поймет и не оценит дирижер. Играть с оркестром намного труднее, чем играть соло. Оркестр не прощает непрофессионализма, неуверенности, беспомощности солиста. Не уверен? Зачем пришел?! А тут еще одно обстоятельство, затрудняющее исполнение «концертов» для гитары с оркестром – это слабый звук гитары.

Я помню, когда в феврале 1995 года на сцене театра оперы и балета имени Малдыбаева мной и оркестром театра был исполнен «Концерт» Фернандо Карулли (1770-1841), уже на фуршете Калый Молдобасанов, дирижировавший оркестром, подошел ко мне и сказал:

– Ничего более трудного в своей жизни я не исполнял. Гитару едва слышно, боишься промазать, потерять солиста, не вовремя ответить! Но я благодарен вам, Алексей, за прекрасную гитарную музыку! – и мы с удовольствием пожали друг другу руки...

Когда оркестр один-единственный раз прочел с листа мою «Рапсодию», Каниметов, обращаясь ко мне, говорит:

– Мы готовы писать. Все ясно, никаких замечаний у меня нет.

Я, едва сдерживаясь, чтобы не прочесть лекцию о том, что так сразу не пишут, что в оркестре много нестыковок, что надо посмотреть темпы – местами ускорить, местами замедлить, где-то вообще остановиться, что мы еще толком не поиграли с гитарой, а она не может, не должна «кричать», стараясь перекричать оркестр – это все равно бесполезно, что правильнее оркестру где-то «пошептать», не мешая гитаре сказать ее партию...

Но я промолчал, подавленно кивнул, согласившись писать.

Владимир Михайлович Бобков, который нас записывал сегодня и который писал меня с оркестром в далеком 1978 году, когда я впервые в двухсотлетней истории русской гитары исполнил два «Концерта» Антонио Вивальди (1678-1741), так вот он из аппаратной, отделенной от нас огромным застекленным окном, по громкой связи объявил:

– Оркестр, тишина. Приготовились. Алексей Агibalov, «Рапсодия гор». Дубль один, начали.

Я, взволнованный премьерой, возможностью услышать в реальности свое новое сочинение, играл нервно, эмоционально, порой слишком эмоционально, что отражалось на качестве звука. Вот

экспозиция, вот разработка, вот моя каденция, я играю один и «слушаю» кожей, что оркестр слушает с интересом; вот реприза и кода... Все. Дубль записан...

Я ждал, что дирижер, концертмейстеры групп и я пойдем слушать дубль в аппаратную, что после этого мы сядем писать новый дубль, сделав выводы и для оркестра и для солиста, да и для звукорежиссера, но вместо этого Джумакадыр, обращаясь к оркестру и ко мне, говорит:

– Всем спасибо, все свободны.

Оторопев, я подошел к Каниметову и, пытаясь сдерживаться, стал говорить ему, что неплохо бы записать еще дубль. Он выразительно посмотрел на меня и раздраженно сказал:

– Вы что? Не доверяете мне? Вы не доверяете оркестру?

Я не стал объясняться, подумал про себя: «Благодари судьбу, что у тебя есть дубль нового сочинения. А это большой вклад в дело создания нового репертуара для русской гитары». Я заставил себя расслабиться, улыбнуться, как положено после исполнения концертов, поблагодарил его, а потом подошел к Мунарбеку Атагельдиеву, концертмейстеру оркестра, и пожал ему руку. Вот уж он точно знал, что так писать нельзя: несколько лет назад мы блестящие исполнили и записали «Адажио» из «Концерта Аранхуэс» Хоакино Родриго с этим же составом оркестра. Тогда дирижер Илья Машкевич целую неделю репетировал его с оркестром сначала без меня, потом три смены со мной, и только после этого, убедившись, что все готово, дал «добро» на запись. Поэтому она и получилась на европейском уровне.

Муна, пожимая мне руку, ободрил:

– Не огорчайся, как-нибудь потом запишем еще дубль. Но ты молодец – так разработать по-европейски кыргызскую тему! Где ты ее взял? Я что-то не припомню такую...

И вот презентация «Рапсодии гор». Лучшего места, чем аппаратная большой оркестровой студии, не придумать. Большая комната, разделенная со студией огромным окном с двойными стеклами, посередине – пульт с множеством кнопок, переключателей, микшеров, светящийся зеленым приятным светом экран, на котором во время записи визуально можно контролировать громкость всех установленных в студии микрофонов, с пульта же – дистанционное управление работой магнитофонов... Стол перед пультом – как «королевский трон», на котором сидит Владимир Михайлович Бобков – «король музыки». Мы с ним одного года, но я всегда побаивался его строгой сдержанности. Этот красивый, ухоженный мужчина, с аккуратно подстриженными усами, неизменно в очках; я тоже ношу очки, но такой красивой оправы, как у него, я никогда не видел в магазинах «Оптика». Нос – как у древнегреческих мраморных богов – правильный, красивый. С ним не разговоришься. Даже когда он хвалил меня за исполнение концертов Вивальди, то делал это весьма сдержанно...

Народа немного, но это все люди, причастные к событию: Мунарбек Атагельдиев (концертмейстер скрипок), Асанхан Джумахматов (дирижер, народный артист СССР), Дарика Джалгасынова (певица, народная артистка Республики), Лев Касьянов (концертмейстер виолончелей), Вячеслав Алябьев (концертмейстер альтов), Леонид Дядюченко (писатель), Геннадий Набиуллин (директор оркестра и изумительный исполнитель, именно он играет в «Адажио» Х. Родриго на английском рожке), Диляра Пивоварова (музыкальный редактор) и несколько музыкантов оркестра... Каниметова, к сожалению, не было...

Прослушали фонограмму, она звучит четырнадцать минут, раздались аплодисменты, все дружно стали жать мне руку, обнимать, а я – руку Владимира Михайловича... Все что-то одновременно говорили, как-то возбужденно, радостно, затем перешли в соседнюю комнату, где на большом письменном столе была приготовлена скромная закуска к тому, чтобы выпить по стопке за рождение новой музыки. Презентация тем и хороша, что, прослушав музыку, каждый из присутствующих имеет возможность высказаться. В тот раз Писатель отмолчался, говорили другие; у него была своя точка зрения на «Рапсодию», но он, как обычно, не торопился ее высказывать. И потому его мнение, для меня особенно ценное, отличалось взвешенностью и безупречной ясностью формулировок.

Запомнилось тогда выступление А. Джумахматова.

– Очень сложная пьеса, почти симфония на кыргызскую тему, Агibalов показал свою грамотность, видно, что он хорошо знает гармонию, секвенции, кыргызский колорит, но... Такая сложная музыка нашему народу абсолютно непонятна, а значит, и не нужна! – вынес он приговор.

После его выступления я огорчился, спорить с ним не стал из благодарности: ведь именно он позволил играть с его оркестром, но про себя подумал – не правы вы, многоуважаемый Асанхан Джумахматович, ведь, по вашей логике, и симфонический оркестр не нужен, как не нужны оперы, балеты, симфонии...

Успокоил меня Мунарбек, умница, тонкий музыкант. Он отвел меня в сторону и сказал, что так для гитары с оркестром не напишет ни один кыргызский композитор, да, пожалуй, никто и в среднеазиатском регионе. «А академика ты не слушай, – с улыбкой добавил он, – Асанхан просто слегка не в духе».

17 марта 2000 года. Собрались дома у Юлии Ивановны Шубиной по поводу выхода книги стихов Дядюченко «Первый микрофон». Человек двадцать, все друг друга знают, это, в основном, компания Людмилы Бурдиной, группа «рерихнувшихся» (то есть тех, кто изучает творчество Николая Рериха). Сначала беседовали. Леонид Борисович отвечал на вопросы (минут сорок). Прозаик высочайшего уровня, он и среди поэтов республики был на первых ролях. Многие его лирические стихи мы знали наизусть. Он чужд был политической конъюнктуры, да и конъюнктуры вообще. И это касалось не только поэзии, но и прозы. Он исследовал человеческие души во времени, но времени отстоявшемся, а не взбаламученном. Поэтому его произведениям не грозит опустившийся занавес, они всегда читались и читаются с интересом.

И надо ж было так его «достать» перестроично-рыночным реалиям, чтобы он откликнулся на злобу дня иронической сатирой, следуя традициям русской частушки, куплетов сатириконов-пересмешников и студенческих капустников. Достаточно несколько четверостиший, и читатель почтует дух книги.

*Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля,
Я шагаю с комприветом
И с наличкой в два рубля...*

*У кого растут года,
У кого – седалища.
Вышли снова в господа
Бывшие товарищи.*

*Aх, попутай их нечистый!
Еники да беники.
Были сплошь все коммунисты,
Стали сплошь священники.*

*Вот пекутся о народе,
Все толкуют про народ.
А народ с утра в походе:
Серп и молот продает...*

Для него эта книга, написанная в такой вот ернической, озорной манере, не была, конечно, событием. При его обстоятельности, глубине постижения мира, она являлась как бы ручейком, впадавшим в многоводную реку его творчества, и подчеркивала скорее не величину, а многообразие таланта Писателя. Об этом, кстати, и говорили друзья в тот вечер, вспоминая в подтверждение и другие книги Леонида Борисовича. Он слушал как-то отстраненно, словно погруженный в далекие мысли, и только легкая улыбка блуждала по его лицу.

10 апреля 2000 года. Ходил в Радиокомитет, помогал Наталье Сундуковой (звукоператор) монтировать радиопередачу для «Музыкального калейдоскопа», монтировал текст Л. Б. Дядюченко, им же прочитенный, и мою «Рапсодию гор». В эфир пойдет 16.10.2000, даст Бог! Впервые!

Вот тут-то Писатель и высказался о «Рапсодии». Говорил с трудом, сильно заикаясь (от волнения), но говорил очень тепло, даже романтизировано, о том, что эта музыка будит воспоминания о горах, ледниках, камнепадах, лавинах и т.д.

6 июня 2000 года. На телестудии «Ордо» смонтировали фильм «Заложник». Сценарий и режессура Л. Дядюченко, оператор Е. Барышников, композитор А. Агибалов. Фильм смонтирован из талантливых стихов В. Шаповалова об исходе русских из Киргизии. Текст мастерски читает Коля Марусич. Фильм, от которого болит сердце, и нет ответа на вопрос: почему же четыреста тысяч русских покинули в спешке Киргизию, если она – «наш общий дом», как бесконечно часто говорил Акаев.

Увы, этот фильм, призванный обеспокоить властьпредержащих, заставить задуматься различные слои населения многонационального Кыргызстана, массовый зритель так и не увидел. «Заложник» так и не дошел до него. Поэт, поначалу с радостью согласившийся, что его стихи сыграют роль колокола, помогут резко обозначить проблему, в последний момент отошел со своими стихами в сторону. Дескать, преждевременно и все такое прочее... Леонид Борисович очень переживал. Слишком много сил души и сердца он вложил в этот фильм, слишком глубоко проникся темой исхода русских из любимой им страны. «Рушится та атмосфера, тот уклад жизни, при котором моя Киргизия процветала, из нее постепенно уходит дух братства, единения. А мои коллеги занимают страусиную политику, – с горечью говорил он. – Нет, я решительно отказываюсь это понимать»... Сам он никогда не боялся открыто говорить обо всем, что его волновало, чем бы при этом не приходилось ему рисковать.

5 сентября 2000 года. Малый зал Кыргосфилармонии. Юбилейный концерт к моему шестидесятилетию. В организации концерта очень помогла Наталья Корн. Зал на триста мест – аншлаг. У каждого зрителя шикарный пригласительный билет с программой концерта, а программа очень серьезная: Морено-Торроба – шесть пьес из цикла «Замки Испании», М. Мусоргский «Два еврея» из «Картинок с выставки», М. Высотский «Ах ты, матушка, голова болит» и мое сочинение «Ничто в полюшке». Ансамбли: А. Агибалов «Канционетта», гитара-флейта (блестящие играла Эльнура Шукрова), «Черный квадрат», виолончель – Шамиль Нарбеков.

«Концерт» Ф. Карулли для гитары с оркестром.

«Рапсодия гор» для гитары с оркестром (премьера).

«Рапсодия» прозвучала замечательно! Асанхан Джумахматов, дирижировавший оркестром филармонии, все сделал превосходно (а ведь это его первое исполнение этой партитуры). Тонкий дирижер, музыкант. Было телевидение, несколько телекомпаний. По окончании концерта с поздравлениями от Российского посольства выступил Юрий Петрович Шаповалов (от имени посла Г. А. Рудова), он поздравил меня и вручил адресную папку. Море цветов. Всю неделю моя квартира благоухала и была похожа на магазин «Цветы».

12.9.2000 года. Двенадцать часов дня. На небе ни облачка, довольно тепло, но не жарко, все-таки – сентябрь! У «Южных ворот» города, сразу за перекрестком, выкрашенный в оранжевый цвет, который выделяет эту машину из всех машин, время от времени проезжающих мимо, – стоит трехосный «Урал», специально переоборудованный для перевозки людей в горы. Эта машина ждет меня и моих друзей, которых я пригласил на званый обед в честь моего шестидесятилетия, пригласил на горнолыжную базу «Кашка-Су».

Подхожу к машине, дверь просторной кабины открыта, рядом стоит крупный, широколицый мужчина – Юрий Иванович, водитель этой базы. Мы с ним знакомы. В феврале я со старшим сыном

Андреем поднимался к ним на этой машине дать маленький концерт для персонала, покататься на лыжах, пожить пару дней в теплом уютном номере.

– Здравствуйте, Юрий Иванович!

– Здравствуйте, Алексей! Ваши друзья уже в машине, можем ехать!

– Хорошо. Пойду, поздороваюсь!

Иду к открытой двери салона, слышна характерная для большой компании многоголосица.

Поднимаюсь на ступеньку, заглядываю в салон. Ближе к двери сидит Юлия Ивановна, рядом с ней Дилияра Пивоварова, в глубине вижу Писателя в его любимой серой кепке, рядом Иван Евтушенко – поэт «черно-белой» фотографии, много лет отдавший горам в поисках сюжетов... Ладно, разгляжу всех потом. Чтобы не толкаться по салону среди кресел, здороваюсь с порога со всеми разом. В ответ хор шуточек, прибауточек. Голос Писателя:

– Скажите, а эта машина действительно едет в горы?

Все смеются. Я замечаю, что нет еще Шамиля Нарбекова и Юры Кузнецова.

– Подождем минут десять, должны подойти Шамиль и Юра, – отвечаю я, довольный тем, что все идет хорошо, по намеченному плану.

Проходит десять минут. Никого нет, но в последний момент, когда я готов был сесть в кабину к водителю, вижу, как через перекресток бежит взмыленный Юра Кузнецов. Подбегает, обнимает и торопливо оправдывается:

– Привет, Леша! Пока машину поставил в гараж, пока переоделся. Вот, едва успел. Молодцы, что подождали.

Он садится в салон, я – к Юрию Ивановичу в кабину. Вперед, в горы...

Дорога накатывается на нас, как будто много раз просмотренный видовой фильм: вот широкая аллея, засаженная по обочине березами, аркой и соснами, которые сильно подросли за эти тридцать лет, село Орто-Сай, по краю которого трасса уходит на запад и снова на юг, к горам. Длинный подъем на Чон-Арыкский взлобок, с которого – панorama гор во всю ширину и высоту хребта от Ала-Арчинского ущелья до Аламединского, а если приглядеться, и до Иссык-Атинского. Весь хребет еще в слегка побуревшей зелени и только вершины ослепительно белы. Даже на Комсомольце не растаяло снежно-ледовое полотенце, хотя Пионер – без снега, черный и мрачный. После Орто-Алыша, на время вернувшего тебя к домам, людям, снова жадно вглядываешься в панораму гор: теперь уже хорошо различимое ущелье Ала-Арча, ледник Адыгине, пик Лысенко белой «лопатой» торчащий у края ледника. Постепенно мысли о городе, о городских заботах и проблемах вытесняются из сознания, и удовольствие от увиденной панорамы заполняет всего тебя без остатка.

Перед плотиной дорога переходит с асфальта на правый берег реки, на грунтовую дорогу, абсолютно бесхозную, всю в колдобинах, камнях, торчащих, как зубы, из земли. На одном из таких «зубов» Юра Кузнецов пробил как-то картер своего старого «Москвича», когда мы ехали на родную горнолыжную базу «Оруу-Сай» на сборы горнолыжных судей. Юра, или более полно – Юрий Борисович, а точнее, как зовем его мы, друзья, ЮрБор, «составляет мне партию» не только на заснеженных склонах, но и на концертах. Мой успех в Екатеринбурге, в зале филармонии (когда-то – зале Дворянского собрания) в октябре 1996 года во многом был обеспечен его мастерством концертмейстера. Мы играли дуэтом несколько сочинений: «Дивертисмент» К. М. Вебера (гитара-фортепиано), «Концерт» в трех частях А. Вивальди (гитара-клавесин) и (снова гитара-фортепиано) «Анданте с вариациями» Л. В. Бетховена.

Другой бы расстроился, запаниковал в истории с пробитым картером, а Юра сходил к реке, нашел нужного диаметра сухую ветку, отрезал от нее кусок сантиметров десять, заострил его и забил эту «пробку» в отверстие. Так и доехали до базы... «Уралу», на котором ехали мы теперь, эти ухабы нипочем, он, мягко переваливаясь с боку на бок, уверенно ползет вперед. Мы едем молча. Справа по ходу – развалины кошар. Как после бомбежки. Издержки перестройки, или, как метко сказал Александр Зиновьев, «катастройки»!

Я искоса разглядываю водителя. У него сильные, натруженные руки, спокойное, с чувством собственного достоинства русское лицо, лицо человека, повидавшего многое, в том числе и горные... А горные дороги – это особенные дороги. Вон ведь сколько водителей, не «выдержав экзамен» на серпантинах перевала Тюя-Ашу, заплатили жизнью за ошибку. Я вспомнил разбитые машины вдоль серпантинов и рассказы бывалых шоферов, ездивших по этим серпантинам...

Даже сдержанность и немногословие Юрия Ивановича вызывали симпатию к нему. Вдруг он заговорил:

– Скоро придется уйти с этой работы! – и после небольшой паузы продолжил. – Какая-то странная болезнь. Что-то делаю дома, и вдруг глаза застилает пелена, почти ничего не вижу. А на этих подъемах и спусках, не приведи Господи! – случись такое... Я ведь людей вожу. Хотя столько я здесь поездил, что любой изгиб дороги, любой спуск или подъем как свои пять пальцев знаю. Да и восстанавливать разрушенные селями участки дороги приходилось. Но...

Я почувствовал, что ему, как «Ионычу» из рассказа А. П. Чехова, захотелось рассказать об этой надвигающейся болезни.

– А что говорят врачи? – спросил я.

– Они говорят: старая травма головы, было сильное сотрясение мозга, а это – как следствие.

Машина взобралась на короткий, но крутой подъем возле последней кошары. Вот справа – склоны горнолыжной базы «Политехник», хорошо видно выкошенную от кустов трассу. Дорогу, по которой мы едем, я когда-то промерил ногами не один раз. Это были годы, когда Вальдемар Трилевский с группой единомышленников начал строить первую в Киргизии бугельную канатную дорогу и первый бетонный дом, где мы ночевали поначалу субботы на воскресенье. Я носил, в первый год, в рюкзаке своего младшего сына вверх на базу. Правда, спускались мы обычно по короткой тропе, которая выходила к Дому отдыха в Воронцовке. Прекрасные были годы. У нас еще была Родина СССР, а то, что мы делали, мы делали не для того, чтобы заработать доллары, а для того, чтобы просто кататься на лыжах с семьями. Это строительство длилось почти двадцать лет. Столько же лет мы регулярно зимой приезжали сюда кататься. То было счастливое время. Теперь база приватизирована. Мы теперь – чужаки!

Машина поползла на малой скорости по серпантинам километровой не очень спланированной дороги, местами крутой и узкой. Вот еще один серпантин, и мы въехали на ровную, довольно большую площадку для машин. Юрий Иванович заглушил двигатель. Я взглянул на часы, они показывали половину второго.

– Насчет времени возвращения не беспокойтесь, отдохните столько, сколько хотите. Я не спешу и отвезу вас в город в любое время, – с доброжелательной улыбкой сказал водитель.

Все высypали из машины на воздух. Здесь высота – тысяча восемьсот метров. Воздух! Какой замечательный воздух! Еще чувствуется легкий аромат трав, хоть увядают и пожелтевшие, но укрывающие, как подстриженный газон, мягкие холмы, уходящие до гребня. Слабый ветерок доносит сюда, к базе, к красивым и уютно расположенным домам запах арчи, которая обрамляет выкошенную горнолыжную трассу. Арчи так много, что это уже маленькие рощицы, а вдали на склонах, за «кумысной поляной» (так кыргызы называли большой пологий травянистый склон), настоящий лес из арчи. Какое удовольствие набирать полные легкие этого «вкусного» воздуха. И я заметил, как все, кто приехал, делают это изумленно и восторженно! Воздух, голубое небо, красивая панorama. Подошел Леонид Борисович.

– Господин Агибалов, а вы, оказывается, большой оригинал – отпраздновать день рождения в таком роскошном «банкетном зале», как эти склоны, с декорациями из пиков Комсомолец и Пионер. Я поздравляю вас с таким выбором и днем рождения!

Хоть он и подтрунивал, я уловил в голосе едва скрываемую радость. Радость от всего, что нас окружало. Этого горного воздуха у него когда-то было много, как у всех тех, кто занимался альпинизмом, работал в геологических партиях. Казалось, что это будет всегда, но в силу разных обстоятельств и горы с годами стали как бы медленно удаляться от тебя и становиться все менее доступными. Только и остается, что смотреть из города на вершины, как на прошедшую юность, которую не повторить.

К нам подошел Виктор Глущенко, директор и архитектор базы, и, пожав мне руку, спросил:

– Приехали? Все нормально? Леша, я поздравляю тебя! И в качестве моего подарка предлагаю тебе и твоим друзьям подняться на канатке наверх, чтобы посмотреть панораму. Как? Согласны?

– Спасибо, Витя. Не ожидал такого сюрприза! Конечно, с удовольствием!

Километровая кресельная канатная дорога, единственная в республике, была украшением этой базы и «магнитом», притягивавшим сюда зимой и наших, и «ненаших» горнолыжников, сноубордистов. Сейчас, осенью, она включается изредка, только по просьбе какого-нибудь «крутого» «нового русского» или «нового кыргыза», изредка для семинаристов всяких фирм, заезжающих сюда сразу на неделю и оплачивающих услуги, в том числе и прогулки на канатке.

Вот она – начинается в пятидесяти метрах от нас. Красивая, современного вида застекленная станция посадки с турникетом, дальше – выкрашенные в голубой цвет опоры, на трассе – кресла самых разных цветов: яркие красные, синие, зеленые, оранжевые, белые – висят сейчас неподвижной праздничной гирляндой, уходящей на самый гребень, на высоту 2 350 метров. Красиво!

Я, обращаясь ко всем громко, как «массовик-затейник», почти прокричал:

– Есть предложение подняться на канатке наверх. Если согласны, пошли на посадку.

Все дружненько стали подниматься по ступенькам с перильцами. «Как все-таки аккуратно все сделано, какой дизайн во всем», – думалось мне. Справа, выше посадочной станции, три красивых, как в Альпах, двухэтажных дома, к ним проложена аккуратная дорожка из тротуарной плитки, березки «стайками» вокруг домов. В феврале я с сыном Андреем жил в одном из них.

Канатка загудела. Стали садиться в кресла. Помогал это делать высокий красивый парень Женя, я кивнул ему, улыбаясь. Он улыбнулся в ответ. Сел, еду, со мной спортивная сумка, в ней несколько бутылок шампанского, колбаса, сыр, хлеб. Знаю, что там, наверху, есть столик для гостей базы, и им часто пользуются, ведь на таком «вкусном» воздухе хочется есть намного сильнее, чем в «бетонных бункерах» городских микрорайонов.

Справа и слева плывут травянистые склоны арчовника, местами – стелящийся можжевельник. Вот и гребень, где подъем заканчивается, и нужно вовремя сойти с кресла. Встречает еще один знакомый – Юрий Андреевич, он уже немолод, был в феврале на моем концерте здесь, на базе, снял концерт на видео. Выхожу из кресла, подхожу к нему, здоровлюсь, оглядевшись, говорю ему:

– Как я вам завидую. Работать в окружении такой красоты, чистого воздуха, родниковой воды.

Он кивает в знак согласия, и идет, чтобы помочь женщинам выйти на ходу из кресел.

Вот, наконец, поднялись все. Я веду их к столику с лавками вокруг, разгружаю сумку. На помощь подошла Юлия Ивановна Шубина.

– Лешенька, давай помогу. Какая ты умница, устроить нам всем такой праздник!

Я охотно отдаю ей складной нож, которым она начинает аккуратными ломтиками резать хлеб, колбасу, сыр. Чувствуется, режет художник. Я смотрю на ее натруженные руки, на слегка поблекшее, но не утратившее привлекательности лицо. Ведь когда-то она вела от Аксайского водопада на стоянку Рацека отряд альпинистов, в котором был и я. Я слышал, с каким благоговением говорили за ее спиной молодые горовосходители:

– Это Шубина, мастер спорта, жена того самого Афанасия Шубина, художника и альпиниста...

Мое отношение к ней за эти годы ничуть не изменилось, осталось то же преклонение...

А тем временем все разбрелись по гребням, любуются новой панорамой. Комсомолец весь, от основания до вершины, как на ладони, левее – черно-фиолетовый «жандарм», между ними натечный лед, без кошек не пройти. Речка белой нитью тянется от бугристых морен вниз, спускается между холмами, густо заросшими арчой, шиповником, кустами и травами. Вон – поляна, где я люблю провести два-три дня в палатке, с выходом к Комсомольцу.

Наглядевшись, все собираются вокруг стола, понимая, что пора поздравить юбиляра. Шампанское открывает Писатель, он, как дирижер оркестра, наливает всем в пластиковые стаканы шипящий и искрящийся пузырьками напиток и, когда все разобрали стаканы, говорит:

– Давайте поздравим юбиляра в столь необычной обстановке и пожелаем ему и всем нам повторить, лет эдак через десять, подобное мероприятие.

Все улыбаются, символически чокаются незвеничими стаканами, пьют.

Дядюченко, обращаясь ко мне, продолжает, сохраняя шутливый тон:

– Господин Агibalov! Я так понимаю, это «интродукция» к основному действию, и я пока не смею вручить вам свой презент, полагая, что смогу это сделать чуть позже, за обедом, – и улыбается.

– Мне хорошо известен ваш размах, уверен, одноактным мероприятием мы не ограничимся.

Канатка включена, едем вниз. Я еду последним, еще раз оглядывая горизонт: вон там, внизу, город, такой же далекий, как из иллюминатора самолета. Доехав, благодарю Женю за удовольствие. Идем в кафе, столовую, ресторанчик, его можно назвать как угодно. Он в подвале, если считать первым этажом большой, великолепно отделанный зал для семинаров и длинную, обшитую деревом мансарду-балкон, с которой хорошо смотреть на трассу, где спускаются лыжники зимой. Винтовая лестница, ведущая вниз – опять отличный, продуманный дизайн. Виктор Глущенко имеет диплом политехнического института, и именно он придумал все эти лестницы и эти дома с туалетами и умывальниками на первом этаже, облицованными кафелем. Он директор базы, и мы с ним знакомы давно. Он нравится мне и своим видом, аккуратностью, и вкусом в одежде, нравится немногословностью идержанностью. Его жена Светлана, миловидная женщина, – его противоположность: говорит много, пространно, с увлечением. Нельзя не отметить поистине огромный вклад в создание и развитие базы, во все, чем она живет, чем притягивает к себе массу людей, Геннадия Касиева – великолепного организатора, строителя, друга и партнера Виктора Глущенко. Их связь на горнолыжной «стезе» продолжается уже более трех десятилетий.

Налево и направо от лестницы – два небольших уютных зала с длинными столами и лавками из золотистой сосны. Зал направо – с камином. Я играл здесь как-то группе немцев, откатавших смену на наших ледниках с помощью вертолета, который их забрасывал наверх, а потом ждал внизу на леднике, пока группа спустится.

В зале направо столы сдвинуты, образуя один большой стол, он застелен красивыми свежими скатертями, накрыт и ждет гостей. Проходим, рассаживаемся, кому где нравится, но Писатель молча, вежливым жестом предлагает мне сесть во главе стола, где вместо лавки стоит стул. Сажусь. Мне, как и всем гостям, все это неожиданно и приятно, не знаю, что делать дальше.

На столе достаточно спиртного – водка и вино, а также салаты, закуски, все красиво и выглядит аппетитно. Но ЮрБор, таинственно улыбаясь, начинает доставать из-под стола, из портфеля, небольшие, плоские коньячные бутылочки, заполненные, как я знаю, его фирмой «ЮрБоровкой». Мы с ним ровесники. С юности знаем друг друга еще с Чимчана, что в девяноста километрах от Ташкента, где мы начинали учиться кататься на горных лыжах. Он выше меня, худощав, светловолос, ничуть не полысен, в отличие от меня. Его «экстерьер» и сейчас привлекает женщин. Остряк, балагур, всегда в центре компаний.

Он долго работает заведующим кафедрой консерватории, профессор, много гастролировавший с народным артистом СССР Булатом Минжилкиевым, знает застолье, что и где сказать, непременно ввернет анекдот; он-то и разряжает обстановку, открывая вечер.

– Друзья мои! Мне очень приятно, и я думаю, что и вам всем приятно, что нашелся повод собраться нам вместе. «Повод» сидит, как мы видим, во главе стола и молчит. Давайте выпьем за «повод» и пожелаем ему, как положено в таких случаях, здоровья! – и начинает предлагать соседям по столу пригубить из своих бутылочек.

Все. Напряжение испарилось! Все стали накладывать по тарелкам салаты, которых было изобилие (ведь сентябрь на дворе), мужчины налили дамам и себе по рюмкам, кто чего хотел, все разом неожиданно встали, встал и я, смущенный этим вставанием, все выпили. Я пил сок, потому что стоит мне выпить хотя бы сто граммов водки, у меня потом раскалывается голова от боли.

А ЮрБор уже рассказывает анекдот Диляре Пивоваровой, сидящей с ним рядом. С Дилей нас связывает дружба уже около сорока лет, она – музыкальный редактор Кыргызского радио. Дядюченко что-то рассказывает Вячеславу Ляху, крепкому, как медведь, не один десяток лет работавшему начальником КСП альплагеря «Ала-Арча».

Леонид Борисович встает, идет в угол зала, берет из пакета какой-то сверток, разворачивает его и, обращаясь ко всем, говорит:

– Целые сутки мы с внуком Сережей и внучкой Машей работали, не покладая рук и ног, и родили вот этот «шедевр», – и он развернул огромный лист ватмана, как оказалось, стенгазету, с какими-то текстами и фотографиями. В левом углу я заметил приkleенный пригласительный билет в Кыргосфилармонию на мой концерт, прошедший 5 сентября. – Я не смею утомлять почтеннейшую публику чтением всей газеты, но кое-что я, с вашего позволения, прочту, – перевел он дух и стал читать:

*Во дворе, где каждый вечер не играла радиола,
Где пары не фокстротили пыля,
Вся Каишарка уважала очень Леньку Пузырева,
Присвоив ему званье Короля.*

*Был Король, как Король, он, гитарою владея,
Всю Каишарку в полон обратил
И не зная сам того, пацаненка Алексея
Он к гитарной струне приструнил.*

*Что теперь говорить, был тот пажем иль не пажем,
Но послушав игру Короля,
Алексей бежал домой, чтобы все его пассажи
Повторить, ничего не повторя.*

*И не знал тот Король, что в его надежной свите,
В самом-самом надежном из пажей
Зрел тот заговор, который низвергал, уж извините,
Даже самых святых королей.*

*Отбренчали года, кому много, кому мало,
Ведь у каждого по жизни своя роль.
Вы сыграйте нам свое, о маэстро Агibalов,
Коль уж вам не по душе словцо «Король».*

Прочитав стихотворение, он подошел ко мне и вручил стенгазету под аплодисменты.

«Вот как аукнулся мой рассказ Писателю о моем детстве и юности в трущобном квартале (или по-узбекски «махалле») Ташкента, который назывался «Каишарка». Вот как он изумительно перефразировал известную песню Булата Окуджавы, ввернув туда кумира и моего, и всей махалли – Леньку Пузырева. Я встретил Леонида Максимовича Пузырева в Ташкенте спустя сорок лет, оказалось, он долго плавал по южным морям капитаном дальнего плавания, но самое поразительное – у него цела та самая гитара, что покорила мое детское воображение и чудесным образом повлияла на мою жизнь. Он спел мне несколько песен из того далекого времени, тем же надтреснутым и таким родным голосом. Помню, он нисколько не удивился тому, что я гастролирую по Союзу, записал несколько пластинок. Я остался для него «пажем», как метко заметил Писатель!..

Эта газета до сих пор висит в моем кабинете, рядом с афишами и фотографиями разных лет...

Вечер продолжался. Я помню теплые слова поздравления Юлии Ивановны, Вячеслава Ляха, выступление со шваброй, надо понимать, изображающей «комуз», Ивана Евтушенко, он спел с «узбекско-грузинским акцентом» басню Крылова «Ворона и лисица».

Было подано изумительное горячее и ароматное мясное блюдо, тосты, тосты, тосты. Юра Кузнецов ушел к стоящему в углу зала пианино. Вокруг него собралась «стайка» поющих. Они пели песни советских лет: и «Я люблю тебя жизнь», и «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки», и, конечно же, Писатель спел сначала соло, а потом, поддерживаемый хором, «Виноградную косточку в теплую землю зарою» Булата Окуджавы. Потом пили чай с огромным тортом.

Я, понимая, что нам еще надо спуститься в город по трудной горной дороге, что надо не злоупотреблять гостеприимством хозяев базы и терпением Юрия Ивановича, вышел из зала наверх, на воздух. Стемнело. Довольно прохладно. Надо надеть свитер, благо я прихватил его, да и гостям советовал взять с собой свитера или куртки. От Комсомольца дул легкий, но постоянный на снегу и ледниках горный бриз – явный признак хорошей погоды. Следом за мной пошли наверх остальные гости. Нуран Джекшембаев – когда-то мой ученик, поехавший в Москву к Иванову-Крамскому в класс гитары, вынес наружу огромный арбуз, который предлагался на десерт, но который мы уже не смогли осилить после столь роскошного обеда-ужина.

– Алексей Александрович, – возьмите арбуз домой, угостите своих близких, – сказал он.

Я взял у него тяжеленный арбуз и, не зная, что с ним делать, вдруг неожиданно для себя протянул Юрию Ивановичу, стоявшему возле машины и гревшему двигатель.

– Вы не обидитесь, если я подарю вам арбуз от всех нас? – как-то не очень уверенно спросил я его.

Он посмотрел на арбуз, потом на меня.

– Да как-то неловко мне, но, чтобы не обидеть, возьму, пожалуй. – И он взял у меня арбуз и закатил его под сидение в кабине.

Все собрались, зябко поеживаясь, кто надел свитер, кто куртку, пошли в салон машины. Я сел к Юрию Ивановичу, держа в руках драгоценную стенгазету. Город внизу светился огнями, как новогодняя елка, красиво и отстраненно. Праздничный день заканчивался. Надо возвращаться в «цивилизацию», в город со всеми его заботами и проблемами. Я был доволен и счастлив.

«Первый тайм мы уже отыграли», – вспомнилась мне песня Пахмутовой.

20 сентября 2000 года. В эфире повтор радиопередачи «Гитара и струнный квартет», новые записи. После радиопередачи телефонный звонок. Звонит Ю. И. Шубина. Взволнованная, со слезами в голосе благодарит за мою «Элегию» для гитары со струнным квартетом. Значит, не зря я ее написал. В ней есть эмоции, настроение. Надо дать ее (элегию) послушать Л. Дядюченко, узнать его мнение.

4 октября 2000 года. Неожиданно был приглашен на запись «Рапсодии гор». Инициатива Д. Каниметова (он не забыл моего пожелания «как-нибудь, при случае, переписать «Рапсодию»). Большой состав оркестра: вся струнная группа, все духовые. Дирижер Джумакадыр, звукорежиссер В. Бобков. Записали практически с одного дубля. Запись значительно лучше предыдущей. Гитара звучит мягко, оркестр виртуозно справляется со всеми трудностями; прекрасно звучала флейта (Валерий Бобров). Ведь я внес в партитуру много нового и, как оказалось, интересного. Вот тебе и Каниметов!

«Не надо делать скоропалительных оценок», – отметил я про себя.

11 ноября 2000 года. Ходил на открытиеотовыставки Саши Федорова в Доме кино. Там встретил Л. Б. Дядюченко, В. Бердигана, М. Дудникова и многих других друзей и знакомых. Интересная выставка – рассказ языком фото о природе и людях Киргизии. Молодец Саша! Проводил Писателя домой, шли неторопливо, разговоры о Федорове, Евтушенко. Договорились встретиться и послушать «Рапсодию» – новую запись.

17 ноября 2000 года. Был в гостях у Дядюченко. Слушали мои записи (я пришел к нему с магнитофоном). Пообедали. Музыку не обсуждали.

23 ноября 2000 года. Был с Писателем в гостях у Натальи Корн. У американцев это праздничный день – День благодарения. Кроме нас были: Лоу – муж Натальи, американец, врач Корпуса Мира, высокий, с коротко подстриженной головой и красивой с проседью бородой, ему лет пятьдесят, худой и стройный, когда-то в Америке занимался легкой атлетикой, получил травму, теперь у него вшил металлический штырь в бедро. Еще подруга Натальи Татьяна и Франсуа, мужчина лет пятидесяти, влюбленный в творчество Сент-Экзюпери и посещающий уроки музыки здесь, в Бишкеке, где учится петь русские песни.

Поужинали. Разговоры не клеились. Писатель весь вечер молчал. Послушали «Рапсодию гор». Лоу почему-то сделал громкость едва слышимой и сам ушел на кухню заваривать чай, громыхая посудой. Слушали, пожалуй, одни Франсуа и Татьяна, так как Дядюченко это уже недавно слышал. Франсуа, прослушав музыку, сказал:

– Сочетание драматизма и пасторальности рисуют дивную картину гор Киргизии.

17 ноября 2000 года. В мае месяце Эльвира Маречек – президент Кыргызского филиала «Витамакс» в Киргизии, вручила мне готовый экземпляр CD (компакт-диска) «Антология Русской гитарной музыки». Моей радости не было предела. Я много раз слушал его и наслаждался чистотой и красотой звуков. Новый цифровой способ записи напрочь исключал такой недостаток магнитной ленты, как шипение, едва уловимое, но всегда присутствующее. Звуки растворялись где-то в космосе, как будто я играл в центре зала Храма Христа Спасителя. Этого «космоса» добавила компьютерная реверберация. Даже я, искушенный в записи, не мог «утолить жажду желания» слушать, слушать и слушать...

Как тут было не поделиться с Писателем моей радостью. Я позвонил ему, договорились о встрече у него. Я пошел к нему со своим музыкальным центром Sony. Обычное, почти стандартное начало визита. Я звоню два раза, за дверью шаркающие шаги, голос Писателя:

– Скажи Парол!

– Парол!

– За-хады! – дверь открывается, я вхожу.

Значит, у него хорошее настроение, раз юморит. После рукопожатия опять привычный текст Писателя:

– Водка? Виски? Коньяк? Чай? Кофе?

И обычный ответ:

– Не сейчас, вот послушаем музыку, может быть, тогда.

Собираю музыкальный центр, вставляю на «салазки» CD, он «глотает» его. Мы садимся на такой знакомый, привычный диван у окна и начинаем слушать все подряд: пять пьес М. Высоцкого, две пьесы А. Сихры, пьесы В. Моркова, В. Саренко, Ф. Циммермана, Н. Александрова, А. Соловьева, П. Петтолетти и восемь моих новых пьес, записанных рядом с музыкой корифеев.

Писатель устал, выступила даже испарина на лбу. Он какой-то растерянный, удивленный, огромные круглые глаза его сделались еще более круглыми. Он не проронил ни звука пока звучала музыка, наконец, говорит – после небольшой паузы:

– Требуется провести пресс-конференцию, пойду, поставлю чайник, – и уходит на кухню.

Я разглядываю знакомые мне по прошлым визитам резные кресла (в стиле Коненкова) из карагача с капом, картины на стенах – подарки художников. Мое внимание привлекли новые работы, стоящие рядом на пианино. Это те самые «Петли Нестерова», мастерски смонтированные Л. Б. на подставках из кусочков карагачевого капа: вот «Майя Плисецкая», вот явно «Скрипичный ключ»,

вот целый «букет» этих петель, как вздыбленные и странные «иглы» какого-то неведомого животного... Это уже целая коллекция!

— Леша, пойдем на кухню, за чаем мне нужно кое-что уточнить.

Идем на кухню. Довольно просторная кухня. Слева большая стена, как огромный вернисаж, обклеенная вырезками, иллюстрациями из альбомов по живописи, декоративно-прикладному искусству, от малых голландцев до наших дней. На столе необычная хлебница, выдолблена из куска арчи (это подлинный шедевр Дядюченко), на узкой тарелке красиво нарезанная, с репчатым луком селедка, в деревянной миске (явно сделанной руками Писателя) дымится картофель, а в салатнице — фирменный дядюченковский винегрет. Справа у входа, на стене, — большой двойной портрет, нарисованный и подаренный Володей Кругманом еще до его отъезда в Германию. Несмотря на то, что портрет написан в стиле «кубистов», написан с большим чувством юмора, в нем легко узнать самого Володю, растопырившего пятерню в жесте, который знаком всем, «соображающим» на троих, и Писателя с рюмкой в руках. Глаза Писателя Кругман «посадил» почти на переносицу, сделал их больше и круглее обычного, от чего лицо приобрело выражение «заговорщика», «себе на уме». Здесь же навесные полки, газовая плита, холодильник, раковина, как и во всех квартирах постройки семидесятых годов прошлого века, но планировка этой кухни несколько другая, она попросторней и выходит через застекленную дверь на огромный балкон.

Мое привычное место сразу у входа, я сажусь, садится и Писатель.

— Господин Агибалов, я поздравляю вас с записью нового компакт-диска. С записью музыки, которая волнует и «уносит во времени» в начало XIX века. Расскажите, как все это было. Что за студия? Кто ее хозяин? Кто звукорежиссер?

Мы пьем чай, едим картошку с селедкой и я неторопливо рассказываю:

— Как я уже однажды говорил — все началось с визита ко мне домой целой делегации во главе с Володей Самох-валовым. Одним из гостей был Ермаков Евгений Иванович. Именно он предложил мне дать концерт в Москве и остаться на время там для записи в его новой студии CD с русской программой. Концерт прошел в «Снегирях», потом была Москва, где с 3 апреля я начал писать CD. В первый день записи я с трудом нашел офис «Витамакса», в котором располагалась студия, в незнакомом мне районе парка «Сокольники», опоздал почти на час на запись. Извинился за опоздание. Меня уже ждали: сам Ермаков и с ним рыжеволосый, невысокий, лет сорока звукорежиссер Виталий Васильевич Ахромеев .

Первым делом Ермаков повел меня, в сопровождении Ахромеева, посмотреть офис: небольшой вестибюль, посередине стойка, как в баре, за ней две секретарши, отвечающие на бесконечные звонки (как я узнал позже, со всего Советского Союза), в одной только Киргизии три с половиной тысячи сотрудников «Витамакса». Евгений Иванович показал свой шикарный кабинет с огромным, как океанариум, аквариумом, вмонтированным в угол кабинета, где плавали рыбки из тропических морей. В углу — застекленный шкаф, а в нем две гитары работы Ермакова, кстати, получившие какие-то медали в Европе. Потом мы прошли по коридору мимо комнаты с компьютерами и сотрудниками, дежурившими возле них, ну прямо как на «Фондовой бирже», и очутились в студии. Студия небольшая, размером с комнату, стены задрапированы специальной звукоизолирующей тканью. Посередине зала — пять рядов кресел, здесь проходят «секретные» совещания руководства «Витамакса». Казалось, ну вот теперь можно бы и попробовать что-то записать. Ермаков попросил извинения и удалился, а Ахромеев повел меня в миниатюрную комнатку, отделенную застекленным окном от студии . Это была аппаратная с небольшим пультом и компьютером — «сердцем и мозгом» студии.

— До вас, Алексей, я пробовал здесь писать Сашу Винницкого и Асю Бардину. Не получилось, я отказал им. Но с вами мне захотелось поработать, так как я послушал записи, которые вы передали мне через Евгения Ивановича. Мне понравилась ваша игра и соло, и с оркестром. Думаю, что должно получиться...

Тут в аппаратную заглянул Ермаков.

– Алексей, а не могли бы вы поиграть на моих гитарах, попробуем их чуть-чуть записать, интересно, как они звучат в записи.

Отказать было невозможно, и целый час был потрачен на «пробу» этих гитар, которые мне, честно говоря, не понравились: они настраивались с трудом, да и высота струн над XII ладом семь-восемь миллиметров. А это многовато! Трудно прижимать струны к ладам в высоких позициях... Наконец Ермаков удалился, мы остались вдвоем с Виталием Васильевичем.

– Ну что, давайте попробуем что-нибудь поиграть, пописать.

Я уже устал, мне бы отдохнуть, но я промолчал и пошел в студию. Звукорежиссер по радиосвязи просит меня что-нибудь поиграть. Играю гаммы, аккорды, отдельные ноты, подстраиваю гитару. Я настроил гитару на полтона ниже, чем по камертону, у нее странно приятный, незнакомый мне тембр. Этим приемом – настраивать гитару на полтона ниже – пользовался Andres Сеговия, а до него – Августин Барrios. Потом мы послушали пробную запись моей «разминки». Ахромеев менял положение микрофонов, пока не установил, как он считал, оптимальное. Мелом очертил круг вокруг стула, на котором я сидел, для того, чтобы в последующие дни более не экспериментировать. Наконец он из-за стекла попросил меня начать играть какую-нибудь конкретную пьесу. Я начинаю играть «Прелюдию» памяти М. Высотского и вдруг, к своему ужасу, чувствую, что пальцы не слушаются, сплошная «грязь», зажатость звука. Я пробую еще и еще и понимаю, что это первый и последний день записи. Все! Катастрофа! У меня нет сил играть! Останавливаюсь, сижу, подавленный.

В студию вошел Ахромеев, в руках у него портфель, он что-то ищет в нем, находит. В руках у него – восковая церковная свеча. Он успокаивающе говорит мне:

– Не терзайтесь, Алексей. Я вот пока шел на запись, шел мимо церкви Св. Варвары, купил там свечку (на всякий случай).

Он зажигает свечу и, держа ее в вытянутой руке, начинает обходить студию метр за метром. Свеча горит ровно, но вот в одном из углов ее пламя вдруг начало колебаться, готовое потухнуть. Он остановился и произнес:

– Сегодня днем здесь проходило напряженное совещание. Не исключено, что среди присутствующих был человек, заряженный отрицательной энергией, отрицательным полем. – Свеча успокоилась. – Ну вот, пожалуй, хватит. Давайте еще раз попробуем писать. Начните с самого простого.

Он ушел в аппаратную. Я начал играть «Адажио» Вл. Маркова и, к своему изумлению, играл свободно и раскованно. Так родился первый дубль, «первый маленький» шаг на «трудную вершину» записи нового CD в истории русской гитары...

Я остановился, чтобы перевести дух. Писатель все это время, пока я говорил, не произнес ни слова.

– Да, эта ваша новая запись, как восхождение «на гитарный Эверест в одиночку и без кислородной маски». Почти как у Рейнгольда Месснера. Сколько дней вы писали всю программу?

– Всего двадцать дней.

– Давайте выпьем за ваше мужество и мастерство.

Мы подняли рюмки, я отпил маленький глоток, зная, что мне пить нельзя.

– А что это за пьеса, «День в сентябре», ведь это совсем новая пьеса!

– Это этюд, виртуозный, с острым ритмом, современными гармониями, необычной финальной фразой, исполненной «пиццикато», таких пьес в репертуаре русской гитары до этого не было.

В этот момент нашего разговора я еще не знал, что у Писателя зреет идея написать статью в одну из республиканских газет, это и объясняло его заинтересованность, желание узнать подробности. Пройдет немного времени, и статья действительно появится в кыргызском разделе газеты «Аргументы и факты».

Довольные таким необычным гитарным «вечером», мы ушли от гитарной темы, поговорили о Володе Кругмане, я посмотрел с десяток фотографий его новых работ для выставки в Кельне, где он сейчас жил. «Пора и честь знать». Собрал аппаратуру, поблагодарил Писателя за гостеприимство и ушел...

В конце ноября у Писателя случился инфаркт. Он не был обширным, поэтому не было потери сознания. Хватило даже сил позвонить дочери Оле, а уж она приехала, быстро сориентировалась и вызвала «скорую». Дальше – Кардиология, неделя капельниц и уколов. Медленное возвращение к более-менее нормальной жизни.

Прошло месяца два после выписки его из больницы, когда я впервые, уже в феврале наступившего 2001 года, предложил Писателю начать совместные прогулки на Орто-Сайские холмы, которые я исходил вдоль и поперек, спасаясь от различных недугов, обычно нападающих на людей с сидячим образом жизни, как свора голодных собак. Движение – вот спасение, я это усвоил сам и теперь надеялся «поделиться опытом» с Писателем, который давно не ходил за пределы города. Мы прогулялись раз, другой, и постепенно это стало системой. Я познакомил его со всеми своими маршрутами. Начинали с простейших, а через год-два были довольно сложные и по протяженности, и по крутизне подъема прогулки. Но начну по порядку.

РАПСОДИЯ ГОР

24 февраля 2001 года. День выдался пасмурным, все небо в облаках, как будто на него накинули мягкое ватное одеяло. Маршрутка довезла нас в центр села Орто-Сай, на конечную остановку. Село вытянулось узкой лентой домов вдоль холмов, иногда подходя к холмам вплотную, иногда отдаляясь на сотню метров. Тишина и неторопливость ритма жизни чувствуется сразу. Тот, кто заложил когда-то это село, любил тишину и неторопливость жизни, подальше от шумных дорог Чуйской долины.

Прямо в центре села вглубь холмов уходит овраг. В устье он широкий, обрамленный округлыми травянистыми холмами, как животы беременных женщин, а если идти вверх, то он постепенно сужается, и борта его становятся все более крутыми, почти вертикальными, сложенные из конгломератов и глин. Редкие кусты цепляются на его отвесах корнями, чтобы не упасть, да огромные листья лопухов осенью шуршат, как пергамент, а отдельные листья представляют интерес как произведения искусства, созданные природой: остался только красивый скелет листа, сам он не имеет практически веса.

Мы входим в устье оврага и идем вверх. Писатель в плотной куртке, на голове любимая кепка, за плечами небольшой рюкзачок – все серого цвета. (Никогда не видел на нем яркой одежды).

Я одет достаточно тепло: свитер, куртка, горнолыжная шапочка, на плече спортивная сумка, а в ней – все необходимое для приготовления чая: чайник, видавший-перевидавший сотни чаепитий, он когда-то был цвета кобальта, сейчас черный от копоти, конечно, бутылка воды, заварка, сахар, а главное – свежая лепешка и несколько сарделек, которые мы будем жарить на костре, на углях.

Писатель идет тяжело, часто останавливается, чтобы перевести дыхание, идет вдоль русла ручья, в котором сейчас нет воды, но именно он, этот ручей, и «пропилил» за века овраг.

Вдруг Леонид Борисович останавливается и смотрит на какой-то камень, потом показывает пальцем на него и обращается ко мне:

– Какой красавец! Как он декоративен, его бы на выставку.

Я смотрю на камень и действительно вижу окатанный, как и все камни в реках и ручьях, а вот цвет его примечателен: он серовато-белый, и по нему, как в агате, идут черные, белые полосы, делающие его декоративным, как последние керамические работы наших замечательных художников Токтогонова и Кылышбекова.

– Ну что, берем? – спрашивает Писатель.

– Пока нет. Ведь в нем килограммов двадцать, – всерьез отвечаю я, не понимая, шутит он или нет.

Идем дальше по ручью и находим не менее красивый камень, потом второй, третий, пятый...

– Да здесь на целую выставку камней! – радостно говорит Дядюченко, а я про себя с удовлетворением отмечаю, что это признак того, как камни производят психотерапевтический эффект, улучшают самочувствие и его, и мое. Но вот овраг сузился, тропа исчезла, пошло хаотическое нагромождение больших и малых валунов, ноги стали чаще ошибаться и соскальзывать с камнем, норовя опрокинуть еще неокрепшего Леонида Борисовича. Вот два (странно, как они сюда попали?) довольно больших карагача, еще спящих после зимы, под ними удобное место для костра, и я предлагаю тут остановиться. Мой напарник охотно, облегченно вздохнув, соглашается. Вокруг много дров, я знаю, хорошо горят ветки странных кустов, напоминающих саксаул, начинаю их собирать и носить к карагачам, где два больших валуна удобно расположились – как готовый очаг.

– Колени побаливают! – говорит Писатель, достав из рюкзачка подстилочку из толстого войлока, кладет ее на большой камень, с трудом садится, выгружая из рюкзачка огромное количество рукописей.

– Вот это – итог работы за последние несколько лет. Их уже некуда складывать в моем кабинете – надо сжечь!

– Но ведь «рукописи не горят», – шучу я.

– Горят, еще как горят!

Я разжигаю костер, ставлю на огонь чайник и меняю тему.

– Ну и как вам, Леонид Борисович, роман Е. Евтушенко «Не умирай прежде смерти»? Прочли?

Он отвечает не сразу, как бы обдумывая ответ:

– Не понравился. И вообще, я не люблю Евтушенко, ну и прозу его в том числе. Без сомнения он, конечно же, талантливый человек, у него есть довольно удачные стихи. Но его роман «Не умирай прежде смерти» – это политическая литература, это попытка угодить режиму. Какие «слюни» вокруг Ельцина! Ведь роман издан в 1993, еще не было понятно, к чему приведет «ельцинизм», но теперь-то на дворе 2001 год и видно, что все эти годы народ оболванивали, каждый год обещая ему стабильность и даже рост экономики. Куда же вы смотрели, Женя? Как вы могли, с вашим-то умом, так просчитаться?! Да и Горбачева он не осуждает, а прямо-таки заглядывает ему в рот, млея от восторга. А ведь именно они вдвоем и развалили Великую Державу, – и после некоторой паузы как-то раздраженно добавил: – И хватит о политике, мы не для этого сюда пришли. Этого добра полно и в городе. Я вижу, чай закипел, давайте заваривать.

Я завариваю чай, насаживаю шпикачки на приготовленные деревянные палочки, жарю их на углях. Писатель достает из рюкзачка маленькие серебряные стопочки с гравировкой, явно не гармонирующие с эмалированными кружками, которые я приготовил для чая. Наружу из рюкзачка выплывает традиционный «четок» с «Русской водкой», он с явным удовольствием наливает по стопочке.

– Самое гениальное изобретение русских – это «Русская водка», – говорит он не то шутя, не то серьезно. – Давайте, господин Агибалов, выпьем за этот уютный уголок природы, за наши горы, которые всегда выше любой грязной политики...

Я подаю Писателю поджаренную шпикачку на импровизированном шампуре. Он с удовольствием закусывает, как и я. Стопочки маленькие, но я знаю, что у меня после водки будет болеть голова, делаю вид, что пью, и, выждав удобный момент, как бы ставлю стопочку на землю, незаметно выливая зелье. Писатель делает вид, что не замечает моего «маневра».

– Леша, надо сходить чуть выше и посмотреть, нет ли здесь кустов, высотой в человеческий рост, с густыми, красноватого цвета ветками, которые растут как-то странно. Сам увидишь, если найдем.

Встаем и движемся по все более сужающемуся оврагу. Пройдя метров тридцать-сорок, Писатель что-то увидел, поднимается на бугорок, где растет невысокий куст. Я иду к нему. Смотрю: куст как куст, ничем не примечательный.

– Вот, посмотри сюда и сюда, – показывает рукой Л.Б.

Я смотрю на указанную им ветку и вижу невероятную картину. Неизвестно зачем ветка образовала «петлю Нестерова», то есть росла сначала вверх, потом вниз и, сделав оборот на 360 градусов, снова вверх. Рядом такая же ветка. Теперь я сам увидел еще один «узел» и еще один. А недалеко от этого куста вижу такой же куст, такого же красновато-коричневого цвета ветки. Да их тут целая плантация этих кустов!

Тем временем Писатель достает из лягушкой полиэтиленовой бутылки со срезанным горлышком завернутую в тряпицу складную пилу, собирает ее и начинает срезать эти «петли». Я не догадываюсь, для чего он это делает.

Из узкой горловины оврага дует по временам холодный ветерок, и он доносит до меня, как будто где-то недалеко поскуливает собака. Но собаки не видно. Наверное, показалось. Писатель нарезал узлов, мы пошли к костру, который едва тлел, я подбросил дров, поставил на огонь чайник с чаем. Посыпались отдельные снежинки, ветерок все усиливался, превращаясь по временам в ветер. Становилось зябко. Продолжая тему романа Е. Евтушенко, я обратился к Писателю:

– Но вы заметили, как Евтушенко остроумен, какие метафоры, какой острый, как бритва, язык. Чего стоит его фраза. «Пеле улыбался так белозубо, как будто только что откусил кусок русского снега». Каково!

– Да бросьте вы, господин Агибалов! Этими приемами пользовался еще Антон Павлович Чехов, которого вы почему-то недолюбливаете.

Ниже по оврагу, метрах в пятидесяти от нас, сверху по спусковой, крутой каменистой тропе стала спускаться отара, разбившись на ручейки. Рядом с взрослыми баранами бежали вниз и малыши. Сейчас февраль, а это обычное время для окота. Показался чабан, ведший в поводу лошадь. Он заметил нас, почему-то оставил лошадь у остановившейся отары и пошел к нам. Был он немолод, на вид лет семьдесят, одет в засаленный солдатский бушлат, на голове меховая шапка, на ногах кирзовые сапоги, сохранившиеся еще со времен советских колхозов. Он неторопливо подошел и поздоровался.

– Здравствуй, салам-алейкум.

Я встал, поклонился, пожал его холодную и твердую, как камень, руку и предложил ему чая. Он не отказался, взял кружку и стал греть об нее озябшие руки.

– Белий такой собака не видал? – спросил он, с трудом выговаривая русские слова. – Она родила пять щенков, надо кушать ему, он украл моя два ягненок.

– Это твои овцы? – спросил Писатель.

– Какой мой! Моя пять, остальной – весь аил собственный! Отвечать надо за два ягненок. Хачу убиват этот собака! Своличь!

«Значит, мне не показалось, значит действительно чуть выше нас эта белая собака со щенками, – подумал я. – Угораздило ее оцениться здесь, в овраге».

– Не надо убивать! Убивать грех! Аллах не разрешает убивать ни людей, ни животных, не спеши это делать! – наставительно и убежденно обратился Писатель к старику.

Старик допил чай, отдал кружку, воздел руки к лицу по-мусульмански и, бормоча себе под нос, пошел к лошади и овцам, которые терпеливо стояли, сгрудившись.

– Ну что, господин Агибалов, снег сигналит нам, что пора уходить, но, прежде чем уйти, надо сжечь рукописи, и это будет для вас наглядным уроком в том, что рукописи все же горят.

В костер полетели листы, исписанные мелким почерком Писателя, костер стал разгораться в ширину и в высоту, а когда я разгреб слипшиеся листы, плохо горевшие без кислорода, снопы искр

взметнулись вверх, и пришлось отходить на безопасное расстояние. Вот и последние стопки листков, вырезки из газет, все сгорело, образовав ворох пепла.

«А ведь это горела не бумага, исписанная шариковой ручкой, это горели мысли, к счастью, ставшие книгами», – подумал я, но вслух этого не произнес.

Начали медленно спускаться к деревне. Снег уже валил хлопьями. Писатель шел, прихрамывая, неторопливо, маленькими шажками, я двигался за ним, и теплое чувство охватывало меня. Мне захотелось обнять его, такого беспомощного сейчас, а когда-то такого сильного, с легкостью поднимавшегося на вершины, пересекавшего ледники, мастерски сумевшего описать все это в своих книгах, начинавшихся с простых листков бумаги, исписанных его рукой, которые мы сейчас жгли в костре...

Уже на выходе из оврага, там, где мы заметили «камни для выставки», Дядюченко свернул с тропы, в русло ручья, и, подобрав два небольших камня, положил себе в рюкзак.

«Значит, он всерьез говорил о выставке», – подумал я. Как оказалось позже, это было началом большой коллекции нашей совместной выставки. Но это будет потом.

10 апреля 2001 года. Знаменательный день! Записал с симфоническим оркестром Кыргызского радио и ТВ свое новое сочинение «Кыргызы-кочевники» (на тему комузиста А. Кыдырназарова). Дирижировал Джумакадыр Каниметов. Звукорежиссер Владимир Михайлович Бобков. Сделали два дубля без каких бы то ни было дописок.

8 июня 2001 года. Презентация «Кыргызов-кочевников» в Радиокомитете, в аппаратной симфонической студии у Бобкова. Сам Бобков не явился, но публика была достойная. Пришли: Л. Дядюченко, Е. Барышников (с телекамерой), С. Федоров (с фотоаппаратурой); были: А. Джумахматов, Д. Джалгасынова, Д. Каниметов, Г. Набиуллин (директор оркестра), редактор Д. Пивоварова, главный редактор Д. Маматова, концертмейстеры оркестра. Очень помогла звукооператор Катя. Она помогла и стол для фуршета накрыть, и включить магнитофон с записью. Прозвучала музыка, аплодисменты. Сели за стол, началось самое интересное на презентации – разговоры, обсуждение. Хорошо сказала Джамиля Маматова – она назвала меня патриотом республики, ей работа (как и «Рапсодия») очень понравилась. Джумахметов много не говорил. Сказал: «Молодец. Я его (Агибалова) знаю аж с 1968 года». Каниметов говорил: «Мы, кыргызы, живем в горах, привыкли к этому и не замечаем их красоту, а этот русский Агибалов как поэт воспевает красоту наших гор в музыке». Федоров, Дядюченко и Барышников быстро ушли (у них была съемка о Всемирном банке).

* * *

25 августа 2001 года. Был в гостях у Писателя. Он позвал меня скрасить его одиночество (Эльвира Николаевна уехала на несколько дней на дачу). Говорили на разные темы, но несколько вяло и скучно, «без страсти» и без «острых тем». Он жарил «фирменные» арбузные корки. Я ел их впервые и был удивлен их приятным кисловато-сладким вкусом. Я принес и подарил ему старый номер журнала «Юность» (кажется за 1988 года). В журнале большой фрагмент из книги Н. Бердяева «Истоки русской революции», где он пишет:

«Одной из главных опор народнического социализма был тот факт, что русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку. И это, конечно, более христианское сознание...» («Истоки», 1955 год).

Еще я подарил Писателю один из камней из верховьев реки Джеламыш, где мы были этим летом со старшим сыном Андреем. Камень, вода и песок обработали за века и выточили из него

нечто похожее на сфинкса. Л.Б. дал почитать Г. Гессе «Игра в бисер». Я с удовольствием взял эту книгу.

Была заметна тяга Писателя к философскому осмыслинию того, что происходит с людьми и человечеством в целом. Воспринимая жизнь на земле во всем многообразии и многокрасочности, рисуя своих героев, как говорят, во плоти и крови, во всей их страстной целеустремленности, он соизмерял их действия с общечеловеческим бытием. Вот отчего, думается, они столь крупные, яркие и запоминающиеся. Мне было интересно читать не только его замечательную прозу, но и то, что он сам читает.

6 января 2002 года. Всю ночь шел снег. Утро выдалось морозным и ясным. Часов в одиннадцать утра раздался телефонный звонок, я взял трубку.

– Да, я слушаю.

– Доброе утро! Как вы поживаете, – услышал я такой знакомый голос Писателя, говорившего явно в хорошем расположении духа.

– Поживаем! Хорошо поживаем! – в тон ему ответил я.

– Что нового произошло в вашей творческой биографии? – продолжал он.

– Написал и отправил Попову в Екатеринбург огромную статью «В защиту русской гитары», читаю Германа Гессе «Игру в бисер», которую вы мне дали, играю ежедневно, как обычно, упражнения, новые пьесы, – отчитывался я на полном серьезе.

– Как вы, господин Агибалов, относитесь к тому, чтобы подняться по «северной стене» Ортосайских холмов?

Я ждал этого звонка и торопливо ответил:

– С большим удовольствием. Когда идем?

– Встречаемся у «Южных ворот» в двенадцать. Пойдет?

– Начинаю собираться, надо поторопиться, пока погода благоприятствует...

Предвкушая радость от прогулки, я быстро собрался, взял уже привыкшую к походам спортивную сумку, в которой постоянно было все необходимое для костра, чая – сахар, заварка, кружки, добавил туда литровую банку с соленой капустой. По дороге к остановке докупил все необходимое: две свежих лепешки, банку шпрот, несколько шпикачек и, на всякий случай, «четок» «Русской водки». Вот остановка. Писатель экипирован по-зимнему: на нем теплый свитер, спортивная куртка с подкладом и неизменная серая кепка, а на ногах – новые, не виданные до этого кроссовки. В руках – неизменный рюкзачок.

Поздоровались. На небе – ни облачка. Морозно, но типично «по-киргызски», градусов пять мороза. Вот и маршрутка, битком набитая, но нам уступают место в салоне. Пятнадцать минут, и мы уже у начала села Орто-Сай. Как приятен и «вкусен» морозный воздух! С удовольствием наблюдаю его в легкие. Идем по центральной улице на восток, сворачиваем по боковой улочке на юг и вот – начало маршрута, по которому мы уже ходили с Писателем не раз, но ходили летом. Сейчас все в снегу, все ослепительно бело. Вверх от села к фисташковой роще идет старая заброшенная грунтовая и сильно размытая дорога, но мы идем не по ней, а по небольшому саечку, где сразу же, с первых метров пути возникает иллюзия, как будто мы где-то в горах, где нет ни людей, ни дорог.

Вверх по саю нет ни одного следа, мы идем первыми, и от этого иллюзия, что мы идем на маленько восхождение, усиливается. Я почувствовал, как пахнет этот свежевыпавший снег, и это напомнило мне юность, когда я работал на узбекских снеголавинных станциях после окончания Ташкентского гидрометеорологического техникума. Сначала на «Кызыл-ча», а потом – «Дукант». Зимой, когда количество выпавшего снега доходило до трех, трех с половиной метров, и мы ходили на снегосъемки; уже тогда я уловил слабый, но особенный запах снега. Вот и сейчас он издавал запах, как тогда... К тому же он, как огромная кварцевая щетка под лучами солнца, сверкает всеми цветами радуги.

Писатель идет впереди, через каждые пятнадцать-двадцать шагов останавливается, чтобы перевести дыхание и оглядеться. А поглядеть есть на что. По мере подъема заснеженный город показывает всю свою ширину и длину. Хорошо смотреть на него сверху, отстраненно, словно гость, впервые приехавший сюда и удивленный увиденным. Всего час назад мы были в домах, с ванной и теплым туалетом, в пространстве, ограниченном стенами квартир, а уже через час наблюдаем панораму всей Чуйской долины. Видно даже заснеженный хребет Курдая, а ведь до него более шестидесяти километров. Чтобы не сбивать дыхание, говорим мало. Но постепенное заполнение всего существа и сверкающим снегом, и морозным чистым небом, и панорамой вокруг требует словесного выражения, хочется поделиться эмоциями, и при очередной остановке Писатель говорит:

– Как все-таки нам повезло! Жить в таком городе, где в получасе езды такие прекрасные холмы, такой «тренировочный комплекс», с таким обзором, – и, вздохнув, добавил: – Если бы не болели колени, шел бы и шел.

Кулуарчик заканчивается у одиноко стоящего деревца. Дальше идти или по очень крутой разбитой летом баранами маленькой осыпи, сейчас заснеженной, или уйти влево почти по горизонтальной тропе с выходом на грунтовую дорогу. Мы выбираем второе. Внизу открывается панорама города почти до Канта в одну сторону и до Сокулука – в другую. Красота!

Вот заснеженная грунтовая дорога, слева от нее началась фисташковая роща, впереди небольшой подъем на взлобок. Справа, внизу, за речкой, территория правительственной дачи с копией Белого дома посередине. Идем с остановками. Вот до взлобка двадцать, пятнадцать, десять, пять метров, поднимаем глаза, и – восторгу нет предела! Вдали – ослепительно белый, с пятнами скал пик Скрябина, справа – Комсомолец, еще правей, тоже весь в снегу, Пионер. Стоим, смотрим изумленно, и вдруг Писатель говорит:

– Леша, давай еще раз проделаем это чудо, спустимся метров на тридцать и снова поднимемся.

Если бы кто-то снимал нас скрытой камерой, он снял бы любопытный эпизод: два пожилых человека ведут себя как-то странно: то идут вверх, то вниз, то снова вверх, потом долго стоят, что-то разглядывая вдали. Вряд ли это понятно человеку, не ходившему в горы. Спускаемся метров на тридцать и медленно опять идем вверх. Глаза устремлены туда, на вершины. И они, по мере подъема, начинают вырасти из-за взлобка, пока не показались во весь свой рост, да и долина с передним невысоким хребтом красива своей ослепительной белизной и чистотой воздуха. Постояли. Насмотрелись. Теперь нужно пересечь по диагонали фисташковую рощу. Идти между деревьями намного трудней, снег проваливается под ногами, местами – небольшие сугробы, надутые ветром, панорама гор закрыта деревьями. Писатель идет все медленнее и тяжелее и изредка, несколько раздраженно и капризно, ворчит:

– И долго мы так будем идти? Где ваш хваленый бивак с большими камнями?

Я успокаиваю его, говорю, что осталось пройти пятьдесят-семьдесят метров. Рощу мы пересекли, и на ее окраине, на углу ее, я отыскал припорошенный снегом наш очаг из больших камней, сложенный еще летом. Пришли. Писатель расчистил один из больших камней, достал из рюкзака свою «фирменную» войлочную подстилку и, кряхтя от боли в коленях, с трудом скорее упал «пятой точкой», чем сел. Моя обычная забота – дрова. Их тут много. На каждом дереве – одна-две сухих ветки. Я быстро набрал нужное для приготовления чая количество, расчистил от снега очаг, пять минут – и костер уже горит. Писатель приходит в себя, веселеет.

– Господин Агибалов, вы не возражаете, если мы выпьем по стопочке?

Вот теперь все идет, как надо. Писатель сильно устал от подъема, но я, понимая, что это его взбодрит, соглашаюсь. Он открывает рюкзак, достает тряпичку, в которую завернуто сало, его «фирменное», как и жареные арбузные корочки, которыми он угождал меня летом, достает стопочки, те самые, с гравировкой.

Чувствует себя уже нормально. Значит, отдохнул. Чайник висит над огнем. Я достал лепешки, квашенную капусту в банке, ложки, «четок». Все это уже похоже на пикник, да еще в таком замечательном месте. Выпили молча, без тостов. Ждем, когда чай закипит.

На небе появились легкие перистые облака. Но это не мешает солнцу приятно греть нас своим теплом. Вдали, за рощей, над селом Чон-Арык – гора, вся в снегу, что бывает крайне редко. Это та самая гора, на которую Писатель мечтает, при случае, сходить.

– Ну, как вам Герман Гессе с его «Игрой в бисер»? – спрашивает с хитрецой Писатель.

– Я, правда, не понял, зачем вы мне его дали. С трудом прочел. Язык очень трудный для чтения. Но мне понравилось мастерское описание процесса подготовки магистра, будущего руководителя масонской ложи, или ложи Розенкрайцеров, особенно его занятие музыкой, когда дается описание процесса сочинения такой сложной музыкальной формы, как фуга. А, в общем, книга, на мой взгляд, написана сухим, как бухгалтерский отчет, типично немецким языком. Может быть, это и издержки перевода, мы ведь не читали подлинника. Я, например, знаю два варианта стихотворения Гарсия Лорки «Шесть струн». Один вариант Цветаевой, другой Пастернака, в результате – два совершенно разных стихотворения.

– У меня сложилось другое мнение о книге Гессе, именно сложность его языка мне и понравилась, – парировал Писатель. – Такой язык побуждает к размышлению. А что может быть важнее?

В чайнике забулькало, повалил пар. Я заварил кипяток зеленым цейлонским чаем и стал жарить шпикачки. Разговор продолжался. Более всего мне хотелось поделиться с Писателем, а, может быть, и увлечь его впечатлением от книги Раджиниша Ошо «Три сокровища».

Дело в том, что я пришел к эзотерической литературе, как приходят многие к ней тогда, когда в жизни что-то не складывается, когда в твою жизнь приходит беда, и в поисках причин этого начинаешь искать объяснение или надежду как-то поправить Карму. Первым, кто помог мне найти опору, читая книги различных авторов, как правило, «просветленных», был Лабсан (учившийся в Тибетском монастыре) – монах и врач, лечащий не только тело, но и души больных.

Именно он посоветовал начать с книг Лабсана Рампы. Книг во многом наивных, но чистых и открывающих нам, людям западной цивилизации, истины Востока, происхождение которых уходит в глубь веков. Но Лабсан Рампа подготовил меня к восприятию намного более сложных мыслей, изложенных в книгах Ошо. Я стал записывать в дневник некоторые его фразы, сказанные во время проповедей в Ашраме, в городе Пуни (Западная Индия), которые вошли в книгу «Три сокровища». Побаиваясь, что Писатель не поймет меня, все же захотел (по памяти) процитировать ему две цитаты. И осторожно начал говорить, подав Писателю шпикачку, поджаренную и источающую аромат, и кусок лепешки. Он налил по стопочке.

– Параллельно с «Игрой в бисер» я читал «Три сокровища» Ошо, – сказал я.

Писатель выпил и, закусывая шпикачкой и квашеной капустой, заинтересованно спросил:

– Кто это – Ошо?

– Это наш современник. Родился в Индии, учился в монастырях, получил «просветление», жил некоторое время в США, сидел там какое-то время в тюрьме за свои убеждения, потом в Пуни организовал Ашрам – городок для паломников со всего света, желающих слушать его проповеди.

– А причем здесь Ошо и Гессе, не пойму вашей логики, господин Агибалов.

– А логика в том, что от Гессе я устал, а Ошо объяснил мне, что жизнь прекрасна и удивительна. Вот, судите сами, я по памяти прочту пару цитат из Ошо.

– Хорошо, я слушаю.

– «Смотрите на бытие не как на борьбу, а как на наслаждение, не как на конфликт, войну, а как на празднование. И это празднование бесконечно, бесконечна возможность блаженства – блаженства в блаженстве», – процитировал я на одном дыхании и, переведя дух, продолжил: «Если вы чувствуете Ад вокруг себя – чувствуйте, он может быть частью вашей судьбы, вашего Роста».

– Это же про нас, про сегодняшнее бытие, – стараясь убедить, торопливо говорил я.

Писатель молчал. Наверное, он не ожидал от меня такого резкого перехода на темы эзотерики, тем более, что это был первый случай, когда я об этом заговорил, зная, что он убежденный атеист, во

всяком случае, таким он хотел казаться... Он поднял голову и стал смотреть в небо. Лицо его сделалось удивленным. Я посмотрел в небо и обомлел. В полнеба из перистых облаков образовалось огромных размеров «крыло». Оно было настолько правдоподобным, что сразу вспомнились крылья Архангелов, крыло царевны Лебедь Врубеля. Не отрываясь, мы оба заворожено смотрели на это произведение Творца. Прошло пять, десять, двадцать минут, а «крыло» почти не изменило своей формы. И тут неожиданно из долины, со стороны города, стремительно пришел туман, окутав непроницаемой пеленой, как будто задернули занавес. Спектакль окончен. И тут, может быть под впечатлением и от панорамы гор, и от «крыла», и от нашего уютного бивака, Писатель задумчиво сказал:

– Лучшего банкетного зала я не видел за всю свою жизнь!

Вместе с туманом пришел холод. Стало зябко, мы наскоро собрались и медленно пошли через рощу, сквозь туман. Спуск к селу был для Писателя трудным. Болели колени, но он, кряхтя, шел и шел, пока мы не добрались до села, до маршрутки. День заканчивался. Прощаясь, Писатель сказал:

– Снова на «галеру»! – так он называл свой ежедневный писательский труд, далеко не всегда по-настоящему творческий, приносящий радость, упоение свершениями: пенсии семье не хватало, и он брался за любую работу, если за нее хоть немного платили.

1 марта 2002 года. Вот и дождались весны. Утро. На улице моросит дождь. Я сижу за письменным столом, обдумываю статью «В защиту Сеговии» (она уже написана наполовину). Сейчас буду играть упражнения. С годами все трудней играть. Нет уже здоровья высидеть в одной позе три-четыре часа. Играть приходится по урокам. Каждый урок – тридцать-сорок минут. Благодарение Творцу, мы дожили до весны!

Читаю старые журналы «Юность». Порой – любопытные материалы. Вот фрагмент одного из них:

*Я вечером выйду из дома и спущусь в преисподнюю,
где станции нанизываются на грохотанье составов, в чванную
бессмысличество мрамора и бронзы, в угрюю усталость толпы...*

(Юлий Даниэль, «Искупление», повесть).

Каково?! И это написано о московском метро, одном из лучших в мире по убранству станций. Правильно сделали, что дали Даниэлю пинка и выдворили из страны.

1 июля 2002 года. Был в гостях у Писателя, давал интервью об Ала-Арче: об альпинизме, катании на лыжах и работе на леднике Голубина, о Центрально-Ала-Арчинском леднике, Саше Громове – первооткрывателе этого ледника для катания на нем круглый год и т.д. Писатель по просьбе известного альпиниста Владимира Бирюкова хочет писать книгу об Ала-Арче. Был у Л.Б. после длительного перерыва...

За чаем процитировал ему фразу из статьи Евгения Сидорова (ЛГ, №14-15, 2002):

«...Трагический день 11 сентября 2001 года есть начало смертельной борьбы двух миропониманий, начало масштабной войны. К несчастью, человечество не скоро поймет, что надо лечить не болезнь, а ее причины...».

В дополнение этой мысли процитировал Ошо:

«С точки зрения развития внутреннего мира, Америка является детским местом на земле. Европа намного старше, а Восток уже тысячи лет ищет свою внутреннюю природу.

Америке всего триста лет, для жизни нации триста лет – это ничто, вот почему Америка представляет для мира наибольшую опасностью. Ядерное оружие – в руках младенцев...».

Писатель в полемику не вступал, больше отмалчивался. Я на время отдал Л.Б. свои лучшие фото, связанные с горами, альпинистами, Ала-Арчой.

27 ноября 2002 года. Знаменательный день! Записал на Кыргызском радио вместе с Шамилем Нарбековым мою «Инвенцию № 4» из цикла «5 инвенций для русской гитары». День знаменательный для русской гитары. Это первая полифоническая пьеса за ее двухсотлетнюю историю. Писал звукорежиссер Владимир Ваныкин. Сыграли два дубля, один лучше другого. Это материал для радиопередачи, которая будет в эфире предположительно 14.12.2002.

Шамиль играл великолепно! Умница, молодец. За день до этого на репетицию пришел подшофе и не мог сыграть толком ни одной ноты, у меня руки опустились. Думал – все! Провал! Сорвет запись! Нет! Собрался! Сыграл! И как сыграл! А ведь у него виолончель обычная, оркестровая, «серая». А он из нее извлек звуки, как из Амати. Спасибо ему! И Творцу!

15 декабря 2002 года. Великолепный день! Состоялся концерт в конференц-зале музея ИЗО имени Айтиева «Декабрьские вечера», по терминологии Святослава Рихтера, который начал давать в музее имени Пушкина в Москве свои концерты каждый декабрь (в Греческом зале). Почти полный зал публики, тепло, уютно, хорошая акустика. Три часа дня – хорошее время для начала концерта. Рассказывал, играл. Валера Бобров (флейта) и Шамиль Нарбеков (виолончель) – украсили концерт.

27 декабря 2002 года. С утра позвонил Л.Б., изложил суть дела: он закончил фильм о бегуне (немолодом уже кыргызе из города Нарын – Толоне Насырбекове, который бегал по маршрутам Бишкек-Пекин, Бишкек-Париж). Теперь нужно записать к нему музыку, и это должен сделать именно Агибалов. Отказать было невозможно. Взял аудиокассеты с кыргызской музыкой и поехал на «Кыргызфильм».

Холодно в коридорах, холодно в кабинетах (как после войны, все будто бы вымерли), нежилая атмосфера. Слегка хмельной спец по компьютерному монтажу Артем, несколько флегматичный, но, как оказалось, блестящий знающий делу.

Начали работать медленно и не очень успешно. В тринадцать часов – обед, и я попросил Дядюченко прервать работу и отпустить меня домой, так как к 28 декабря мне надо было доделать ювелирный заказ. Он согласился, уверил, что сделают все без меня. На следующий день я позвонил Писателю, чтобы узнать, сделали ли фильм? Оказалось – нет! Они от холода крепко «поддали» и отложили работу. Но все-таки успели доделать фильм до Нового года.

Ноябрь 2002 из газеты Foreign affairs.

«...Чтобы суметь претворить в жизнь планы рыночных реформ, Путину, прежде всего, необходимо обуздить опасную группу плутократов, под железной пятой которых находится страна...».

16 февраля 2003 года. День рождения Писателя. После обеда я поехал к нему – поздравить. Там у Л.Б. на кухне сидел Бондаренко Коля (звукорежиссер «Кыргызфильма», с которым я когда-то записывал музыку к документальному фильму Изи Герштейна «Аршином общим не измерить»). Я присоединился к ним. Стал дарить подарки: камни, корни, мох, принесенный мной из ущелья Аламедин и оформленный в рамку. Это вызвало восторг Писателя. Он, в свою очередь, принес и поставил на стол несколько последних работ: камень на подставке из ката карагача. Хорошо! Посидели часа два, поговорили, «напоздравлялись». Коля ушел, мы оставались вдвоем, к нам присоединилась Эльвира Николаевна. В целом, вечер очень милый, интеллигентный.

18 февраля 2003 года. Вечером ходил поздравлять Ивана Евтушенко с днем рождения. У него было много гостей и среди них – Писатель, Стас Лавренченко (Снежный Барс). Иван в честь своего семидесятилетия сходил в феврале, в одиночку, на пик Комсомолец. Ходил в ночь, на обратном пути утром увидел рядом со своими следы барса, который шел за ним ночью... Поздравляли, пили чай, говорили о горах, вершинах, эзотерике. Я подарил ему интересную корягу, «обнимающую» камень. Дядюченко – тоже корягу – «Портрет Ивана» – любопытная коряга, с юмором. Хорошая компания

туристов, альпинистов, великолепные фотографии гор на стенах (работы Ивана). Тепло на душе от таких встреч.

1 апреля 2003 года. В срочном порядке мне сделали сложную операцию на почке. Пока лежал в больнице, приходили много друзей. Писатель пришел с «грузинским князем» Леваном Алибегашвили. По выражению их лиц я понял, что выгляжу пугающе. Через пятнадцать минут их визита я устал, и они, поняв это, удалились. Времени в палате хоть отбавляй. Читал В. Набокова – разочаровался в нем полностью. Не случайно А. Куприн назвал его «гениальным пустоплясом», а Б. К. Зайцев – «бесплодной смоковницей». На двадцатый день меня выписали из больницы. Уже дома, после выписки, читал с удовольствием «Демона» Лермонтова, «Избранное» А. Платонова (дал почитать Писателю), «Горчичное зерно» первый-второй том Ошо. Ошо и Платонов утешают и успокаивают.

6 июня 2003 года. Дописал новую пьесу «Облака», использовал прием, создающий иллюзию, что играют две гитары: одна аккомпанирует, другая солирует.

6 июля 2003 года.

Был в гостях у Писателя. Смотрели два видеофильма Кости Орозалиева: «Догнать и уничтожить» и «Сотка». Фильмы великолепные по уровню. И состав авторов: текст читают Василий Лановой, Лев Николаев, автор текстов – Ярослав Голованов. «Сотка» – о новом боевом самолете, так и не запущенном в производство, хотя он по многим характеристикам на десятилетия опередил западные разработки в этой области. И фильм о судьбе отчаянно смелого человека – о летчике Девятаеве, угнавшем из немецкого плена (1943 год) немецкий штурмовик, который пытались «догнать и уничтожить» и немцы, и наши – уже на нашей территории. За чаем обсуждали фильмы, Писатель делился планами – написать очерк о Косте Орозалиеве для «Литературного Кыргызстана», но надо прежде закончить работу над книгой «Семен Чуйков»... Книга большая, готовится для издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана», и он с удовольствием выполняет эту работу, посвященную выдающемуся художнику, с которым многие годы его связывали самые добрые отношения.

28 июля 2003 года. Дочитал документальную повесть об Иване Евтушенко в «ЛК». Любопытно читать о человеке, которого хорошо знаешь. Язык и стиль письма – типично «дядюченковские» – плотные, образные, насыщенные смыслом, словно филигранная резьба по дереву ценной породы.

Но странно, почему-то здесь нет «поэта» черно-белой фотографии, страстно и великолепно снимающего горы, ледники, цветы, альпинизм. А ведь для Ивана это существенно. Или в «ЛК» – только журнальный вариант? Позвонил Писателю, уточнил. Так оно и есть.

26 сентября 2003 года. Мы идем с Писателем на прогулку по новому маршруту. На восточной оконечности села Орто-Сай промыт за века огромный овраг. Самый большой из всех трех, промытых над селом. День погожий, легкий прохладный ветерок, как и должно быть в конце сентября. Тропа началась от асфальта круто вверх, мимо мазаров, надгробных плит нового кладбища. Оно, как и множество других кыргызских кладбищ, расположено на холме, с которого открывается картина деревни, вытянувшейся узкой полоской домов, уютно расположенных под холмами, дальше – уже убранные поля, а вдали – в дымке город, обрамленный с юга микрорайонами со светлыми, почти белыми пяти- и девятиэтажками. Если смотреть отстраненно, то картина довольно привлекательная, и возникает мысль, что город наш уютен и красив, тем более, что вдоль города еще зеленеют карагачевые рощи, «зеленым газоном» окаймляющие его.

Писатель кряхтит, ему трудно перестроиться на ходьбу после длительной работы за письменным столом, которую он называет «галерой» и ругается:

– Не могли спланировать тропу к моему приходу! Почему так круто, так много камней на тропе?

Этот текст обращен не ко мне, а к неведомым «проектировщикам» троп в горах. Но я чувствую за собой некоторую вину – ведь именно я повел его не в обход холма, а прямо «в лоб». Благо, тропа выползла наверх на более-менее ровные глиняные склоны, покрытые высохшей уже колючкой татарника, семена которого в соцветиях – лакомство для щеглов, прилетающих сюда из среднегорья и арчовников поздней осенью, когда там кончится корм. На нашем пути к оврагу – насыпь новой «самодеятельной» дороги. Это какой-то «новый русский» или «новый кыргыз» сделал на свои средства дорогу на самый верх Орто-Сайских холмов, собираясь построить там ресторан, казино, смотровую площадку, летний кинотеатр или еще что-то из этого набора. Но, экономя на трубах под полотном дороги, там, где весной всегда ручьи по саечкам, он получил сначала дорогу местами с огромными промоинами. Во второй раз уже более разумно проложили трубы и вместо глиняной насыпи сделали щебеночную; именно ее нам надо пересечь. Там, где русло оврага проходит под насыпью «по-уму», отлили из бетона проход для воды – труба в человеческий рост. Я решил на этом сэкономить путь – пойти по этой трубе, а на той стороне трубы уже будет легче: хорошая пологая тропа до самого входа в устье оврага. Когда мы подошли к трубе, я увидел, что перед ее входом промоина глубиной не менее метра.

– Господин Агибалов, вы что, предлагаете лезть в эту трубу? Не проще ли обойти?

– Обойти, конечно, можно, но надо пройти вдоль насыпи метров сто, а так мы сэкономим.

– Сомневаюсь!

Мы были сейчас в одной весовой категории, как говорят в боксе. Я – после операции, еще не восстановивший здоровье, Писатель – с его больными коленями. Я решил попробовать. С огромным трудом взобрался во вход, но когда я это сделал, Писатель, глядя на то, как я «барахтался», решительно отказался лезть за мной. И опять, глядя со стороны, наблюдатель увидел бы странную картину: два старика совершают «стенное восхождение» высотой в полтора метра и не могут этого сделать. И смешно, и грустно.

Пошли в обход. Насыпь скоро понизилась до двух метров, местами овцы проторили спусковые тропы, и по одной из них мы легко пересекли насыпь, дошли до устья оврага, вошли в его русло. Кругом были камни, окатанные водой. Не прошли мы по сухому ручью и десять метров, как Писатель нашел несколько камней настолько декоративных, что это не вызывало сомнений – камни для выставки.

– Здесь интересных камней даже больше, чем в центральном овраге, правда, не соображу, как это тащить вниз, к маршрутке: каждый из них – килограммов по десять.

– Возьмем пару, остальные оставим на бугорке, потом заберем как-нибудь, – сказал я повеселевшему Л.Б.

Я стал собирать дрова – это не было проблемой, быстро сложил очаг, развел костер, осторожно, чтобы не беспокоить послеоперационный шов, подкатил камень для сидения Писателю, поставил чайник на огонь. Все привычное и отрепетированное много раз. Сели у костра. Тихо. Только слабый ветерок шуршит по кустам и высохшим огромным листьям лопуха. Даже птиц не видно и не слышно, хотя я знаю, что здесь живет над оврагом множество сорок. Нет ни одной.

Писатель разбирает рюкзак. Сало во влажной тряпице, хлеб, несколько огурцов, помидоры, «четок», стопочки и, наконец, толстая, обвязанная шпагатом пачка бумаги – рукописи. Сценарий привычный. Наливаются стопочки, нарезано сало, огурчики.

– Леша, позволь мне с некоторым опозданием поздравить тебя с очередным днем рождения, – тут Писатель полез в рюкзак и достал оттуда большой, шикарный альбом «Латвийская керамика». – И вот тебе мой подарок.

Да, он знал, что дарить. Такой роскошный альбом я видел у Ю. И. Шубиной, но купить такой альбом сегодня невозможно. «Это раритет», – подумал я.

– Спасибо, дорогой Леонид Борисович.

Мы выпили по стопочке.

Я стал листать альбом. Некоторые имена мне были знакомы по журналу «Декоративное искусство», который я выписывал. Вот Мартинсон, вот де Буре, Озолиня. В советское время прибалты выделялись в декоративно-прикладных видах искусства своим каким-то особым мышлением. Взять ли gobelen, керамику или ювелирный дизайн. Особенно – ювелирный дизайн. Если в России продолжали традиции русского ювелирного искусства, широко используя филигрань, ювелирно-поделочные камни, такие, как малахит, сердолик, яшму, бирюзу, то у прибалтов – полное отсутствие филиграни, янтарь и латунь, простота линий, но смелое современное решение. Вон Раунам, используя обычные мелкие раковины, которые используют аквариумисты, создала целую серию великолепных работ, назвав серию «Бельканто»...

Нет, определенно прибалты мыслят в декоративно-прикладном искусстве с тяготением скорее к Европе, чем к России... Обо всем этом я думал, пока листал альбом.

А ведь Дядюченко знал мои ювелирные работы, мы часто говорили о минералах (ведь он геолог по образованию). Какой все-таки умница, какой подарок! В квартире Писателя на книжных полках я видел множество альбомов почти по всем жанрам изобразительного искусства, в том числе и декоративно-прикладного. Да и сам он художник. Чего стоит одна его столешница, на которой сейчас стоит телефонный аппарат: скрученная в несколько витков толстая арча золотистого цвета, идеально отполированная и покрытая тонким слоем прозрачного лака, а сверху – большой срез карагача, укрепленный на «ноге» и так отполированный, что прямо пропадают годовые кольца, а их там не сосчитать...

Чайник давно закипел, я заварил его зеленым индонезийским чаем. Писатель налил по второй.

– На днях по радиостанции «Маяк», которая у меня постоянно на кухне подключена от радиоузла к «трехпрограммнику», сообщили, что Никите Богословскому исполнилось, по-моему, девяносто лет. Так вот, он прочел автоэпиграмму, которая запомнилась своей оригинальностью. – И я продекламировал:

*Проходит жизнь, я это понимаю.
Мелеет славы бурная река.
Но я без сожаленья в суп бросаю
Лавровый лист из своего венка.*

Писатель улыбнулся, но сделал это как-то невесело.

– А мне, – сказал он, – вспомнились такие вот строки:

*Еще глаза ласкают женщин талии,
Еще друзья на выпивку зовут,
Но я уже купил себе сандалии,
Которые меня переживут...*

– Что-то не очень оптимистично, – сказал я, поджаривая кусочки сала, чередующиеся с дольками помидоров.

Может быть, тишина, умиротворенность, может быть, и энергетика, исходящая от Земли, костер, маленькие тосты и за Шостаковича (я рассказал Л.Б. свое впечатление от прослушанных пятнадцати квартетов Шостаковича), и за Лермонтова, русского гения, успевшего за двадцать семь лет написать так много гениального, как будто он торопился, стихи Дядюченко – все это взволновало меня и, пожалуй, впервые я так глубоко почувствовал свой возраст и возраст этого Большого и Доброго Ребенка, сидевшего рядом со мной на камне.

Я прошел вверх по оврагу, чтобы размяться, и увидел на глиняном обрыве на высоте трех-четырех метров странный высохший корень, размером в полруки. С трудом достал его, рискуя упасть с обрыва, принес и преподнес его Писателю. А корень действительно оказался интересным:

он был морщинистый, покрытый буграми – как хвост крокодила. День и прогулка удались. Неторопливо мы возвращались к домам, к людям, к заботам, на «галеру».

Я благоразумно вел Писателя вниз, в обход крутой тропы... А корень из оврага, похожий на маленького высохшего крокодильчика, Писатель расположил потом на самом видном месте в своей домашней коллекции. В одну из наших встреч он даже размышлял – как подать этот корень на предполагаемой выставке.

29 сентября 2003 года. Закончил работу над «Фресками». Было интересно работать. Думаю, партитура получилась красивая, импрессионистическая. Много интересных, новых для меня гармонических ходов, модуляций. Все это под влиянием «Южного концерта» Мануэля Понсэ, который для меня – «Эверест» гитарных концертов. Теперь надо писать голоса и «зондировать почву» в оркестре. Даст Бог! Позволят, может быть, сыграю «Фрески» с оркестром.

3 октября 2003 года. Был у Ю. И. Шубиной на ее запоздавшем на неделю дне рождения (инициатива его проведения и финансовая поддержка Володи Бирюкова). Были все звезды альпинизма 60-х годов, Писатель. Было уютно, хорошо. Поели, попили, «попоздравлялись». Стали петь.

Ю.И. спела альпинистскую песню «Северная стена» – все пришли в восторг. Кстати, она (Ю.И.) поет чисто, интонируя, вполголоса, иногда речитативом, что напоминает манеру пения К. И. Шульженко. Пел и Писатель. Пел Окуджаву и старую забытую замечательную песню «Прощай, радость ты моя»... Пел, как всегда, хорошо. Вячеслав Лях не пел, а хрюпал, отдаленно напоминая манеру В. Высоцкого.

Вечер замечательный, но грустный. Как мы все быстро стареем!

22 октября 2003 года. Отнес партитуру и голоса «Фресок» в оркестр Кыргызского радио и ТВ. Говорил с Д. Пивоваровой (редактор), К. Осмоновым (главный редактор) на предмет исполнения и записи фонограммы «Фресок». Получил «добро»! Теперь надо ждать, когда Г. Набиулин (директор оркестра) и А. Джумахматов (художественный руководитель и главный дирижер) позволят это сделать.

28 ноября 2003 года. Был в гостях у Писателя. Посмотрели документальный фильм Кости Орозалиева о замечательном советском театральном режиссере, работавшем в Малом театре, Борисе Равенских. (Кстати, это он снял фильм «Свадьба с приданым»). Речь в фильме идет о спектакле «Власть тьмы» Л.Н.Толстого, его трудной постановке, неприятии. Но не только об этом, более всего речь в фильме о русской культуре, духовности или бездуховности.

Дядюченко наконец-то сдал фильм о Всемирном банке заказчику. Он возился с этим фильмом полгода вместе с Женей Барышниковым, часто жаловался на свою говорчивость: из-за денег взялся за эту, мягко говоря, нетворческую работу. Но вот «галера» позади. Свобода! Можно отдохнуть, если не считать работу над очерком о Косте Орозалиеве. «Литературный Кыргызстан» поджимает со сроками. Но писать очерк о Косте – для него удовольствие.

29 ноября 2003 года. Мои близкие – жена и сыновья – уехали с утра в деревню (Чон-Джар), что в двадцати километрах от Бишкека, где живут Кирины старики (отец и мать), я остался дома один. Неожиданно позвонил Писатель. У него выкроился свободный день, и он выразил желание приехать ко мне послушать музыку, конечно же, гитару.

Приехал он часа в три дня. На предложение пообщаться согласился, но только после прослушивания музыки. Как раз недавно я сделал новую радиопередачу «Гитара и романсы». Мы удобно устроились у меня в кабинете в креслах, я включил музыкальный центр, поставил аудиокассету, началась радиопередача. Я рассказывал в ней о записи романсов с лучшими певцами республики...

Первый, кто обратился ко мне с просьбой поаккомпанировать, была незабвенная Салима Бекмуратова. Это был, кажется, 1978 год, она блистала и в театре оперы и балета, и в филармонических концертах. Ей все было интересно: петь с фортепиано, с фортепианным трио (скрипка, виолончель, фортепиано), с оркестром симфоническим или оркестром народных инструментов имени К. Орозова. А вот с гитарой она еще не пела. Я ходил к ней домой на репетиции (тогда еще был жив ее муж Юра Шведов), мы с удовольствием музиковали, потом были записи на радио. Один из лучших романсов, записанных с ней, был «Утро туманное» (музыка Абаза, слова И. С. Тургенева). Я был горд сотрудничеством со звездой первой величины.

Турсун Темиркулов – звукорежиссер Кыргызского радио, который много писал меня соло, как-то привел на студию свою молодую и талантливую жену Нарине Акрамову и попросил меня записать с ней один-два романса. У Салимы Бекмуратовой было колоратурное сопрано – довольно высокий голос, у Нарине же меццо-сопрано, с бархатистыми в нижнем регистре нотами. Попробовали писать – получилось замечательно! «Не говорите мне о нем», «Калитка».

Аккомпанировать – значит чувствовать партнера. Я стал учиться этому новому для меня ремеслу, мне нравилось аккомпанировать. Немного времени спустя после записи романсов я услышал на грампластинке дома, как Надежда Вайнер поет «Аве Марию» Канчини с лютней и органом. Поделился с Нарине идеей записать это произведение в ее исполнении. Но где взять орган? Оказалось, пианист симфонического оркестра Саша Головин согласен поиграть на синтезаторе – имитируя орган, я своей гитарой имитировал лютню. После записи мы были счастливы, услышав, что получилось! Теперь эта запись – украшение «Золотого фонда» Кыргызского радио.

Я не помню, как и кто порекомендовал мне Тахиру Менаждинову как уникальную певицу. Всякий раз, когда я слушаю в нашем с ней исполнении «Я вас любил», «Юноша и дева» (музыка Даргомыжского, слова А. С. Пушкина) хочется плакать от восторга – такой у нее голос. И опять я убедился в том, насколько в мире искусства все относительно! У Тахиры голос, как у скрипичного альта, дыхание такое глубокое, что не слышно, когда же она дышит, голос удивительной красоты, мягкости, женственности, нежности, а вместе с ним возникает образ:

*Я вас любил так искренно, так нежно –
Как, дай вам Бог, любимой быть другим.*

Валентина Портнова долгое время работала солисткой театра оперы и балета. Как-то на 8 марта я принял участие в праздничном концерте вместе с замечательным актером Русского драмтеатра Сашей Галко, с которым мы дружили. Он прочел в концерте шесть сонетов Петрарки, а я одновременно с чтением стихов играл лютневую музыку XVII-XVIII веков. У нас был грандиозный успех! За кулисами ко мне подошла Валентина Портнова:

– Алексей, я хотела бы записать с вами несколько романсов, если вы согласитесь. Мне понравилось божественное звучание вашей гитары!

Конечно, я согласился. Я слышал, как поет в спектаклях Валя. Сколько драматизма в ее голосе! Какой характер! Петь старинные романсы мы не стали. Я принес ей клавир романса А. Петрова «А напоследок я скажу» на слова М. Цветаевой из кинофильма «Жестокий романс».

Всякий раз, когда я слушаю этот романс в ее исполнении, я слышу не романс, а настоящий спектакль, особенно, когда Портнова поет:

*Работу малую висок еще вершил,
Но пали руки,
И стайкою наискосок – уходят запахи и звуки...*

Гениально! Это намного сильнее, чем поет в фильме Пономарева.

Я думал обо всем этом, пока шла фонограмма радиопередачи. Писатель слушал, закрыв глаза, погрузившись в музыку. Казалось, он перестал дышать, так он был увлечен звучанием...

Вот я рассказываю о Булате Минжилкиеве. Мы с ним изредка встречались, он знал о моем существовании как гитариста. Бывало, даже вместе музиковали. Профессор медицины Борис Бажанов устраивал у себя на кафедре для студентов, да и для себя, наверное, музыкальные посиделки: слушали музыку и в записи, и живьем, потом пили чай, делились впечатлениями.

Это напомнило о музыкальных вечерах интеллигенции, дворян в XIX веке. Это эстетически развивало его студентов. Иногда он проводил такие вечера у себя дома. Вот на таких вечерах я и аккомпанировал Булату. Получали удовольствие не только гости, но и мы с Булатом. Он говорил мне, что гитару и романс связывает их прошлое, что петь романс с оркестром народных инструментов имени Осипова приятно, интересно, но пропадает что-то главное, наверное, интимность, камерность, что романс родился в аристократических салонах и «чудовищная глупость» петь его, скажем, на стадионе... Одним словом, мы изредка музиковали, потом надолго расставались, так и не сделав ни одной студийной записи.

И вот как-то однажды мне звонят из музыкальной редакции и просят приехать на запись романсов с Минжилкиевым.

«Боже мой, какая радость!».

Я «пулей» собираюсь, еду, приехал. Меня ждут: Александр Юрьевич Кологривов (главный редактор), Диля Пивоварова (редактор), Турсун Темиркулов (звукорежиссер) и главное – стоит Булат. Мы с ним обнялись. Отношения у нас были и дружеские, и демократичные. Он был всегда прост в отношениях с друзьями, не было высокомерия, звездной болезни.

– Леша, я готов сегодня пописать один-два романса. Мы ведь хотели это сделать давно, и вот только сейчас появилась пауза в моих гастролях. Я решил отдохнуть таким образом. Как ты на это смотришь?

– Ты же знаешь, Булат, с каким удовольствием я аккомпанирую тебе. Мне кажется, что гитара и бас словно созданы друг для друга. Что будешь петь?

– Давай начнем с «Утра туманного», а там будет видно...

Такая знакомая, много раз дарившая радость записи камерная студия. Как и в большой симфонической, здесь полы застелены огромными паласами, стены оббиты специальными звукопоглощающими щитами. В центре стоит рояль «Блюберд», у стены – штук тридцать стульев для хористов (здесь репетирует камерный хор Кыргызского радио по средам). В одной стене вмонтировано огромное окно с двойными стеклами, за окном комната – аппаратная с пультом, динамиками, – все, как и во всех студиях звукозаписи...

Мы полчаса репетируем. Да, Булат – это Булат! Не случайно, когда в «Метрополитен-опера» ставили «Бориса Годунова», пригласили петь Булага, ведь его тембр так похож на тембр Шаляпина! Даже если он будет петь просто гамму – это уже наслаждение. Я играю, сдерживая волнение. Небольшой перерыв. Идем в аппаратную. В ней полно народа – все хотят «посмотреть и послушать» процесс записи. Это бывает не часто, когда Булат записывается, а с гитарой, тем более, впервые... Перерыв окончен, идем в студию, и началось «таинство» записи... Какое это все-таки счастье, что техника записи от фонографа ушла так далеко – до стереофонической записи, способной передать все оттенки голоса, состояние души.

Пишем сначала «Утро туманное» – идем, прослушиваем. Оба довольные уже первым дублем, но на всякий случай пишем еще один. Теперь «Я встретил вас» П. Булахова. Великолепно! Небольшой перерыв и еще один шедевр Булага: «Глядя на луч пурпурного заката» – музыка А. Оппеля, слова П. Булахова...

Именно этот романс слушает сейчас Писатель, весь как-то сжавшийся в комок от напряжения. Я не мешаю ему слушать. Последние ноты, обычное окончание радиопередачи: кто делал ее, позывные и вот – тишина...

Какое-то время сидим молча. Писатель, как будто уставший, встает с кресла, пожимает мне руку.

– Спасибо тебе за удовольствие, которое доставил мне своей радиопередачей. Честно говоря, я не знал многоного из того, что услышал. Какие голоса! Какое наслаждение от слияния музыки и текста. А какой голос у певицы, которая поет «Я вас любил»! Как ты говоришь ее фамилия? Ах, да! Тахира Менаждинова. Как я мало знаю о музыке. Сидишь «на галере», а рядом такая музыка!

– Леонид Борисович! Я предлагаю перекусить, а заодно и поделиться впечатлениями.

Мы идем, моем руки, садимся на кухне за стол, где у меня все приготовлено заранее, все, кроме чая, но это не проблема. Ставлю чайник на газ. Писатель смотрит на стену кухни рядом со столом, обшитую деревянной рейкой, на стене целый вернисаж керамики: и из Москвы, и из Риги, и из Ташкента – все авторские работы. Посередине странное трио: небольшие, с ладонь, окатыши, изображающие поющих то ли узбеков, то ли кыргызов. Одного «из певцов» я привез из Ташкента, а двух нарисовал сам.

Как-то у меня в гостях, на кухне, был американец, так он, поглядев на «трио», сказал:

– Паваротти, Доминго, Каррерас!!!

Я, на всякий случай, купил «четок» и сейчас налил по рюмочке и себе, и Писателю. Он поднял рюмку:

– Какой все-таки голосина у Булата! Какое проникновение в образ. Ему веришь, когда он поет: «Он вами жил, его забыли вы!». Давайте выпьем за него, за тебя, спасибо тебе за такой подарок!

...Мы выпили, закусили, потом пили чай. Говорили о его очерке, посвященном Косте Орозалиеву, но долго еще внутри каждого из нас звучало:

*Глядя на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы.
Вы руку жали мне,
Промчался без возврата
Тот краткий миг, его забыли вы.*

...Наговорившись, я проводил Писателя до остановки. Он шел, тяжело переставляя ноги (болели колени) и говорил:

– Вот закончу про Костю, и надо написать про тебя... Может быть, маленькую повесть.

Он сел в троллейбус, помахав мне рукой на прощанье. Я возвращался домой, вспоминая, как в книге «Россияне в Кыргызстане», изданной в 1998 году, в большом материале Дядюченко, составленном из нескольких очерков и названном «Дубовый парк», я неожиданно увидел и очерк «Романс гор» – о моем концерте в арт-галерее «Дубовый парк», который я проводил вместе с моим другом Юрий Кузнецовым. Какой это был приятный сюрприз для меня!

18 декабря 2003 года. Позвонил Писатель. Изложил суть дела. Он закончил монтаж фильма «Ураан Бишкек». Нужна музыка. Попросил меня позволить использовать для этого мои кыргызские произведения. Я выразил сомнение о соответствии моей музыки фильму, который (я не видел его еще), по моему представлению, должен быть не сентиментальным, а более жестким, как духовой оркестр отличается от камерного.

Дядюченко терпеливо выслушал, но настаивал на своем. Я поехал в радиокомитет и при содействии Д. Пивоваровой переписал на аудиокассету несколько песен, несколько пьес для духового оркестра: «Рапсодию Гор», «Кыргызы-кочевники»... Передал эту кассету Л.Б. Он сам (вместе с Артемом) монтировал эту музыку! Без меня! Что примечательно, при встрече, чуть позже, он скажет:

– Какая великолепная пьеса «Рапсодия гор»! Подкладываю из нее под изображение любое место – все как будто специально написано для фильма!

Я вспомнил о ружье из пьесы А. П. Чехова – повешенное на стене в первом акте, оно непременно выстреливает где-то в третьем...

Вот тебе и Писатель! Вот тебе и его молчание на презентации «Рапсодии».

20 декабря 2003 года. Знаменательный день! День концерта «Декабрьские вечера гитары» в музее ИЗО, в конференц-зале. Очень важно, что погода прекрасная: на небе ни облачка, по-весеннему светит солнце. Даже температура воздуха редкая для декабря – плюс двенадцать градусов. Значит, и в зале будет тепло, это хорошо для игры. Я приехал в музей в четырнадцать часов. Начало концерта – в пятнадцать. Меня уже поджидал Виктор Черкашин с магнитофоном «Репортер». Он взял у меня интервью. Народ стал подходить. Зал был занят – там проходило заседание коллегии Министерства культуры. Только в пятнадцать десять заседание закончилось, и в пятнадцать тридцать я смог начать концерт. В зале более ста человек, интеллигентная публика. Среди них много знакомых: Л. Дядюченко, А. Иванов, Г. Ковалев, В. Черкашин, Д. Пивоварова, В. Самохвалов с Эльвирай, Ю. И. Шубина с внучкой и другие. Я играл, рассказывая о гитаристах, композиторах, пьесах. Были и «бис», и маленькая овация. Были автографы и фото со зрителями на память. Хорошо!

В конце Л.Б. вышел на сцену и вручил мне видеокассету с фильмом «Ураан Бишкек». Приятный сюрприз (как выяснилось позже, он отдал мне свой единственный экземпляр).

21 декабря 2003 года. Писатель пригласил меня вместе посмотреть фильм «Ураан Бишкек». Тогда у меня еще не было собственного видеомагнитофона, а у Писателя он был, я с радостью согласился приехать. Приехал: «от виски с содовой» отказался, сразу сели смотреть фильм. Посмотрели. Пока смотрели, я все думал: «Почему он позвал меня музыкально оформлять фильм? Ведь есть кыргыз-ские композиторы: Давлесов, Молдобасанов, молодой, но плодовитый Бегалиев! Что это – экономия времени и средств, выделенных на фильм, или что-то другое...». Да, но ведь мэрия попросила снять юбилейный фильм Дядюченко, а не кого-нибудь другого...

Пока смотрел, сомнения рассеялись. «Рапсодия гор», с ее «нервной гитарой» и несколько сентиментальным, а порой жестким звучанием оркестра, хорошо «ложилась» на кадры (а они заняли треть фильма), показывающие старый город, еще провинциальный. А вот когда на экране появились современные микрорайоны, площади – тут, как нельзя лучше, зазвучал духовой оркестр с его официальной музыкой площадей и парадов. Нет, я не разочарован фильмом, а точнее – выбором Писателя моей музыки. Но надо ведь еще показать фильм мэрии – заказчику фильма. Не будет ли у них недовольства?

Посмотрели, пошли пить чай на кухню, а точнее – говорить, запивая чаем.

– Господин Агибалов, я ведь все-таки оказался прав! И ничуть гитара с оркестром не мешает видеоряду! Наоборот, помогает! Но я бы хотел поговорить не столько о фильме, сколько о вашем вчерашнем концерте, – Писатель сделал паузу, как бы размышляя. – Концерт мне понравился! Но что меня всегда удивляет: сидит на сцене с гитарой в руках этот самый Агибалов и рассказывает публике, которая ничего не смыслит в гитаре и тонкостях игры, о каких-то неведомых Андресах Сеговиях, Джонах Вильямсах, о Михаиле Высотском. Причем, рассказывает – как равным! И еще! Зачем этой неподготовленной публике играть «Каприс № 17» Никколо Паганини – этот сложнейший «кульбит», когда этой публике достаточно «Клен ты мой опавший».

«Интересное начало», – подумал я. И не столько для оправдания своей вчерашней программы, сколько для той будущей повести о гитаре, которую замыслил Писатель, заговорил:

– Концерт для меня – всегда экзамен. Что это – сыграть концерт? Развлечь публику? Показать технику? Фейерверк технических упражнений? Или поразмышлять вместе с публикой с помощью гитары? Русской гитаре уже двести лет. За ее долгую историю у нее были периоды подъема, были и периоды падений. В то время, как испанская шестиструнная гитара, особенно с появлением в ее истории Франсиско Таррега, а следом за ним Андреса Сеговии, стремительно стала обгонять русскую гитару и в техническом отношении, и в части репертуара, русская гитара только-только во второй половине XX века начала «подниматься» с колен; только-только появились профессиональные гитаристы, композиторы, журналисты и писатели, обратившие на нее внимание – как на часть русской культуры, неотъемлемую часть...

Как-то мой педагог Лев Александрович Менро сказал мне:

– Вы одна из «колонн», поддерживающих «храм русской гитары». Вот с того времени, где бы я ни играл, я стараюсь играть программу, в которой показываю всесторонние возможности этого инструмента. «Поддерживаю Храм»!.. Вот почему не только «Клен» и не столько «Клен», а и «капризы» Паганини и Фернандо Сор, и Исаак Альбенис, и, конечно же, русские корифеи: Михаил Высотский, Андрей Сихра... Насчет «экзамена»... Дело в том, что у исполнителя теоретически должна быть безупречная техника игры, уравновешенная нервная система, отменная память, хладнокровие и «умение – не бояться публики». Но все это теоретически, а практически – в концерте или перед концертом может случиться какое-то обстоятельство, которое выбивает из колеи. Например, был такой замечательный советский пианист Софроницкий. На одном из его концертов в Большом зале Московской консерватории кто-то нечаянно уронил металлический номерок из гардероба. Так вот, пианист остановился, перестал играть, затем встал и ушел из зала. Больше он на сцену выйти не смог... Мысль, что «защищаешь» честь русской гитары, в голове постоянно. Так я играл в Екатеринбурге, с той же мыслью играл в Волгограде. Правда, я об этом не думал, когда играл в новой квартире на новоселье у Жени Котлова – замечательного кинорежиссера. На этом вечере были одни художники, киношники. Незабываемый и дорогой для меня вечер. Но я прекрасно сознаю, что я далеко не Сеговия, что поиграть бы еще лет этак тридцать, может быть, тогда что-то и получится...

Весь мой длинный монолог Писатель слушал молча, не перебивая. Потом он встал, поставил на огонь остывший чайник и вышел. На подоконнике кухни стоял большой серый окатанный камень, я подошел к подоконнику посмотреть на него. Это был один из лучших камней, приготовленный для предполагаемой выставки. Вошел Писатель.

– Что, нравится? Действительно хороши! Но не «мыльтесь», господин Агибалов, я вам его не подарю, – шутливо сказал он. – Только после выставки. Вот, посмотрите очередной «шедевр», который я сделал.

В руках у него было необычное произведение. У пол-литровой бутылки «Русской водки» аккуратно отколото на треть длины бутылки горлышко. Этикетка осталась целой. В оставшуюся часть бутылки вставлен деревянный самодельный крест сантиметров двадцать высотой, из коричневого дерева, а вокруг плотно вставлено около пятидесяти штук пустых, исписанных стержней от шариковых ручек.

– Памятник безвестному писателю, – улыбаясь, сказал Дядюченко.

Я на секунду представил себе экспозицию нашей предполагаемой выставки: работы Писателя из стволов карагача с капом – восемь или десять кресел в стиле Коненкова, тридцать-сорок работ из «петель Нестерова» – удивительных и оригинальных, около тридцати декоративных камней из оврагов – и этот «шедевр», стоящий особняком.

«Ведь это он себе памятник сделал, только миниатюрный», – подумал я, пока вертел его в руках. Это поймут сразу все, кто придет на выставку. Это ведь замечательная «метафора»!

Сам я готовил для выставки двадцать-двадцать пять чеканных плакетов, на которых изображены «романтизованные мной кыргызы», восемь-десять медалей, три-четыре работы мелкой пластики и пятнадцать-двадцать работ – ювелирный дизайн.

– Пожалуй, это будет лучшая работа на нашей выставке, – совершенно искренне похвалил я Писателя.

...Время пролетело стремительно и незаметно. Наши посиделки заканчивались. За окнами были уже сумерки.

– Леонид Борисович, я, пожалуй, пойду. Спасибо за чай, за фильм. Хоть несколько и рановато, поздравляю вас с наступающим Новым годом!

Дядюченко кивнул. Попрощавшись, я уехал домой, забрав кассету с фильмом.

6 января 2004 года. На «Кыргызфильме» прошла презентация фильма «Ураан Бишкек». На просмотре фильма был директор «Кыргызфильма» Тынай Ибрагимов с окружением, приехал мэр Бишкека со свитой. Их долго ждали, но с некоторым опозданием они все же приехали. Жаль, не было Николая Тимофеевича Танаева (премьер-министра). Посмотрели фильм. Мэр поблагодарил киногруппу (мы все вышли к сцене: Дядюченко, Барышников, Агибалов, Артем) за работу, сказал, что фильм ему понравился. На киногруппу перечислены какие-то деньги от мэрии (в виде премии). Поживем – увидим. Потом мы втроем (без Артема) заехали к Писателю домой и около часа за чаем говорили о фильме и об искусстве вообще. Хорошо!

* * *

За годы демократии появилось огромное количество молодежных песен – «попсы». Все эти песни, а по большей части – чистая самодеятельность, – и с точки зрения музыки, и с точки зрения стихов. «Часы-трусы» – вот уровень этих песен. Темы банальны: «Я хочу тебя», «Ты не хочешь меня», «Я страдаю без тебя», «Я немножко беременна – это временно» и т.д.

…Песен много, а рождаемость в России упала почти до нуля (как объясняют демографы – из-за экономических причин). Сразу после окончания Великой Отечественной войны рождаемость была намного выше теперешней, а ведь экономика была разрушена. Что-то здесь не так, господа демократы! Как следствие – смертность превышает рождаемость, и отсюда – уменьшение населения на один миллион человек в год! Это уже не любовь, а какой-то любовно-словесный онанизм!..

7 января 2004 года. Рождество Христово! Работать грех. Пошли с Писателем в средний овраг, в центре села («жечь рукописи»). Входили в овраг вдоль левого его борта, где один из частных домов приблизился к холму и уютно эдак расположился. Странная картина – снаружи вдоль забора стоят огромные деревянные колеса с деревянными спицами. Колеса как будто из времени Чингисхана. Что это? Откуда? Декорации от какого-то фильма? Почему здесь?

Неторопливо, разглядывая камни под ногами, добрались до двух знакомых, по прошлым нашим визитам, карагачей. Вот и наш очаг. Я собрал дрова и, пока разжигал костер, Писатель говорил:

– Книга про Семена Чуйкова когда-то была издана. Ты это помнишь, читал. А теперь я дописал к тому старому варианту сто с лишним страниц нового текста, и эта книга выходит в серии «ЖЗЛК» («Жизнь замечательных людей Кыргызстана»). С цветными иллюстрациями. В ней я рассказал все, или почти все, о великом художнике, с которым, как ты знаешь, был хорошо знаком на протяжении многих лет. Правда, теперь, когда поставлена точка, я вспоминаю новые любопытные эпизоды, оставшиеся за бортом книги. Но это было всегда, с любой моей документальной повестью. Во мне живет гораздо больше материала, чем появляется на свет в книжном варианте. В процессе создания образа идет жесточайший отбор, а потом кажется, что зря не включил то одно, то другое, то третье. Хотя понимаю: включи я это – и конструкция книги разрушится. Понимаю, но жалко. Порой мучительно жалко. Вот так-то, господин Агибалов.

Чайник забулькал, из его носика, заливая костер, закапало. Я снял его с палки, на которой он висел, заварил чай, разлил по кружкам. Сделал бутерброд из свежей лепешки и шпрот и подал Писателю. Сегодня «четка» не было – грех пить. Чай на костре всегда особенный: и запах ярче, и вкус. Леонид Борисович был сегодня какой-то серьезный, озабоченный, его преследовали какие-то неотступные мысли. Попивая чай, я перевел тему разговора:

– Мой друг, Володя Ваныкин, с которым мы записали лучшее из того, что я играл, живет уже много лет один. Он был женат на нашей единственной в республике органистке Динаре Салиевой, потом развелся, детей у них не было. Она уехала в Германию и там вышла замуж. Так вот, он, живя один, а надо сказать, что он – большая умница, увлекся эзотерикой, начал с книг Лазарева «Диагностика кармы», потом более сложные книги Судзуки – «Дзэн буддизм» и другие. В какой-то мере он и повлиял на меня, «заразил» эзотерикой. Недавно позвонил, и в разговоре о новых книгах упомянул серию книг супругов Тихоплавов: «Физика веры», а особенно «Кардинальный поворот». Я, по его совету, пошел и купил этот самый «Кардинальный поворот». Прочел с удовольствием.

Основная мысль этой книги в том, что «можно прожить жизнь, не приходя в сознание». Не буквально, конечно, надо это понимать... Как пишут авторы: у каждого из нас есть «компьютер сознания», главное в жизни – суметь открыть этот «компьютер» и увидеть, что человек и человечество – это не только «кости и мясо», а более всего – душа, сознание, и что наше появление на Земле, новое воплощение, по терминологии буддизма, – это очередной, «школьный класс» души, когда, прожив жизнь, тебя «переводят в следующий класс» или «оставляют на второй год». Ну, это я уже говорю слишком примитивно, своими словами, что надо жить по заповедям, рассматривая свою жизнь как часть всего Человечества, как часть Вселенной...

Писатель слушал меня, но, как мне показалось, без особого интереса. Продолжалось чаепитие. К бутербродам со шпротами добавился бутерброд с салом, которое Писатель достал из рюкзачка, потом он заговорил:

– Жить сегодня стало трудно. На пенсию не проживешь, приходится работать «на галере». Газетные статьи – тоже не кормят. Ну что это – четыреста сомов за статью? А статья раз в два-три месяца! Вот сейчас предлагают снять фильм про Академию наук. Опять лезу не в свое дело. Но придется. А вы говорите о «компьютере сознания», о Вселенной... К тому же что-то важное, о чем так хочется сказать, остается нереализованным, все ждет и ждет своего часа. Порой сделаешь наброски, а заняться серьезно, основательно – никогда.

...Так мы говорили. Потом он встал, пошел искать «петли». Нарезал штук десять, я помогал ему. Стали жечь рукописи. Разговор не клеился. Чай допит. Пора идти домой. Не спеша собрались и молча пошли вниз. Чуть в стороне от тропы наткнулись на огромный, около метра в диаметре, красавец камень, «для выставки». Он был слегка зеленоват, но чередующиеся полосы белого и черного цвета украшали его. Это было само совершенство! Как «окаменевшее яйцо» какого-то допотопного зверя.

– Берем? – шутливо спросил Писатель.

– Берем! – в тон ему ответил я. – А если серьезно, то тут без досок не обойтись, чтобы закатить его в машину. Но пока пусть лежит. Хорош!

Еще раз обошли камень и неторопливо зашагали к деревне.

17 января 2004 года. Был в гостях у Л.Б. Пришел с видеокассетой, на которой записан моноспектакль «Гитара и стихи». После моего успешного дебюта – музыкального оформления спектакля «Романс о любви и смерти» по пьесе Гарсиа Лорки «Дом Бернальды Альбы» в 1989 году – режиссер и актер Русского драматического театра имени Крупской Михаил Филимонов, красивый импульсивный шатен, предложил мне сделать на малой сцене моно-спектакль, где гитара с ее музыкой – «нить, на которую нанизаны бусы стихов». Вместе с Михаилом Евгеньевичем подобрали три блока стихов: Петrarка, Гарсиа Лорка и десять русских поэтов от Некрасова до Высоцкого. На сцене три актера: Галина Степанова, Владимир Москалев, Михаил Филимонов – и я с гитарной музыкой от XVII до XX века. Спектакль был показан только один раз для худсовета. К счастью, его снял на видео Женя Барышников.

...Мне не понравился спектакль. Может быть, более всего не понравилось мое неуклюжее передвижение по сцене (после Петrarки и Гарсиа Лорки). Писатель смотрел не так критически и попросил оставить кассету на время, чтобы посмотреть еще раз. За чаем говорили о его предстоящем семидесятилетии. Как праздновать? Где? На какие деньги? Лучший из вариантов – это Дом кино. Можно будет показать несколько фильмов Дядюченко...

Прощаясь, Л.Б. неожиданно попросил:

– Леша, ты говорил о книге «Кардинальный поворот», я бы хотел ее почитать.

Я кивнул головой в знак согласия и ушел, вспоминая детали нашего с Филимоновым спектакля, особенно удачный эпизод, когда он и его супруга, замечательная актриса Галина Степанова, блестяще «решили» зрительно драматическое стихотворение Гарсиа Лорки «...Она оказалась замужней, а мне клялась, что невинна...». Мне всегда нравился актер Филимонов,

интеллигентный, с «чеховской бородкой», делавшей его лицо еще красивее и выразительнее. Именно Михаил Евгеньевич выдал как-то мысль, которая применима ко всем видам искусства:

– Флегматик не может быть актером!

«А что, флегматик может быть скрипачом, пианистом, гитаристом?..» – подумал я тогда.

...Почему тот спектакль прошел только один раз и только для «внутреннего употребления»?

Потому, что уже на следующий день (какая оперативность!) в газете «Вечерний Бишкек» появилась разгромная статья-рецензия Рины Приживойт, где она обвиняла Филимонова в том, что он якобы истратил на подготовку спектакля деньги театра, не спросив разрешения у труппы и худсовета. Что это и не спектакль, и не «вечер поэзии», а черт знает что такое, что реквизит и одежда актеров – это пропахшее нафталином старье из сундуков 30-х годов и т.д. Она выполнила чей-то «заказ» вовремя, а зрители нашего города были лишены возможности увидеть спектакль и самостоятельно решить – ходить на него или нет!..

24 января 2004 года. Наш с Писателем друг и товарищ Леван Алибегашвили слышал о том, что мы «гуляем» по холмам и оврагам Орто-Сая, и ему захотелось прогуляться с нами хоть один раз, посмотреть – что это за «пенсионерские восхождения» по северной стене Орто-Сая.

Леван – невысокий, похожий на подростка в свои семьдесят лет, с густыми черными бровями, с густой шапочкой поседевших волос, напоминающих своей формой и густотой шапочку, которую носят в Грузии сваны, но сотканную из серебряных нитей, сверху – ослепительно белых, а у корней – цвета старого серебра, с короткими щетинистыми усами и бородой – почти черными с редкой проседью, делающими его лицо живописным и, я бы сказал, красивым. Он вызывал во мне чувство глубокого уважения. С того самого момента, когда мы провели с ним вместе целую неделю в Оше, где жили вместе в гостинице и вместе же судили на горе Сулейманке республиканские соревнования по скалолазанию. Времени для того, чтобы лучше узнать друг друга, у нас с ним было достаточно. А особенно я зауважал его, когда узнал и с его слов, и из книги Писателя «Какая она, Победа?» о том, что Леван прошел весь трекерс гребня пика Победа. Вершины, перед которой сдавались ребята, производившие впечатление намного более сильных, чем сухой и поджарый Леван. А он прошел весь гребень от пика Важа Пшавела до главной вершины!

Мы с Писателем звали его «грузинский князь», он не обижался, но, как бы оправдываясь, говорил, что хоть он и не князь, но родился в старинном роду в ауле под пиком Казбек, и что горы для него – дом родной.

Чаще всего мы встречались у Шубиной, в кругу альпинистов. Он не пропускал ни одного моего концерта в городе, я подарил ему аудиокассету с моими записями. Он знал, что я немного занимался альпинизмом, катался на горных лыжах, и это тоже сближало нас...

Сегодня мы пойдем от трансформаторной будки, что у входа в небольшой овражек, длиной метров сто, куда идет грунтовая дорога к кошарам, врезанным неосмотрительно в стенки овражка. Там же – и домик чабана. Берега оврагов, как и рек, в гидрологии определяются вниз по течению. Так вот – дорога по правому склону не только идет к кошарам, а ползет вверх на холм, сделав один крутой вираж. Она идет мимо кыргызского кладбища, самого большого над селом. В центре кладбища – огромный круглый кованый мазар, выделяющийся своими ажурными орнаментами среди каменных плит памятников. Нам же предстоит идти на левый склон, начинающийся довольно крутой тропой, сильно разбитой и присыпанной мелкой щебенкой.

Писатель – в кепке, куртке с подкладом, все светло-серого цвета, на ногах – новые кроссовки, но такие маленькие по размеру, что не вяжутся с его грузной фигурой. Леван одет, «как на тренировку»: спортивные бриджи, красивая спортивная куртка, головного убора нет, вместо него – густая шапочка волос, на ногах – «цвета апельсина» новые вибраторы. Молча начинаем подниматься на склон. Леван быстро уходит вверх по тропе, а мы с Писателем медленно набираем высоту не «в люб», а маленькими серпантинами. Опасаясь, чтобы Писатель не покатился вниз, оступившись, иду ниже него для страховки. Он тяжело дышит, часто останавливается, лицо его серьезно и нахмурено, как будто он злится на свое тело, такое неуклюжее теперь и такое легкое и гибкое когда-то... Крутая часть тропы кончилась. Стоим, дышим и смотрим вниз на деревню, под нами – поля, город. Красиво.

Это отвлекает от трудности подъема. Леван – далеко впереди, легко, как юноша, идет большими широкими шагами, не оглядываясь. Теперь тропа положе. Впереди, справа на склоне, – бетонный экран «автокинотеатра», нам надо идти мимо него вверх по заброшенной дороге, отслужившей свое много лет назад, когда засаживали склоны фисташковыми деревьями, которые сейчас превратились в плодоносящую рощу... Наконец-то Леван остановился, ждет нас. Подошли...

– Господин Алибегашвили. Вы ведете себя неуважительно по отношению к ветеранам Орто-Сайских холмов. Вы все-таки пока еще «абитуриент». И мы еще не приняли вас в члены клуба. Поэтому ведите себя более прилично. И не скачите, как архар, впереди мэтров. А кстати, вы знаете, что наш клуб любителей Орто-Сайских холмов как аббревиатура звучит – «ЛОХ»! Не знаете! Так вот, примите к сведению!

«Отповедь» зарвавшемуся новичку была произнесена Писателем с таким выражением лица, что мы с Леваном расхохотались.

Это говорило о том, что он «приходит в себя», что тело его «просыпается» от гиподинамии, что к нему возвращается его, дядюченковская, потребность в подначках. Леван выслушивает «отповедь», мы начинаем втроем движение и ситуация повторяется: он медленно, но верно идет на отрыв от нас. Я знаю, ему мало этой тропы. Помню, как в Оше, на Сулейманке, он, не выдержав, попросил подстражовать его, надел грудную обвязку, пристегнул карабин к основной веревке и в бешеном темпе, оступившись, но удержавшись на стене, прошел ее под восторженные возгласы участников соревнований – старшему из которых было лет двадцать, а Левану – за пятьдесят. Но я знаю и другое: несколько лет назад он довольно долго был прикован к постели: из-за неведомой болезни позвоночника отнялись ноги. То, что он сейчас «скакает», как архар, – понятная попытка избавиться от остатков той болезни, утвердиться в мысли, что организм способен, как когда-то, «скакать» по склонам. Но для этого его надо «заставить» вспомнить, как это делается...

От «кинотеатра» идти метров триста. Идем. Дорога сухая, покрыта пожухлой травой, светит солнце, прохладно, но не холодно. Странно, январь, а снега нет. Какая-то затянувшаяся осень, а не зима. Мы проходим эти триста метров, и на дне небольшого лога, укрытого с трех сторон мягкими холмами, я останавливаюсь, так как вижу большие камни. А они нужны – и как стул для Писателя, и для сооружения очага. Леван проскочил это место и уже еле виден, я кричу ему, он спускается к нам. Дров мало. Я с трудом собрал небольшую вязанку сухих веток, занялся костром. Писатель присел на большой камень и отдыхает. Видно по нему, что этот маршрут для него тяжел. Он сидит, массажируя колени, и, обращаясь к «грузинскому князю», спрашивает, чтобы как-то отвлечься:

– Как вам прогулка?

– Пока не очень. Ничего не видно: нет вершин, нет леса, на худой конец!.. Да-а! Это не Ала-Арча!

Писатель удивлен «наглостью» «абитуриента». Высказавшись на этот счет, он уже серьезно спрашивает:

– Что нового в альпинизме республики? Ты, Леван, как председатель Федерации альпинизма, наверняка в курсе всего, что происходит.

– Альпинизм сейчас меняется кардинально, – неторопливо начинает рассказывать Леван. – Если, скажем, в советское время трудность восхождения измерялась количеством крючьев, забитых на стене, и это вызывало уважение, то теперь ходят на стены с минимумом крючьев, закладух, веревок. Вот летом на Хан-Тенгри, не помню фамилии, красноярец, «взбежал» и спустился за пятнадцать часов. Он был одет даже не в пуховку, а в легкую курт-ку... и с собой – ледоруб.

Писатель в недоумении:

– И что – это хорошо? И зачем такое восхождение? Ведь исчезает самое главное в альпинизме – это красота горы, это ребята, с которыми ты в одной связке... Ваш новый альпинизм какой-то рекламно-экстремальный, прямо «как Книга рекордов Гиннесса», где катят носом горошину с километр!!!..

Я приготовил чай, поджарил на палочке шпикачки, расстелил на земле чистую тряпку, нарезал сала (фирменного, дядюченковского). Леван увидел эти сборы, достал из спортивной сумки

охотничьи колбаски и три странные бутылочки оригинальной формы, оказывается – украинская «перцовая», разлитая по сто граммов, кладет все это на достархан. И продолжает рассказывать:

– В мае, как и в советские времена, на Комсомолец пошли человек двести. Я тоже ходил, но не дошел до вершины, не тренировался. Все некогда, работа не позволяет. А тут ведь, как в игре на гитаре или в писательском труде, нужна постоянная тренировка. Вот Миша Михайлов (тот Михайлов, который был на Эвересте с казахами), так вот он даже зимой с напарником тренируется на замерзшем Ак-Сайском водопаде – прохождение ледовых стен... Но хватит об альпинизме.

– Я предлагаю тост, – он открыл бутылочку «перцовой», налил в стопочки, подал мне и Писателю.

– Давайте выпьем за это, все-таки, прекрасное место. За то, что мы сюда пришли. Я хочу выпить за вас, мои друзья.

Писатель подал голос:

– А я хочу поздравить вас, дорогой «абитуриент», со вступлением в члены «ЛОХ-ов»! – Мы с Леваном снова рассмеялись.

«А все-таки, это, наверное, и есть человеческое счастье, вот так просто – иметь друзей и хоть изредка быть вместе», – подумал я.

Потом пили чай. Шпикачки очень понравились Левану. Солнце ушло за косогор с фисташковой рощей наверху. В тени стало прохладней. Осторожно со стороны гор потянуло легким ветерком, довольно зябким...

– А что с книгой про Ала-Арчу? – спросил «князь».

– А ничего. Половину книги написал, да другие дела отвлекают. Но непременно займусь ею. Она для меня из разряда важных. Я и фотографий набрал интересных на целый альбом, а не только на книгу. Вон даже Агибалов принес штук двадцать, и не только он. В конце прошлого года я отдал для печати в «Литературный Кыргызстан» одну из частей этой предполагаемой книги. Про Ивана Евтушенко.

Тот, кто наблюдал бы со стороны за нами, был бы, наверное, удивлен тем, что три пожилых человека в небольшой, ничем не примечательной ложбинке, довольно уютно устроились, даже умудрились что-то приготовить на костре и похоже – счастливы своими маленькими радостями.

Пройдет какое-то время, и мы неторопливо начнем спускаться с холмов в город к своим нищенским пенсиям, на «галеры». Начнем спускаться к городу, обезумевшему от инфляции, к фальшивой роскоши джипов, к городу спекуляции на всем, но с новым громким названием «бизнес». Мы проедем мимо бесстыдно маячившей вдали роскошной «деревни» чиновников и депутатов, огороженной от реальной жизни, на всякий случай, высоким каменным забором, с ее домами, с яркоокрашенными крышами из металлокерамики, где каждый дом стоит около полумиллиона долларов (и это при всеобщей нищете народа, стоящего с протянутой рукой перед Западом и просящего «милостыню»). Наши прогулки, да и само творчество, которым каждый из нас занят, это попытка «убежать» от безысходности, от дикости нового строя, называющего себя капитализмом...

Но это будет чуть позже, а пока мы «медитируем» на холме, наслаждаясь воспоминаниями...

21 февраля 2004 года. Дом кино. Семьдесят лет Леониду Борисовичу. В кинозале – около ста человек, только те, кого захотел видеть Писатель на своем юбилее. Сначала официальные поздравления: Кондуchalова, Шамиль Джапаров («Ордо»), друзья по геологии (директор института геологии), от «Кыргызфильма»: операторы, режиссеры, директор «Кыргызфильма» Тынай Ибрагимов. Цветы, конверты, адресные папки. Когда было подарено пять чапанов и ак-калпаков, Писатель не выдержал и с юмором сказал в зал:

– Придется открыть бутик по продаже всего этого.

Художник Ишенов подарил огромный портрет Дядюченко с панорамой гор за спиной. Портрет, на мой взгляд, не удался – беспомощная живопись. Затем показали четыре фильма Л.Б.: «В

снегах Алая», о генерале Лященко, командующем Среднеазиатского военного округа, «Мыс гнедого скакуна» и «Жизнь моя – кинематограф». Фильмы интересны по мысли, по художественному взгляду на своих героев. Главное – они искренние.

После фильмов в холле второго этажа – фуршет. У столов много знакомых: Ю. Шубина, Л. Алибегашвили,

А. Еропунов, А. Федоров, А. Иванов и другие. Выбрав удобный момент, я подарил Писателю книгу «Кардинальный поворот» и надел ему на шею «орден» – огромный кусок прозрачного, как вода, фенакита на шнурке. Много телекамер. Конечно же, Женя Барышников, Сергей Чадин… Какой прекрасный повод пообщаться! Сколько прекрасных слов сказано о юбиляре!

6 марта 2004 года. Снова идем на холмы вдвоем. В воздухе разлилась радость. Весна прочно заняла свое место, решительно потеснив короткую, как полуушубок подростка, зиму. Тепло так, что можно ходить в рубашках. Пошли снова от трансформаторной будки, по дороге, ведущей к крупному кыргызскому кладбищу над селом, с тем самым круглым, кованым мазаром в центре. Снега на склонах нет, и только в овраге, в тени, – маленькие, рыхлые пятна. Идти приятно и легко, и всякий раз, когда останавливаешься, глаза ищут долину с городом внизу, с полями, слегка зазеленевшими… Дышится легко и сладко. Всякий раз, проходя мимо кладбища, ощущаешь холодок на спине, и всем существом своим напрягаешься, как будто все, кто здесь лежит, смотрят на тебя, идущего мимо. Смотрят с превосходством – они уже знают ту тайну, которая стоит за смертью, а ты, проходящий здесь, еще нет.

За кладбищем начинается длинный и узкий овраг, по которому мы еще не ходили ни разу. Но нам надо пройти по дну оврага метров двести, чтобы на левом борту его, в сырой глине, найти подснежники. Писатель идет хорошо, у него приподнятое настроение, он даже снял куртку и идет в рубашке, глядя под ноги в поисках красивых камней «для выставки». Я иду следом. С удовольствием гляжу вперед на мягкие бугры, покрытые новой травкой, на отару вдали, бродящую по холмам среди обильной вкусной пищи. Хочется петь от радости, что мы дожили до весны, что поднимаемся по теплым от солнца холмам. По дну оврага камней больше, и мы направляемся туда. Ширина прохода местами – не более метра. Панорама исчезла. Все, что теперь видно – это глиняные борта оврага, становившиеся все круче, как будто кто-то прорезал склон большим ножом и получился этот сай.

Мы прошли метров сто пятьдесят, когда слева по ходу возник небольшой боковой саек, и мы, не сговариваясь, повернули в него. Узкий в начале, он расширился и образовал небольшую и уютную поляну, обрамленную с трех сторон крутыми травянистыми склонами, с одиноким карагачом на бугорке. На поляне лежало несколько больших камней. Мы подошли к ним, удивленные их размером, походили, размышляя, и стало ясно, что их кто-то сложил в аккуратный круг. Камней было шесть или семь, каждый не менее пятидесяти килограммов весом.

– Это прямо «Стоунхендж» какой-то, – удивленно сказал Писатель и, продолжая размышлять вслух, добавил: – Поляна очень удобна для одной семьи, одной юрты, укрыта со всех сторон от ветра, по-видимому, – это стоянка. Но зачем такие большие камни?.. Не исключено, что это место ритуальное, может быть, – это тотем. Любопытно! У кого бы спросить в деревне об этом месте? Любопытно! Единственное неудобство стоянки, если это все же стоянка, – это отсутствие воды. Ни ручья, ни родника нет, только снег зимой...

Он еще раз обошел камни вокруг. Место настолько удобное для нашего чаепития, что мы, не раздумывая, побросали на свежую траву куртки, сумки, и я отправился на поиск дров. Выручил одинокий карагач. На нем было достаточно сухих веток, я собрал их, принес к очагу, занялся костром, чаем.

– Читаю «Кардинальный поворот», что ты мне подарил, – заговорил Писатель. – Интересное сообщение о Грабовом Григории Петровиче. Это пока не укладывается в голове. Утешает то, что Солнечная система сейчас в лучшей четверти своей орбиты движется к центру Галактики. И то, что мы вошли в созвездие Водолея, что человечество должно кардинально измениться в лучшую сторону: жить без войн, насилия, без болезней, эпидемий, дружно. Жаль только, как говорил в свое время Некрасов, что жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе, то есть нам. Увы.

Мы сидели, глядя, как огонь костра пляшет меж камней, как его красные языки лижут черное от копоти дно чайника.

– Кстати, ваша, господин Агибалов, эзотерика начинает вмешиваться в мою работу, – после паузы вернулся к интересующей меня теме Писатель. – Сейчас мы с Барышниковым занялись фильмом об Академии наук. Я пошел познакомиться с отделами. Так вот, только у математиков – восемнадцать отделов, я уже не говорю о химии, физике, геологии. Стал копаться в архивах, наткнулся на информацию о замечательном кыргызском «эзотерике». Более ста лет назад, задолго до Вернадского, этот Кылых (имя у него такое) говорит о «ноосфере»! Обращаясь к народу, он пытался объяснить, что нельзя жить против Бога: воруя, насилия, обманывая, убивая. Что из-за этого на кыргызской земле будут землетрясения, оползни, наводнения... Как бы мог этот темный, неграмотный человек «открыть» этот закон, если бы он не был «эзотериком»!.. Хочу написать об этом Кылыхе в «Слово Кыргызстана». Все равно часть материала не помещается в отведенное для нас время фильма, слишком много информации, причем, прелюбопытнейшей.

Закипела в чайнике вода, я заварил зеленый, как обычно, чай, открыл баночку шпрот, сделал бутерброды. Начинается блаженство чаепития...

– А для кого и для чего этот фильм об Академии наук? – спросил я.

– Его мы снимаем к юбилею академии, он нужен, так сказать, для внутреннего употребления. На юбилей приедут гости со всего бывшего Союза. Наши академики хотят показать им этот фильм в виде отчета, что ли, своеобразный итог работы за семьдесят лет. И ты знаешь, Леша, там есть интересные открытия и новые разработки... Но я чувствую, что взялся не за свое дело. Все-таки это «галера». Но теперь не откажешься, я сдуру взял аванс, уже рас-тратил его, теперь обязан доснять, смонтировать и показать руководству академии.

Так мы сидели и разговаривали, пили чай, вдыхали изумительно чистый воздух. Вместе нам было хорошо... Чего я не знал наперед, так это того, что эта наша прогулка – предпоследняя...

На обратном пути мы все же нашли подснежники. Я выкопал семь цветов, укутал корневую часть цветов сырой глиной. Положил в пакет и, передавая цветы Писателю, подумал: «Эльвира Николаевна будет счастлива, получив их на 8 Марта».

Сам я утром 8 Марта сходил в этот же овраг и нашел еще семь цветочков для своей жены. Наступила весна!

15 марта 2004 года. Письмо из Астаны от моего ученика Геннадия Филиппова с предложением приехать с концертом в Астану в ноябре. Замечательная идея! Как я соскучился по таким предложениям! Последний раз оно было в апреле 1999 года из Москвы. Дай-то Бог здоровья!

16 марта 2004 года. Александр Иванович Иванов («ЛК») передал мне статью Валеры Сандлера о Матанье Оффи. Интересная статья, великолепный «сандлеровский» язык. А какой интересный человек этот Матанья!

17 марта 2004 года. Отправил письмо Г. Филиппову в Астану с согласием на его предложение. Конечно же, согласен!

5 апреля 2004 года. Исторический день! Записали один дубль «Фрески». Дирижировал Рахат Осмоналиев! Какая умница! Тщательно репетировал без меня всю смену.

6 апреля 2004 года. Слава Богу! Записали второй и третий дубли «Фресок». По тщательности отделки этой фонограммы ее можно сравнить, пожалуй, с «Адажио» из «Концерта Аранхуэс» Хоакино Родриго, которое я записал с дирижером Ильей Машкевичем. Звукорежиссером, к счастью, был Владимир Ваныкин, с которым я сделал все свои лучшие записи за эти двадцать пять лет.

Теперь нужно думать, как провести презентацию «Фресок»

14 апреля 2004 года. Великолепный, хотя и нервный день! Состоялась презентация «Фресок». Самое трудное для меня – организовать фуршет! Поднимать тяжести еще нельзя (побаливает бок), а тут набралось три больших пакета со снедью. Спасибо, помог Володя Ваныкин. Я взял свой старенький «ВАЗ», со стоянки мы на нем благополучно довезли пакеты до Радиокомитета, а затем – в аппаратную оркестровой студии. Стол помог накрыть Турсун Темиркулов. Высокий, статный, как Манас, он весьма удачно записал в моем исполнении «Прелюдию № 3» Эйтора Вила-Лобоса и долго восторженно хвалил меня и Вила-Лобоса; он же записал несколько романсов в исполнении своей красивой жены Нарине Акрамовой с моим аккомпанементом...

Народу собралось человек пятнадцать-восемнадцать. Часть публики села на имевшиеся стулья вокруг пульта, часть осталась слушать стоя.

Ваныкин включил магнитофон – и началось «действо». Я использовал в этом произведении, кроме струнного оркестра, фагот, английский рожок, литавры и колокола. Пьесу открывает дуэт – фагот и английский рожок, гитара впервые появится после их соло. Язык этого сочинения в чем-то похож на Прокофьева, а в чем-то на Дебюсси. А если еще учесть то обстоятельство, что за двести лет существования русской гитары это происходит впервые (если быть более точным – это мое третье сочинение для гитары с оркестром), то каждая нота этой сложной партитуры, словно восхождение на «Эверест музыки» по неожженому маршруту. Я почти не дышу, слушаю, волнуюсь. Миша Дудников, мой старый приятель, кинорежиссер с бородой, «как у Николая Рериха», снимает меня телекамерой почти в упор, но я поглощен музыкой.

Оркестр под управлением Рахата Осмоналиева играет с настроением, местами очень красиво, ансамбль безупречен. Даже соло колоколов размером в два такта – красиво! Оно придает всему звучанию характер торжественности, храма!

Вот красивая кода, последние звуки тают, последний аккорд. Тишина! После небольшой паузы раздались аплодисменты. Все встают, поздравляют, каждый по-своему: кто-то пожимает руку, кто-то обнимает. Все говорят почти хором. Радостное возбуждение в воздухе. Один Миша Дудников ничего не говорит, но загадочно обещает сказать нечто при встрече у него в лаборатории КАУ (Кыргызский Американский университет.)...

Публика «плавно перетекает» в соседнюю комнату, к фуршету. Обсуждение продолжается с новой силой. Вячеслав Алябьев, мой ровесник, концертмейстер группы альтов, лучший альтист республики, лысоватый, но с потрясающе красивой седой бородой, Алябьев, с которым я записал в далеком 1970 году «Квартет» Шуберта для флейты, альта, виолончели, гитары, а потом не один раз играл с ним «Концерты» для гитары с оркестром; Алябьев, всегда отрицавший право на существование этих «Концертов», потому что гитару не слышно, настолько слаб ее голос рядом с оркестром; так вот он вдруг начинает говорить, что получил огромное удовлетворение от «Фресок», что он недооценивал меня как композитора, удивлен красочностью партитуры...

– А кто делал тебе оркестровку? – растерянно спросил он.

– Я и делал, – ответил я, наблюдая, как на его лице удивление сменяется восторгом.

Турсун Темиркулов, этот батыр, только недавно вернувшийся из Америки, где был целый год с делами, не связанными с музыкой, но ходивший там на концерты, он весь такой «джинсовый», говорит горячо, торопливо, чтобы успеть выговориться:

– Я думал, здесь все сдохло! Если бы мне дали послушать эту фонограмму и не сказали, кто это играет, я бы счел, что играет кто-то из Европы! Я не узнаю нашего оркестра! Ведь я писал его не раз! Наш оркестр поднялся здесь до европейского уровня! Какая чистота интонации у струнных! Какая нюансировка! Какой ансамбль! Алексей, ты меня удивил! Да эту запись нужно, с гордостью за страну, показывать в Европе, где такой музыки нет и уже не будет!

...Джамиля Маматова, главный редактор музыкальной редакции, постоянный участник всех моих «презентаций», говорит, волнуясь:

– Какое изумительное соло фагота и английского рожка! Какие краски у оркестра! Это прямо-таки импрессионизм какой-то! Я всегда удивляюсь Агибалову как композитору, но сегодня вижу, как он «вырос» после «Кыргызов-кочевников». Браво!

Сидевший в стороне с пластиковым стаканом в руке, в котором было налито спиртное, Леонид Борисович, дождавшись временного затишья, взял слово:

– Агибалов меня дезинформировал. Он позвал меня, если я не ошибаюсь, послушать гитару соло, а здесь, оказывается, «храмовая музыка». Правда, я не со всем согласен. Мне не понятно, что это за «крик» у оркестра и у гитары, как будто они дремали и вдруг проснулись, «закричали» в полный голос, дважды на протяжении пьесы. Господин Агибалов, я вас поздравляю с премьерой, но при случае вы мне объясните, надеюсь, что вы имели в виду, изображая эти «крики в полный голос», – закончил он с улыбкой.

Потом говорили музыканты оркестра, изумительный контрабасист Анатолий Ваханов, Диля Пивоварова. Жаль, что не пришел на презентацию Рахат Осмоналиев.

Я играл до него со многими дирижерами, но он сегодня лучший среди равных. Даже внешне он мне нравится: сухой, поджарый, среднего роста, темноволосый, с умными вдумчивыми глазами, с руками, «как у балерины», – мягкими, пластичными, точно показывающими оркестру, что и как надо делать. Он много лет – художественный руководитель и главный дирижер Чуйского молодежного оркестра (честно говоря, даже не хочется выговаривать аббревиатуру – она звучит неприлично), но оркестр под его управлением звучит высокопрофессионально. Я был как-то на концерте современной американской камерной музыки. «Открыл» с помощью оркестра много интересных композиторов, интересной музыки.

На презентации была Валентина Коротеева. Я знал, что она пишет книгу «Разные судьбы моих соотечественников» и хочет включить туда интервью со мной, наверное, поэтому и пришла посмотреть и послушать...

Долго еще не расходились. Все было выпито, съедено, высказано. Я был счастлив, доволен. Презентация сдержаннее, чем на «Кыргызах-кочевниках», но не хуже. А главное – есть еще одна пьеса для гитары с оркестром у русской гитары, в ее репертуаре. Правда, я вспомнил слова Анатолия Владимировича Ширялина, московского гитариста, писателя, историографа гитары. Он часто говорит:

– А кто играть-то будет?!.. Сегодня ведь – некому!..

21 апреля 2004 года. Радиостанция «XXI век» – прямой эфир (сорок пять минут) с Ритой Букалаевой. Интервью о «Фресках» и не только. Получилась хорошая интеллектуальная беседа о культуре, духовности, гитаре не только в масштабах республики, но шире.

22 апреля 2004 года. С Валентиной Коротеевой поднялись на Орто-Сайские холмы (недалеко) и, сидя на травке, писали на диктофон мой рассказ о себе, гитаре, жизни, порядочности и т.д. Это материал для ее новой книги об интеллигенции, о творческих людях Киргизии. Пошел дождь и прогнал нас с холмов. Она в восторге от контакта с пробуждающейся природой. Выяснилось, что, живя в городе двадцать пять лет, она впервые на природе! Расстались в хорошем настроении.

***

В начале мая Писатель, зная мою тягу к эзотерической литературе, учитывая мои попытки заинтересовать его этой литературой, да и самим понятием «эзотерика», никак не реагируя внешне на мои попытки, но все же «почитывая» и «Кардинальный поворот» Тихоплавов Татьяны и Виталия, и «Горчичное зерно» Ошо, неожиданно для меня подготовил сюрприз, позовив по телефону:

– Агибалов, могу дать на полгода почитать «Тайную доктрину» Елены Блаватской, о которой вы столько говорили загадочного, но, как я знаю, не читали.

Я пулей полетел к Писателю, взял книгу, приехал домой и погрузился в чтение... Чтение – это громко сказано. В день можно было «освоить» одну-две страницы, с трудом. Язык необычный, множество слов на санскрите, незнакомых и загадочных!.. Прошел месяц, другой. Трудность текста была такой, что возникла мысль: а для кого эта книга? Каким же нужно обладать интеллектом, чтобы понять тексты. Книга была издана в 1914 году, в переводе Елены Перих... В основе книги – размышления высокообразованной, «просветленной» женщины, знавшей несколько языков, в том числе и санскрит, – Елены Блаватской, о которой была противоречивая информация: то она – выдающийся ученый, эзотерик, «просветленная», то она – шарлатан, способный перемещать предметы в пространстве, вплоть до полного их исчезновения...

При встречах с Писателем я «докладывал» ему о своих успехах в освоении книги. Мы иногда спорили, обсуждая ту или иную тему из нее, но не могли прийти к какому-то результату, так как оба чувствовали себя беспомощными детьми рядом с Блаватской.

Главная мысль этой книги для меня свелась к тому, что без Творца, его главенствующей роли, наука не может объяснить ни одной истины, а особенно происхождения Вселенной из вакуума, из ничего!

И что поразительно: уже в наши дни двое ученых – супругов Тихоплавов – в одной из своих книг «Кардинальный поворот» говорят об этом же. Но это не их открытие: они ссылаются на авторитетнейших ученых, пришедших к этой же мысли. Творец – создатель всей этой «гармонии хаоса».

...Блаватская неизбежно касается Библии – этой наиболее известной на Земле книги, и, казалось бы, все, что написано в этой книге, не подлежит обсуждению, а тем более – сомнениям...

Но вот только несколько выдержек из «Тайной доктрины», которые я выписал себе в дневник и прочел Писателю, когда он был у меня в гостях в конце мая...

«...Прочитанные в свете Зохара четыре начальные главы Бытия (Ветхого завета), являются фрагментом высоко-философской страницы в мировой космогонии; оставленные в их символическом одеянии, они – детская сказка, уродливый терний в глазах науки и логики, очевидный результат Кармы.

Предоставить им служить прологом к христианству было жестоким мщением со стороны раввинов, знаяших смысл своего Пятикнижия (Е. Блаватская, «Тайная доктрина», стр. 45).

...Если мы сравним обоих – Вишну как защитника и поборника побежденных Богов и Иегову как защитника и поборника «избранного» народа, названного так несомненно иронически, ибо именно евреи избрали этого «ревнивого» Бога, то мы найдем, что оба они пользовались обманом и хитростью. Они поступали так по принципу «Цель оправдывает средства», чтобы извлечь лучшее из своих собственных противников и врагов – демонов. Таким образом, тогда как Иегова, согласно кабалистам, принимает образ Змия обольстителя в Райском саду и посыпает Сатану со специальным поручением искушать Иова, или мучает и изнуряет фараона через Сару, жену Авраама, и «ожесточает» сердце другого фараона против Моисея...» (Е. Блаватская, «Тайная доктрина», стр. 521).

...Всякий раз, когда мы с Писателем брались обсудить очередную мысль Блаватской, мы чувствовали бессилие и все более запутывались в суждениях... Ясно было только одно – она «ушла» в анализе рукописи на санскрите, которую назвала «Тайной доктриной», так далеко и глубоко, что это открыло множество манипуляций с человеческим сознанием поколений, живущих после написания этой «Доктрины», что глубина знаний Автора или Авторов этой рукописи намного больше, чем даже у современной науки. Что именно Человек «с сотворил» на Земле вместо Рая, данного ему Богом, тот Ад, где: болезни, войны, насилие, жадность, все пороки тела физического, желающего физических удовольствий, но не совершенствование духа чистого и непорочного, коль мы сотворены по образу и подобию Божьему.

Мы расставались, я снова, страница за страницей, мучительно трудно, осваивал мысли гениальной женщины – Елены Блаватской и был благодарен Писателю за такой «подарок», который

настолько мощно на меня воздействовал, что я стал меняться, менялись мои мировоззрения.
«Горизонт сознания стал расширяться стремительно»...

4 июля 2004 года. В прекрасное солнечное утро мы на новом джипе «УАЗ» белого цвета, с белыми чехлами на креслах едем в Чонкурчак – отметить семидесятилетие «князя». Нас сегодня много: Юра – бессменный водитель Левана, среднего роста, крепко сложенный, с простым русским лицом, молчаливый. И преданный Левану как Санчо-Панса Дон-Кихоту. Леван в яркой спортивной безрукавке, где на розовом фоне – вершина и ледоруб; Марина, его подруга, – молодая миловидная женщина, легко и непринужденно вписавшаяся в компанию стариков, Писатель с женой Эльвириой Nicolaevной, сегодня по-своему красивой и светящейся от радости предвкушения поездки на природу, что в последнее время случается крайне редко, тем более, рядом с Леонидом Борисовичем (Лешиком), который «сиднем» сидит за рабочим столом и если и гуляет, то исключительно вдвоем с Гитаристом по «далеким» Орто-Сайским холмам, отчего ей одной приходится порой уезжать на дачу.

Я тоже предвкушаю удовольствие от встречи с далеким прошлым. Лет сорок не ездил в Чонкурчак. Последний раз был там в конце 60-х годов, когда, взяв лыжи, палатку, продуктов, вместе с приехавшим с Урала начинающим поэтом Андреем Комлевым, впоследствии ставшим большой сибирской знаменитостью за новый перевод «Слова о Полку Игореве», так вот, вместе с Андреем мы поднялись из Чонкурчака на ледник Байчечекай и в снежной котловине под пиком Павлика Морозова прожили в палатке на снегу три дня. По утрам по крепкому фирну я поднимался под скалы и делал длинный спуск к палатке. Помню, что по моей глупости мы обгорели на снегу и солнце так, что по вечерам был озноб и тело горело нестерпимой болью. Глупость заключалась в том, что я посоветовал загорать в плавках...

«Как молоды мы были», – пронеслось в голове от воспоминаний...

Асфальтовая дорога петляет по совхозу Стрельникова. Для меня эти слова – «совхоз Стрельникова» – как музыка. Ведь именно сюда, на гидрометеорологический пост реки Аламедин я был направлен в 1968 году на практику из Ташкента от гидрометеорологического техникума вместе со Славиком Камаловым. Совхоз был знаменит на весь Союз своими результатами по выращиванию племенных овец, коров, быков.

Помню, с каким удовольствием мы с гидрологического мостика, переброшенного с берега на берег через горную реку, измеряли расход воды, воды цвета аквамарина, помню даже цифру расхода воды – десять кубических метров в секунду. Тогда мне и в голову не могло прийти, что я буду жить в Киргизии, что это мое первое знакомство с ней... Когда мы с Камаловым дали в Управлении гидрометслужбы во Фрунзе концерт (мы пели дуэтом под гитару), я не мог знать, что в зале, среди зрителей, сидит заведующая отделом климата Кира Валентиновна Батыгина, которая спустя несколько лет станет моей тещей. Она, в свою очередь, тоже не догадывалась, что на сцене – её будущий зять.

Славик Камалов не мог знать тогда, на этом гидрометеопосту, что пройдут годы, и он станет председателем КГБ Узбекистана, а чуть позже Вячеслав Мухтарович станет министром МВД той самой республики.

Теперь совхоза нет, нет и племенного стада. Остались развалившиеся кошары... Кончился асфальт, и грунтовая дорога, как змея, вползла в узкое ущельице, на противоположном борту которого останки процветавшего в советское время пионерлагеря. Кому-то из демократов слово «лагерь» показалось чем-то попахивающим ГУЛАГом, и все бесплатные пионерлагеря страны, где отдыхали летом десятки тысяч детей, были уничтожены, как, впрочем, и альплагеря. Тоже ведь «лагеря» – только для альпинистов!

Дорога начала петлять среди небольших «хуторов», как говорят прибалты, пока не вышла в первую татыр-котловину у ее основания. Если поехать вправо, то через несколько километров приедешь к Голубиному водопаду, падающему со скального «забора» почти со стометровой высоты.

Дорога же налево ведет вверх серпантинами по широкому, как огромный стадион, некрутому склону, спускающемуся от гребня хребта. Машина, напрягшись, петляет за дорогой один, другой,

пятый серпантин, пока не глохнет, перегревшись. Останавливается. Выходим и озираемся вокруг. Весь склон и гребень оранжево-желтые от цветущего девясила, рядом поляны с цветущим зверобоем, душицей. Воздух настоян на цветущих травах. Котловина ограждена с трех сторон хребтами, и лишь с востока мягкими увалами спускается к ущелью и реке Аламедин...

Левану не терпится размять ноги, тело, и он уходит быстро и энергично, игнорируя серпантини, напрямик, на верхнюю дорогу. Писатель, в легких брюках и рубашке-ковбойке, отошел от машины метров на тридцать, оглядывает зеленеющие склоны, отару вдали, белеющие далеко вверху вершины. Я подошел к нему, и он показывает мне высоко на правобережной части Аламедина едва видимые домики сейсмостанции и говорит:

– Ездили с Женей недавно снимать для фильма об Академии наук эту сейсмостанцию. Красиво живут. Почти как в советские времена. Ходили в штольни, где множество датчиков. Вечером с горы – прекрасная панорама Чуйской долины, города...

Эльвира с Мариной ушли собирать травы...

Юра открыл капот и что-то крутит гаечным ключом... Через полчаса машина, остыв, завелась, и мы покатили вверх по серпантинам. Выбрались на самую верхнюю дорогу, почти ровную, подобрали Левана. Впереди – перевал во вторую котловину – Верхний татыр. И когда машина взобралась на некрутой перевал, открылась панорама заснеженных вершин: вон восточный склон Комсомольца, и не такой уж он неприступный, как смотрится с севера, левее – пик Павлика Морозова, потом ледник Байчечекей, пик Скрябина – строго красивый и холодный, одетый в снег и лед. Глаз не оторвать от панорамы, но дорога пошла серпантинами вниз к ниточке реки, начинающейся из-под ледника.

Вторая котловина – Верхний татыр, довольно обжитая. То там, то здесь вдоль речки стоят юрты – где одна, а где две рядом. Самодельные кошары, слепленные из чего попало: доски, шифер, фанера, толь. Люди, рядом с юртами – овцы, лошади, коровы. Все это живописно расположилось поближе к речке, к воде, недалеко от удобных травянистых склонов – сытых пастбищ. Одна все же разница с советским временем есть – теперь это частники, фермеры, как их положено называть. А вон загон из досок, где в ряд стоят несколько кобыл, рядом жеребята и большая самодельная надпись «Кымыз». Медленно, выбирая место для обеда, едем вдоль речки. Только в одном месте на берегу «сгрудились» несколько арчевин – это, пожалуй, то, что нам надо. Уже через полчаса на берегу под деревьями стоит стол, складные стулья и даже два огромных, цветастых зонта, которые прикрывают нас от палящего солнца. На столе – настоящий «натюрморт». Точнее выразился в былье времена известный филолог Шейман. На дне рождения Лидии Александровны Ильиной, куда я был как-то приглашен с гитарой поаккомпанировать Салиме Бекмуратовой, он сказал, глядя на обилие фруктов и овощей на праздничном столе – Naturviv.

«Начинается действие». Я гляжу на друзей, на это «действие» – тосты в честь Левана, слушаю его ответный, типично грузинский красочный тост за друзей. Мне хорошо и уютно с ними. Рядом шумит речка, метрах в десяти от нас несколько кобыл с жеребятами вошли в воду и не столько пьют, сколько наслаждаются прохладой, идущей от воды, от холода, приятно остижающего копыта. Они не торопятся уходить из воды, чувствуя, что здесь меньше овода и мух. Я любуюсь ими и немножко завидую...

Я и сам поздравляю Левана и дарю ему приполированный срез агата, привезенного, как я знаю, с притока Амура. Но у тостов и закусываний есть начало и есть конец. Устав от сидения, все разбредаются. Леван и Юра берут в руки по две лыжных палки и уходят на близлежащий склон, «на восхождение». Писатель, подстелив под себя куртку, прилег и вскоре задремал. Женщины ушли за косогор...

Я предусмотрительно взял с собой спортивную сумку со всем необходимым для приготовления чая, но надо сходить за дровами. Я ухожу по некрутому травянистому склону к арчевникам, зная, что там всегда есть дрова...

Вот уже горит костер, мой «ультрамариновый» чайник забулькал. Начинает приходить народ, и начинается чаепитие.

— Алексей, что за заварку ты насыпал? Такой вкусный чай мы пили с тобой только один раз, в Оше на базаре, — говорит Леван, удивленно подняв брови. — Необыкновенный вкус! Какая прелесть! — продолжает он хвалить чай.

— Обычный зеленый чай. Только здесь, в горах, во-первых, — изумительная вода, во-вторых, воздух, состояние души, панорама, — отвечаю я с улыбкой.

Писатель сегодня молчалив. Сказывается «галера», он, по-видимому, устал от нее.

— Приехать бы сюда с ночёвкой, поставить палатку, никуда не спешить. Приготовить на костре ужин, подышать вечерним холодным воздухом вершин. Чего у меня давно не было. Посмотреть ночью на звезды, которые с кулак величиной. Я уже и не помню, когда в последний раз смотрел на звезды, — Писатель говорит это, грустно вздыхая, и добавляет: — Так ведь это невозможно! Надо фильм об Академии сдать в августе, — в его голосе слышится раздражение.

— И все-таки как я вам всем благодарен, друзья мои. Какое это счастье — на дне рождения видеть лица близких тебе друзей, — патетически восклицает Леван.

— Может быть, поставить еще чаю, — спрашиваю я.

— Нет, пожалуй, достаточно. Пора собираться домой, тем более — хотели еще по дороге назад нарвать душицы и зверобоя, — уже серьезно говорит он.

Горы начинают укутывать облака. Пока еще только самые высокие, но уже не видно пика Скрябина, да и ледник наполовину закрыт. Похоже, собирается обычная для гор летняя гроза. Я вспомнил, что когда в 70-е годы летом работал на леднике Голубина, каждый день, приблизительно в три часа дня, собирались кучевые облака, и вскоре косыми линиями воздух расчерчивала снежная крупа, холодало, нам приходилось топить печку в нашем домике. Через час небо прояснялось, к ночи становилось абсолютно чистым, с яркими, будто помытыми, звездами... Механизм этого явления очень прост. Таяние снега и льда днем приводит к образованию облаков, но ввиду того, что эта облачность местного, ледникового происхождения, осадки кратковременны, в отличие от облачного фронта, когда осадки идут и день, и два, даже летом...

Об этом я думал, поглядывая на закрытые вершины. Потянуло ветерком от вершин. Он был приятен, но в рубашечках и маечках уже неуютно. Стали собираться домой, честно говоря, с некоторым сожалением. Прав Леонид Борисович — здесь бы пожить пару дней, но...

Уже по дороге назад, на перевале, нас прихватил короткий летний дождь с раскатами грома, молниями. Под дождичком мы собрали душицы, которой вокруг — «хоть косой коси». Но вот дождь прекратился, сквозь облака выглянуло солнце. Над долиной далеко внизу был обычный жаркий летний день, город даже и не заметил того дождя, который прошел в горах. «И это обычное явление для лета», — подумал я, а машина весело катила вниз — в мир бетонных домов, жары, сутолоки, проблем.

Спасибо, горы, за вашу прохладу, красоту, гостеприимство. До новых встреч, таких редких теперь...

***

«...Несмотря на генеалогию и пророчество, Иисус, посвященный (или Jehoshua) — прообраз, с которого «исторический» Иисус был скопирован — не был чисто еврейской крови, и потому не признавал Иегову; также не поклонялся ни одному из планетных Богов, кроме как своему Отцу, которого он знал и с которым он сообщался, как это делает каждый высокий посвященный, «дух с духом и душа с душою». Это едва ли может быть отрицаемо, если только критик не объяснит к общему удовлетворению странные изречения, вложенные в уста Иисуса во время его прений с фарисеями; автором четвертого Евангелия: «Знаю, что вы семя Авраамово... Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего... вы делаете дела отца вашего... ваш отец — дьявол...»

Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи...».

Этим «отцом» фарисеев был Иегова, ибо он был тождественен Каину, Сатурну, Вулкану и пр....».

(Е. Блаватская, «Тайная доктрина», стр. 721).

Когда я дочитал «Тайную доктрину» до этого текста, я понял: надо книгу отдавать, что этого достаточно, что Блаватская «приоткрыла» дверь в такие темы, о которых я не подозревал. Что, может быть, лучше было бы, если бы я и не знал этого. Жил ведь я спокойно, как все, читал Библию, верил, что это книга всех книг, и вот теперь зародились сомнения, притом они, эти сомнения, стали неотвязными. Я открыл Евангелие от Иоанна и прочел внимательно его, а особенно беседу Христа с фарисеями. Да, вот почему сегодня по стране бродят «ловцы душ» от «Свидетелей Иеговы», вот почему эта sectа запрещена в России парламентом, вот почему канал «Дискавери» в передаче о евангелистах утверждает, что Лука и Иоанн не были евреями. Лука – потому что путает расстояние между населенными пунктами древнего Израиля, а Иоанн – потому что неосторожно высказываеться в адрес фарисеев, евреев.

Нет, надо отдавать книгу. И в один из своих визитов к Писателю я вернул «Тайную доктрину» с некоторым облегчением.

12 сентября 2004 года. В теплый и солнечный сентябрьский день был на альпинистском кладбище в Ала-Арче со всеми звездами кыргызского альпинизма. Отмечалось сорокалетие мемориала. Много знакомых и незнакомых. Мы шли рядом с Юрай Кавериным, крепышом моих лет, с интеллигентным лицом, с редкой рыжеватой бородкой, в очках, похожих на пенсне. Я знал его как барда, слышал его песни о горах, женщинах, дружбе мужской, немножко ностальгических песен о потерянной Родине. Он, как и я, занимался альпинизмом, дошел до первого разряда, потом, по каким-то причинам, оставил альпинизм на самом интересном месте, когда надо было ходить на «пятерки».

...Мы шли рядом по тропе, он был с портативной видеокамерой, много снимал. Когда мы перешли гидрологический мостик и шли мимо скал Алагуш, таких родных, на которых я не раз отрабатывал технику скалолазания с другими альпинистами из «Буревестника» (командой руководил «снежный барс», известный в республике альпинист, дважды бывший на пике Победа Анатолий Тустукбаев). Мимо скал Алагуш, где я заработал жетон «Спасателя», дающий право его обладателю принимать участие в спасработах... Так вот, я кивнул Юре, чтобы он шел дальше один, а сам направился к большой осьпи рядом со стенами, на которых нарисованы маршруты.

Я шел на осьпь не случайно, зная, что на осьпи встречаются желваки кроваво-красной яшмы. А мне они нужны для работы в ювелирном дизайне, да и для минералогической коллекции, которую я собираю вот уже более тридцати лет. Поглядываю на стены, вдоль маршрутов «вылизанных» телами. На одной из полок мы, закрепившись и пристегнув грудные обвязки к крючьям, забитым в скалы, втроем бросали вниз со стены бревно килограммов на пятьдесят весом, привязанное к веревкам, которые мы удерживали. Этим мы имитировали «срыв» со скалы участника; потом поднимали это бревно (вытягивали его на веревках) на площадку и так несколько раз для тренировки. Сейчас массив скал Алагуш огорожен сеткой из проволоки – это давние «следы работы» Толомуша Океева над фильмом «Потомок Белого Барса». В загоне снималась сцена охоты дикого барса на архаров. Вон чуть дальше небольшая, крытая шифером клетка для архаров, где их содержали до съемки.

Медленно, с трудом поднимаюсь по глыбам осьпи, высматривая желваки. Иду кряхтя из-за еще не до конца зажившего послеоперационного шва, сказывается также нетренированность: вот уже больше года, как не бегаю на зарядку... То там, то здесь вижу желваки. Где-то они «впаяны» в глыбу и их не вырубить, где-то валяются уже легко доступные. Найдя два-три образца, неторопливо спускаюсь с осьпи и выхожу на тропу, ведущую вверх, к мемориалу, и дальше – на ледник Адыгине. Далеко вверху на серпантинах тропы среди арчи и можжевельника – фигурки друзей.

Ущелье Ала-Арча просматривается далеко до самого пика Ала-Арчинский. С его как бы разрезанной вдоль остроконечной скальной стеной. У подножия стены, левее, выглядывает язык ледника Голубина – такой родной, после трех летних отпусков, проведенных на нем в группе

гляциологов, когда-то давно, как будто в другой жизни. Когда тебе тридцать с небольшим лет, когда спуститься с четырех тысяч двухсот метров до трех тысяч шестисот на лыжах к домику гляциологов для тебя – радость и удовольствие. И это каждый день – по семь километров чистого спуска из фирновой зоны, через трещины ледопада, по языку ледника, где противопоказано падать на скорости, иначе можно до костей ободраться о лед, который как крупнозернистая наждачная бумага.

Иду вверх по тропе и думаю, как же надо было умудриться затащить наверх, по этой узкой и капризной тропе надгробную плиту на могилу Афанасия Шубина. Одной силы здесь мало, нужно нечто еще!

Тропа петляет среди арчового подлеска, пока не выходит на пологий лесистый склон, усаженный молодыми лиственницами. А вон и легкая металлическая изгородь мемориала. Здесь, на подходе к кладбищу, организм адаптировался, идти гораздо легче. Нас много сегодня, все друг друга хорошо знают, поэтому обятья и поцелуи как ритуал. Все разбрелись вокруг могил альпинистов. Юлия Ивановна положила на могилу Афанасия букет цветов, разложив их по плите как бы веером, достает стопку, ставит ее на плиту, наливает водки, сверху кладет кусочек хлеба. Обычай!

Я был здесь не один раз, несколько раз с Писателем и Женей Барышниковым, когда делали фильм о Шубине. Дядюченко тоже обходит одну могилу за другой, идет к новой каменной плите, на которой вместе все, кто погиб здесь, в горах Киргизии, в виде эмалевых портретов-медальонов, под каждым – фамилия, год рождения, год гибели. Это на свои деньги сделали Володя Бирюков и Вячеслав Александров. Это нововведение, его не было в прошлом году.

Потом начались посиделки за деревянным столом с лавками. На столе бутерброды, помидоры, огурцы, сало, бутылки водки, термоса с чаем. Речи, тосты за погибших. Я сел чуть в стороне: не хватило на всех мест за столом. Сел на травке, рядом с часовенкой, с небольшим колоколом и веревкой для тех, кто хочет позвонить поминально. Рядом сели Леван с Мариной и Алексей Ермолов. Поглядываю в сторону стола: за столом – постаревшие звезды. В центре Дядюченко, рядом большой, сильный и сейчас Вячеслав Лях. Сам он красноярец, но, попав когда-то на один сезон на Ак-Сай и увидев «букет» сложнейших километровых стен, остался здесь навсегда. Долгое время работал в альплагере «Ала-Арча» начальником спасателей, ходил на «пятерки», на «шестерки» для поддержания спортивной формы. Именно он придумал построить на стоянке Рацека на высоте три тысячи шестьсот метров дом из природного камня и именно под его руководством каждая из групп, поднимавшаяся на «Рацека», несла сверх собственного груза груз общественный – для строительства дома: цемент, гвозди, доски. Я помню, что отделение из шести человек, где был и я, несло огромную пятиметровую доску наверх и это, глядя со стороны, напоминало муравьев, несущих в гнездо большую травинку.

Дом был построен. Он и сейчас стоит на трех тысячах шестистах, встречая и провожая альпинистов, особенно зимой, своим уютом.

Рядом с Ляхом – Александр Николаевич Еропунов – старейшина кыргызского альпинизма, один из основателей его в республике. Красивый, статный старик, всегда обходительный и интеллигентный. Юлия Ивановна Шубина – первая в республике женщина – мастер спорта, поднявшаяся на пик Ленина. С копной густых седых волос, которые она принципиально не красит. Всегда немногословная, но сильная и уверенная в себе. По сохранившимся эскизам Афанасия она делает прекрасные работы в технике батик, это, конечно же, вершины, альпинисты на маршруте...

Володя Бирюков и Славик Александров, Петя Соломатин, несколько незнакомых лиц... Многие запечатлены в книгах Дядюченко. Помню, лет тридцать назад Володя Бирюков вел меня на пик Скрябина. Я восхищался тем, как легко, играющи, он шел по льду и разрушенным скалам длинного, неудобного кулуара, ведущего к вершине. Это уважение к Мастеру сохранилось у меня до сих пор.

Мы на траве: Леван, Марина, Юра и я, разложив нехитрую еду, пьем чай из термоса и заедаем бутербродами. Разговор заходит о часовенке, под которой мы сидим, о том, что тело альпиниста из Прибалтики – Кастиса Зубоваса, погибшего здесь, в горах, погребено на его родине, а часовенку построил его друг – художник. Она сложена из сланца, найденного в ручье неподалеку, украшает мемориал своей неожиданной архитектурой, и этот маленький колокол, в который мы всякий раз, приходя сюда, звоним, для всех, кто здесь погребен, и вспоминаем фразу Хемингуэя «По ком звонит

колокол»... Невдалеке Алексей Ермолов смотрит на меня в упор и не узнает. Так он смотрит раз, смотрит два, я не выдерживаю и говорю ему:

- Леша, а ведь ты меня в «упор не видишь»!
- Он хлопает глазами. Но так и не вспомнил меня.
- Я – Агибалов!

После паузы лицо его, сильно изменившееся за тридцать лет, столько, сколько мы не виделись, из удивленного делается радостным, растерянным. Грузное, располневшее его тело встает с травы, встаю и я, и мы бросаемся друг другу в объятья.

– Леша! Леша! Как давно я тебя не видел! Все хотел найти! Пишу сейчас книгу о гляциологах, хотел взять у тебя интервью для книги, мне надо, чтобы ты рассказал о леднике Голубина и Ак-Су, где ты работал, когда еще был жив Николай Васильевич Максимов, наш «шеф»...

- Как я рад! Как я рад тебя видеть!

- Ты сильно изменился, тебя не узнать. Эта борода... Я же помню тебя безбородым, таким, каким ты был в те давние времена, – говорит, говорит, говорит горячо и радостно.

Взволнован и я этой встречей. Я знаю, что он уже издал несколько книг о лавинниках, что часто пишет в местные газеты, что он ценится как единственный сегодня специалист по лавинам, которых много в республике. Когда он, выговорившись, успокаивается, садится на траву, обмениваемся телефонами, договариваемся о встрече.

Вскоре все мы начинаем спускаться вниз по тропе, я иду поближе к Писателю, чтобы подстраховать его, если он оступится.

Далеко на востоке, левее пика Теке-Тор, открылась Корона. Пожалуй, самая фотогеничная и известная вершина на Ак-Сае. Метр за метром спускаемся к Алагушу. Писатель несколько отстал от основной группы, отстал и я, зная, что ему трудно идти, потому что на спуске колени болят больше, чем на подъеме. Он притормаживает, останавливаюсь и я. Переведя дыхание, говорит:

– Пока шел, в голове вертелись слова Ярослава Смелякова: «Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом»... И Высоцкого: «Купола кроют чистым золотом, чтобы лучше Господь замечал»... И вдруг, родилось четверостишие, которое, я думаю, в полной мере можно отнести к тем ребятам, которые похоронены здесь, наверху. Слушай, – и он стал читать, слегка заикаясь от волнения:

*Н-не вернулись м-мы с покоренных вершин,
Не с-смогли найти вниз дорогу.
С-хороните нас под вершинами,
Чтоб остаться нам ближе к-к Богу...*

У меня к горлу подкатил комок, стало трудно дышать: «Да, как точно все сказано о ребятах». И впервые за наше многолетнее общение, я не удержался и обнял Писателя на секунду, опасаясь своих чувств. Он как-то обмяк. Уж он-то точно знал – как это бывает в горах «не найти вниз дорогу»...

Что это за спорт – альпинизм?

Почему зная, что можно погибнуть, люди все же идут в горы?

...Когда мы с женой Кирой катались на горных лыжах в Приэльбрусье, на горе Чегет, и как-то поднялись на фуникулере на Эльбрус, на три тысячи двести, на станцию «Мир», в стеклянном вестибюле станции мы увидели на стенах фотографии местных жителей, восходивших на вершину Эльбруса. На фотографиях немолодые, бородатые люди, и что нас поразило – под одной из фотографий была фамилия (к сожалению, я не помню ее) и возраст альпиниста – сто лет!.. Зачем идти на вершину в сто лет?

Я вспомнил начало своего пути в альпинизм. Я служил в армии в ТВоку имени Ленина (Ташкентское высшее военное командное училище), в спортивном. Именно в 1961-62 годах в Среднеазиатском военном округе были в каждой воинской части созданы спецподразделения, способные воевать в горах. Руководил созданием этих альпинистов заслуженный мастер спорта по альпинизму Владимир Иосифович Рацек. Мне повезло, я совершил под его руководством несколько восхождений в узбекских горах и на Памире.

Мне повезло и в том, что я служил вместе с мастером спорта по альпинизму Юрий Шиловым, который станет много лет позже вторым лицом в руководстве альпинизма СССР. Мне повезло, что третий год я служил рядом с мастерами спорта Володей Кочетовым и Анатолием Тустукбаевым. Они были «салагами», а я уже «дембель». Много лет спустя я пришел продолжить занятия альпинизмом в команду «Буревестник», которой руководил Толя Тустукбаев. Поднимался на Ак-Сайские вершины, спускался на лыжах с вершины Медик на леднике Голубина, поднимался на пик Манас, Ала-Арчинский пик, где с Витей Малаховым попали на вершине в грозу, громыхавшую над головой, и едва не погибли...

Более пятидесяти лет альпинисты безуспешно пытались покорить хотя бы один восьмитысячник, пока, наконец, в 1951 году французы во главе с Морисом Эрцогом не покорили первый и самый простой восьмитысячник «Аннапурну» (8 078 м), а в 1953 году Эдмунд Хиллари и Норгей Тенцинг поднялись на Эверест (8 842 м) с южного седла, через ледник Кхумбу. Психологический барьер был сломан, и на Эверест стали ходить по стенам, все время усложняя маршрут. Так, в 1982 году команда советских альпинистов прошла впервые юго-западное ребро. С первого по девятое мая этого года на вершину поднялись одиннадцать советских альпинистов, но первыми были Эдуард Мысловский и Владимир Балыбердин. Казалось бы, уже ничего нового придумать в альпинизме нельзя. Но австриец Рейнхольд Месснер совершает одиночное восхождение без кислорода сначала на Нанга-Парбат (8 126 м). Затем и на Эверест, с севера с ледника Ронгбук, – за пять дней! Один!

В Киргизии – четыре семитысячника. Один из них – пик Победа (7 439 м). Взошедших на этот самый северный и суровый семитысячник столько же, сколько погибших... Но альпинистов это не останавливает... Идут.

Я помню рассказ Славы Александрова; он был в группе вспомогателей, в обязанности которых было сделать заброску продуктов и снаряжения на шесть тысяч метров – на гребень пика Победы. Он не должен был идти на Победу. Но в основной группе восходителей заболел участник, нужно из вспомогателей одного человека в основной состав, обратились к Александрову. Он, взвесив свои возможности, отказался идти на Победу.

– «Очко-то» не железное, – грубо, но точно сформулировал он итог размышлений. – Как идти, если шансов вернуться пятьдесят на пятьдесят!

Но что же все-таки так притягивает – сходить на вершину? Любознательность? Но, может быть, проще играть в шахматы, в волейбол, баскетбол, да мало ли видов спорта, куда более безопасных?

Ответить однозначно нельзя. Кое-какие соображения можно, конечно, высказывать.

Это спорт. Спорт опасный для жизни, но и прекрасный. Что испытывает человек, поднявшийся на вершину? Победу не над нагромождением скал, снега и льда – победу над собой! Побороть свою слабость физическую, страх перед опасностью. Вершина проверяет тебя – кто ты есть?

У Леонида Дядюченко есть на этот счет замечательные стихи:

*Что ты там потерял,
Мил чудак-человек,
Среди вздыбленных скал,
Среди яростных рек?*

Что ты хочешь найти

*Среди белых снегов,
Кроме тягот пути,
Кроме птичьих следов?*

*Что расскажет тебе
Гул внезапных лавин?
Что изменит в судьбе
Список взятых вершин?*

*В эти долгие дни
Солнце горных высот
Только губы твои
В черный уголь сожжет.*

*Что ты там потерял?
Что ты хочешь найти?
В черной просине скал –
Ни дорог, ни пути.*

*Только шорох ветров,
Да поземка-змея,
Да мерцанье снегов,
Да улыбка твоя.*

Умение восторгаться красотой гор приходит со временем ко всем, кто начинает ходить на вершины. Конечно, видеть горы так, как видел их мой друг Писатель или, скажем, Николай Рерих дано будет далеко не каждому. Но почти каждым после серьезных восхождений жизнь обыденная воспринимается иначе, во всей ее банальности.

Рейнхольд Месснер в своей книге «Хрустальный горизонт» о его сольном восхождении на Эверест пишет, что всякий раз, спускаясь с вершин в долины, в города, он испытывал скуку и одиночество среди бесконечной людской суеты, и его вновь и вновь манили вершины.

А ведь он потерял на одном из восхождений на Эверест, уже на спуске, брата. Месснер говорит, что вершину покорить нельзя. Нужно молиться, прежде чем идти наверх, и просить у вершины разрешения взойти на нее... Не случайно, всех европейских альпинистов, собирающихся подняться на Канченджангу (8 585 м) – еще один из четырнадцати восьмитысячников – просят не ступать ногой на самую вершину, а остановиться чуть ниже, так как Канченджанга – богиня, и по индийским, и по непальским верованиям.

В альпинизме есть такое понятие – «схоженность». Это значит, наступает момент, когда один доверяет свою жизнь страховаться с помощью веревки другому...

В советских альплагерях этому понятию придавалось большое значение в воспитании молодых альпинистов. Советский альпинизм предполагал взаимовыручку, коллективизм, доверие друг к другу в команде.

...Но вот к нам на ледник Ак-Сай приехали в 80-х годах первые американские альпинисты. Один из них прошел в одиночку снежно-ледовый восьмисотметровый кулуар «5 Б» категории сложности на пике Свободной Кореи, кулуар, который наши альпинисты шли два-три дня с обязательной страховкой с помощью ледорубов, крючьев, веревок. А он прошел, даже не взяв на маршрут веревки: только неведомые у нас двенадцатизубые кошки на ногах и в руках по айсбайлю*. (*Айсбайль – комбинация ледоруба и молотка с коротким древком) Все! Больше ничего! А кулуар этот «как огромной длины вздыбленное хоккейное поле»! Никаких спасателей, выпускающих на маршрут. Пошел и все... Потом у него спрашивали: «Как? Зачем? Почему один?». Он ответил: «Это моя жизнь, и я вправе распоряжаться ею, как хочу!»... Для наших альпинистов это и сейчас неприемлемо. Хотя, как говорил Леван Алибегашвили, уже «бегают» на Хан-Тенгри за пятнадцать часов новые экстремалы...

Ни слова более мы не вымолвили, пока шли к машине, где нас уже ждали Леван, Юра, Марина...

Уже по дороге в город Писатель заговорил, обращаясь более к Левану:

– Наконец-то я сдал фильм об Академии наук... Сколько нервов он мне истрепал...

Бесконечные капризы, переделки материала: то не того академика вставили, нужно убрать, то другого почему нет в фильме? Нужно вставить! Ох! «Галера»!.. Н-наконец-то – свобода! – и, повернувшись ко мне, как-то виновато продолжил:

– Ты меня п-прости, Леша, что я никак не могу начать писать о тебе по-повесть, редакция серии «ЖЗЛК», Иванов, предлагает написать книгу о Толомуше Окееве. И, как всегда, мне позарез нужны деньги, и я ввязался в новое дело, новая «галера», но уж после этой книги я точно соберу воедино все, что о тебе писал, кое-что допишу и выполню свое обещание.

...Я был сконфужен его странным «чувством долга» передо мной.

– Не переживайте, Леонид Борисович. Океев давно заслужил, чтобы о нем написали книгу. Это национальное достояние кыргызов. Такие люди – гордость нации. Все правильно, – и это было чистой правдой.

Мы ехали домой уставшие и молчаливые...

7 декабря 2004 года. Позвонил Писатель с просьбой приехать к нему домой.

– Нужна твоя консультация о музыке к одному из фильмов Толомуша Океева, – объяснил он причину звонка.

Я приехал к нему. Он встретил меня на пороге в полосатой спортивной майке с коротким рукавом, в спортивных бриджах и, что привело меня в изумление (я не видел его с сентября), это то, что у него была необыкновенно красивая уже не щетина, но еще и не борода. Она шла ему и делала его лицо новым и привлекательным. Такая модная седая щетина украшает лица многих немолодых западных политиков, художников, актеров.

Он заметил мое изумление и улыбнулся.

– Это вы что, решили копировать Агибалова, Леонид Борисович?

– Не обольщайтесь. Моя борода будет лучше вашей. И потом, я всегда хотел носить бороду. Но мои близкие родственники, в частности жена, не приемлют мою бороду, требуют немедленного ее сбивания, сбрития и прочего. Они устраивают мне обструкцию, они постоянно иронизируют. Мне очень тяжело, в отличие от вас, господин Агибалов, трудно убеждать окружающих, что борода мне крайне необходима, чтобы быть, в конце концов, похожим на писателя! Так как это делается во всем цивилизованном мире, – он произнес этот длинный монолог, стараясь «удержать» лицо серьезным, но его круглые глаза хохотали изнутри. Пошли смотреть фильм на знакомый диван – старый, но ставший неотъемлемой частью интерьера гостиной комнаты, как и хозяин гостиной...

В фильме была использована музыка Вильданова, которого часто приглашали из Ташкента на фильмы и Океев, и Шамшиев. Была также музыка Эрматова, в своих сочинениях он часто использовал низкий регистр с обильным звучанием медных духовых инструментов, что придавало его музыке характер монументальности, солидности, что ли. Фильм был снят в начале пути Океева к зрелости.

Каких-то особенных и важных замечаний я не сделал, к моему сожалению. Писатель стал говорить о том, как интересно ему работает, какие высокоталантливые «закоулки» в творчестве Океева он открывает, что он знал Океева поверхность, недооценивал его. Что и в республике он не оценен по достоинству... Говорил долго. Порой мне казалось, что он говорит это, как бы читая уже написанный текст книги и не столько для меня, сколько для себя, а, может быть, и для меня как первого читателя его еще не существующей книги. Мне это было приятно. Я стал понимать, что он доверяет мне нечто сокровенное, о чем никто еще не знает...

Наконец, выговорившись, он пригласил меня на кухню, на посиделки. Аккуратно нарезал ржаного хлеба и положил его в «ту самую», из капа, хлебницу, из кастрюльки достал теплые еще картофелины, на столе появились соленые огурчики, сало и все прочее...

Тут Писатель неожиданно уходит в соседнюю комнату и приносит новую свою работу: срез карагача диаметром сантиметров двадцать и в высоту сантиметров десять, на торце местами нарости капа и по торцу надпись: «XX век – XXI веку, узелки на память». Вся верхняя – главная «сцена» среза – это десятки «узелков» с тех самых кустов, которые мы часто видели на Орто-Сайских холмах. Они, как роща, как подлесок густо посажены на «сцене»...

Я разглядываю его новый шедевр... Оригинально! Интересно по мысли. Но опять – как будто прощание, как и тот «Памятник безвестному художнику», который он мне показывал год назад.

– Ну, как? – спрашивает он, заглядывая мне в глаза, а у самого выражение глаз хитре-хитрое.

– Мне нравится. Нравится и эта работа, да и все предыдущие. Нравится, что вы, Леонид Борисович, не теряете времени, настойчиво готовитесь к нашей совместной выставке... А, кстати, когда же мы ее все-таки сделаем?

Он почесал затылок, задумался.

– Книгу про Толомуша мне надо сдать к началу апреля. В ней должно быть приблизительно четыреста страниц... Сегодня на дворе декабрь, значит, впереди три месяца, значит, в день надо писать три страницы, и это – если не вставать из-за стола. А у меня начинается новая «чертовщина» со здоровьем. На днях приходил Иван Евтушенко со Стасом Лавренченко – хороший был альпинист в молодости. Ивану предлагают срочно оперироваться, а Стасу уже сделали операцию. Они вдвоем агитировали меня обследоваться.

– Значит, если и состоится наша выставка, то не раньше лета, – подытожил я.

Он ушел в свой кабинет, вернулся с конвертом, передал его мне:

– Вот, посмотри. Володя Кругман прислал из Кельна фотографии своих новых работ.

Я стал разглядывать. Вспомнил Кругмана, его красивое лицо, с красиво подстриженной и ухоженной бородой. Его умение красиво одеваться. Он напомнил мне Лаврецкого из «Дворянского гнезда» Тургенева. Его странный «Пивной бар» в Оше, вмонтированный в «Быки» моста через реку Ак-Буру, где внешние стены талантливо облицованы разноцветной галькой, набранной рабочими тут же, из реки. Где на стенах – кыргызские орнаменты, козероги, охотники – все это смело, декоративно, талантливо...

А тут на меня с картин смотрят странные безликие цветовые пятна, достаточно оригинальные, но ни малейшего остатка от того Кругмана, который сделал декоративный фонтан на пересечении улиц Советской и Токтогула... Все «выбила» из него Европа... Стерилизовала... Хочешь выжить, приспособливайся под вкусы европейского обывателя...

Я посмотрел все фотографии и вернул их Писателю.

– Ну и как? – спросил он с усмешкой и любопытством.

– Я не искусствовед, но, по-моему, от нашего друга не осталось и следа. Это уже другой Кругман – немец, француз, кто угодно, но не Володя. Все выхолощено, – простите за прямолинейность. Мне был ближе тот Володя, мечтавший о Фрунзе, как о городе, где первые этажи домов станут уютными кафе, магазинчиками, где будет парковая скульптура, где стены домов будут украшены декоративной мозаикой с национальным колоритом. Но не таким серым, как это сделал на торцах домов «Южных ворот» восьмого-десятого микрорайонов Алексей Каменский, а яркими, как природа Киргизии, как ширдаки народных мастерий, хотя он и был против бездумного цитирования этих орнаментов.

– Я с вами, господин Агибалов, и согласен, и нет. Согласен потому, что и сам Володя в письмах пишет, как ему трудно сохранить себя в чужой среде обитания, как приходится приспособливаться. Но взамен – есть деньги, успех на выставках, свобода передвижения по стране, по Европе. Не согласен потому, что Кругман все же стал ярче, праздничней, ближе к Кандинскому,

Фальку, да, пожалуй, и к Петру Кончаловскому, хотя его заносит в крутой авангардизм, где все же больше формализма, чем души... Давайте, господин Агибалов, выпьем за него.

...Мы сидели уже час, другой, когда вдруг Писатель запел:

*Прощай, радость, жизнь моя,
Знаю, едешь без меня...
Знать, должен с тобой расстаться,
Тебя мне больше не вида-ать.*

Он пел, опустив голову над столом, как бы разговаривая сам с собой. Пел очень просто и вовсе не для меня, и я уверен, это было потребностью души – вот так неожиданно вдруг захотелось излить душу. Меня всегда поражала в его пении безупречность интонации. Когда-то я долго преподавал сольфеджио, сам когда-то учился сольфеджио. Знал не понаслышке, что это такое и для чего. Знал, что выражение «Медведь на ухо наступил» – это случай безнадежный. Много слышал как профессиональный музыкант разных певцов. И тех, «кто любит себя в искусстве», и тех, «кто любит искусство в себе». Но редко встречались певцы, проникавшие в душу, пожалуй, только Дмитрий Хворостовский. Но то – профессиональное искусство. Здесь же я столкнулся с удивительным проникновением в смысл стихов... Хотя также умно поет Алексей Петренко, так похожий на Писателя.

Часто в застолье Дядюченко пел «Виноградную косточку в теплую землю зарою...» Булата Окуджавы. Пел совсем по-другому, все больше для друзей, как бы приглашая их подпевать. Здесь же он хотел быть один на один с песней. Но откуда столько боли, искренности? Кому и о ком эта песня?

Закончив петь, он как бы очнулся... Молча подлил в стопки водки, молча выпил, я тоже молчал, взволнованный песней... Да и песня-то какая! Где он ее откопал? Ее ведь никто не поет, не знает. Сыпал я ее лишь однажды в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих», там ее поют Пороховщиков, Солоницын и Шакуров, но поют совсем иначе, скорее для того, чтобы отдохнуть от усталости того дня и того дела, которым они заняты. Какая пронзительно русская песня. Откуда у человека, выросшего в городской среде, в Киргизии, столько русского?.. Гены? Наверное!

После небольшой паузы он неожиданно запел вторую песню:

*Где ты, юность, без конца, без края,
Отчего так быстро пронеслась,
Неужели скоро, умирая,
Мне придется спеть в последний раз?*

*Эй, друг гитара, что звенишь несмело,
Еще не время плакать надо мной –
Пусть жизнь прошла, все пролетело,
Осталась песня, песня в час ночной!*

И опять он пел, опустив голову. Задумчиво произнося слова. Что-то тревожное было в этом его пении, в этих песнях, даже в выборе песен. Что это? Усталость от работы, от «галер»? Влияние болезней, медленно разрушающих привычный уклад жизни? Не знаю... Говорить после этих песен о чем-либо было бы просто кощунством. Мы посидели молча еще с полчаса. И, не разрушая возникшего «состояния души», я, попрощавшись, ушел. По дороге в голове звучали строки:

*Эй, друг гитара, что звенишь несмело,
Еще не время плакать надо мной...*

Ведь так нельзя работать. Можно и надорваться. Видно, как измотали его фильмы о Всемирном банке, Академии наук. Он, как будто умышленно, «ожжет свечу» с обоих концов. Как мне быть, как оторвать его от рабочего стола? Да и имею ли я право на это?.. Редки стали выходы на холмы.

Вдруг вспомнил, что Писатель уже несколько раз тактично заводил разговор о том, чтобы записать его пение под мою гитару. Делал он это всегда как-то робко. Да и я хорош! Уводил всегда разговор в сторону, меняя тему. Что тебе стоит саккомпанировать пару песен? Трудно сизойти до этого жанра?..

Сегодняшний визит к Писателю меня встревожил, мысли были невеселые. Меня охватило щемящее чувство к этому дорогому для меня Человеку...

25 декабря 2004 года. «Декабрьские вечера» гитары в музее ИЗО. Публики на этот концерт собралось меньше, чем в прошлом году. В вечере принимал участие народный артист Республики Анатолий Адали (по моей просьбе). Он зажег три свечи на подсвечнике, принесенном для этого Писателем. Читал стихи русских поэтов

XIX-XX веков, Гарсиа Лорки. Я играл пьесы русских, испанских композиторов. Наиболее удачно сыграл две пьесы М. Мусоргского из «Картинок с выставки», «Быдло» и «Два еврея». Женя Барышников записал концерт на видео и тут же подарил мне эту кассету... Леван предложил после концерта поехать к Дядюченко домой, посидеть, пообщаться. Что мы и сделали.

На кухне у Писателя говорили о музыке, о горах. Вечер получился замечательный.

31 декабря 2004 года. Хороший предновогодний день. Дома спокойно идет подготовка к Новому году. Жена с младшим сыном Гришей сходила на базар. Дед Мороз приготовил всем скромные подарки. И перед Новым годом, и сразу же после двенадцати часов было много телефонных звонков с поздравлениями. Особенно приятно было слышать голоса Левана и Юлии Ивановны. Я тоже кому-то звонил, поздравлял. Конечно же, Писателя в первую очередь. Пальба из петард была на этот раз намноготише и менее продолжительной, чем год назад, что дало возможность уже после первого часа ночи спокойно пойти спать, тем более что смотреть по ТВ было нечего (все ниже пояса). С Новым годом!

16 февраля 2005 года. День рождения Писателя. Были: Барышников, Туллген (кинорежиссер), Леван с Марией, Э.Н., Л.Б. и я. Скромно и тихо поужинали с поздравлениями. Естественно, говорили на разные темы. Посмотрели видеофильм с семидесятилетия Писателя (в Доме кино в прошлом году). Просто и хорошо в таком кругу. Я, к сожалению, не подарил Л.Б. ничего вразумительного, если не считать куска корня карагача, в который «вросли» камни, как материал для новой его работы, для выставки. Говорили о предполагаемой выставке где-то в конце года.

10 марта 2005 года. День рождения и день смерти моего отца Александра Ивановича Агибалова. Утром он ушел в магазин и умер на лавочке, возле магазина, от инфаркта в возрасте шестидесяти трех лет, в Ташкенте... Мир его праху... Пришла из Екатеринбурга большая бандероль от Виктора Ивановича Попова (историк гитары). В ней три материала: письма В. Богдановича (гитарист из Кингисеппа), статья «Встреча с гением» П. Евладова (журналист, писатель, художник, которому уже перевалило за восемьдесят и который пишет о своих юношеских впечатлениях от встречи с гитаристом Николаем Александровичем Орловым) и третий материал – «Эссе» Никиты Арнольдовича Кошкина о русской гитаре (Кошкин играет на десятиструнной гитаре, он композитор, ведущий цикл радиопередач о гитаре и гитаристах в Москве, на радиостанции «Орфей»).

В этот же день перечитал эти интересные материалы и засел писать ответы на все три корреспонденции. Особенно неприятно писать ответ на пасквиль Н. Кошкина. В своем «Эссе» он юродствует, хамит, оскорбляет русскую гитару и гитаристов. Досталось даже А. С. Пушкину за то, что он увлекался цыганами – по мнению Кошкина – «попсой». Ответ должен получиться значительный. Это будет третья моя большая статья. «Докторская диссертация», как ее обозвали в Москве (А. Ширялин).

Дядюченко знает об этих моих «докторских». Одна из них – «В защиту Сеговии» – у него есть.

Февраль-март 2005 года. За эти два месяца выучил и работаю над «Каприсами» Никколо Паганини №№ 13 и 16, а чуть раньше я уже играл №№ 7 и 17. Все они из цикла «24 каприса» гениального скрипача.

Я играл № 17 на одном из «Декабрьских вечеров», за что получил замечание от Писателя – поменьше «каприсов» и побольше «Клен ты мой опавший».

Эти каприсы трудны, не похожи на гитарные этюды, но крайне полезны для развития техники. И это, без сомнения, хорошая музыка!

24 марта 2005 года. В Бишкеке были беспорядки. Огромная толпа (несколько тысяч молодых, полуляных «революционеров») вошла в «Белый Дом» и буквально нагадила на всех этажах, громила компьютеры и выбрасывала их из окон. Потом они пошли громить магазины. Особенно досталось Beta Stores – разграбили и сожгли. Весь мир увидел по ТВ эти сцены.

Ни милиция, ни армия не оказали всему этому сопротивление. Акаев с семьей сбежал! Власть захватили оппозиционеры во главе с Бакиевым. Они же выпустили Кулова из тюрьмы, где он сидел при Акаеве.

Что это – революция? Или крупномасштабное хулиганство?

Кто-то из мудрецов очень метко сказал: «Нищее государство не может быть интеллигентным»!

* * *

3 июня 2005 года. До конца мая мы почти не общались с Писателем. Я знал, что ему нужно в апреле сдать книгу о Толомуше Окееве, что он уже написал четыреста страниц текста, что теперь идет подбор фотографий, что он измотан работой; отдал книге все силы, до капельки, что он жалуется на здоровье...

Я не смел предложить ему прогулки, терпеливо ожидая его звонка. «Этот почти полугодовой перерыв в наших прогулках ни к чему хорошему не приведет», – думал я с тревогой.

...Теплым солнечным утром – звонок, мы договариваемся о прогулке, и вот уже маршрутка довезла нас до села Орто-Сай.

– Леша, хотелось бы не лезть наверх, в рощу, а где-нибудь пониже прогуляться, засиделся я, ноги не держат, колени болят, – мягко попросил Писатель.

Все эти месяцы я ходил гулять на холмы один и обнаружил, что после «мартовской революции» убрали шлагбаум и солдат, охраняющих въезд в сай, идущий вверх по реке, вдоль забора правительенной дачи.

«Вот туда и надо идти, там пологая асфальтовая дорога до самого пионерлагеря», – подумал я, а вслух сказал:

– Пойдем сегодня новым путем, по асфальту, под холмами.

Писатель удовлетворенно крякнул. Я обратил внимание на то, что он гладко выбрит! Очень жаль, подумалось мне, ему так шла борода.

Хорошая асфальтовая дорога, выбравшись из села, входит в уютный сай, где слева по ходу – обрывистые склоны холмов, справа – заросшая деревьями, кустарниками, с уютными полянами небольшая речка. На том берегу речки – длинный крепкий кирпичный забор правительенной дачи, узкая полоска берега между рекой и забором густо заросла облепихой, где квохчут по временам непуганные и нестрелянные фазаны, иногда даже видно, как они перелетают с места на место. Сама дорога идет на юг в сторону водозабора километра три... Я много лет подряд на своем

гоночном велосипеде ездил для тренировки по этой дороге, а ближе к осени приезжал сюда за облепихой, которой здесь по берегам, впрочем, как и ежевики, – огромное количество...

Не спеша разговариваем, идем, наслаждаясь природой.

– Давай сегодня пойдем подальше, пока не кончится дорога, а там заберемся на холмы и сварим чай, – делает мне опрометчивое предложение Писатель, который еще недавно жаловался на больные колени.

А вокруг – красота! Вдали – передняя гряда гор, вся в зелени новой травы, за ней – «головы» ослепительно белых вершин. Рядом – зеленеющие склоны холмов со множеством мелких желтых цветочков в траве, густые шапки тальника, где среди листвы поет какая-то птица, похожая по голосу на соловья, а, может быть, и соловей, так как я не раз слышал здесь соловья по вечерам. От реки струится прохлада, да и сам воздух чист, прохладен. На небе красивые кучевые облака. Писатель идет, оглядываясь по сторонам, идет с восторгом, как человек, впервые вышедший на воздух после тяжелой болезни.

Мы не прошли и двухсот метров, как Писатель, словно извиняясь, сказал:

– Да! Раскатал я губу: пойдем подальше! Куда подальше? Когда ноги не держат! Надо найти поблизости саек и там остановиться. Вы меня простите, господин Агибалов, что я порчу вам прогулку.

Я стал успокаивать его, чтобы он не беспокоился о моей прогулке, что для меня важнее то, чтобы он хоть и понемногу, но начал восстанавливать выносливость и ног, и всего организма, засидевшегося за рабочим столом. И, естественно, сегодня нечего рассчитывать на длительное путешествие, тем более что надо оставить силы и для обратного пути... Попетляв по саю, мы свернули в первый попавшийся боковой саёк, не предполагая, что он тупиковый и крайне неудобный для бивака глиняный мешок, как зиндан.

Кое-как найдя маленькую ровную площадку для очага, мы остановились. Только сейчас я обратил внимание на то, каким тяжелым был маленький серый рюкзачок Писателя, который он сбросил с плеча с явным удовольствием. На мой недоуменный взгляд он ответил:

– Рукописи. В кабинете уже нет места для них. Да и зачем они дома, если есть уже и книги, и статьи опубликованные.

Я разжег костер, поставил, как всегда, на огонь чайник с водой. Писателю подложил большой камень в качестве кресла. Он сидит и говорит, говорит, как будто провел полгода в одиночестве, а теперь хочет выговориться.

– Это, пожалуй, лучшее, что я написал. Я влюбился в Океева... Пришлось просмотреть все его фильмы, многие из которых так ни разу и не показывались широкой публике... Я ведь не знал его толком, видел несколько фильмов, но они не трогали меня... И вот теперь, когда понадобилось писать о нем, о его творческой лаборатории, я влюбился в его видение, в его сострадание к простому человеку, в его философию: не жадничай, не бери от жизни больше, чем нужно, – это наказуемо. Как полифоничны его фильмы, сколько в каждом образе подтекста. Иногда и он грешил излишествами, где-то можно было быть и лаконичней. Это начинаешь понимать, столкнувшись с японскими трехстишиями – хокку, особенно с трехстишиями Басё. Во время одного из путешествий Басё умер. Перед смертью он создал «Предсмертную песню»:

*В пути я заболел.
И все бежит, кружит мой сон
По выжженным лугам.*

...И когда я уже написал большую часть книги, вдруг мне приносят «дневники» Толомуша. Я стал их читать и в ужасе понял, что надо переделывать большую часть книги, а времени нет на переделку, оставил, как было, но ощущение недоделанности, незавершенности осталось...

Я заварил чай, открыл банку шпрот. Даже после выпитых стопок не проходило ощущение какой-то неестественности этого бивака, этих посиделок. Не было главного – отдыха и удовольствия от ничегонеделания у костра. Сейчас его не было. Была тревога.

Я пытался как-то отвлечь Писателя от темы книги. Ведь и сейчас здесь, в этой щели, он как бы переделывал уже написанное, нервничал от неудовлетворенности, не мог сбросить с себя груз этой книги, как сбрасывают тяжелый рюкзак на биваке.

Я говорил о том, что написал «Сонату № 3» для русской гитары, что посвящена она моему любимому писателю Александру Ивановичу Куприну, его повести-драме «Гранатовый браслет», и что эта «Соната», пожалуй, лучшее, что я написал...

Стали жечь рукописи. Откуда ни возьмись, налетел ветер, начал накрапывать редкий теплый дождь. В этот раз исписанных рукой Писателя листков бумаги было огромное количество. Пачки бумаги были плотными и не хотели гореть. И только когда их разделяли и ворошили, они нехотя вспыхивали на время. Писатель как-то лениво помогал мне ворошить бумаги. Дождь усиливался, становилось еще более неуютно в этом глиняном «мешке», где кроме глиняных стен ничего не видно. Огромная куча пепла – вот и все, что осталось от многолетнего труда Писателя, благо, что взамен уже есть изданные книги.

– Творчество как велосипед, – сказал Писатель и добавил. – Пока крутишь педали – едешь, перестал крутить – упадешь!

«Хорошее сравнение», – подумал я. А он продолжал говорить, пока мы выходили из щели на асфальт.

– Бездарно прожита жизнь!.. Ну что я написал? Документальные повести, очерки документальные и недокументальные, несколько сценариев, опять-таки к документальным фильмам... Стихи? Это несерьезно! Так пишут многие. Неужели нельзя было в этой толчее всяких всемирных банков, академий наук и прочей ерунды найти время, сесть и написать хотя бы один рассказ. А ведь было, о чем рассказать. Я встречался с интересными людьми, много историй, сюжетов не только «для небольшого рассказа», как говорил нелюбимый вами Антон Павлович Чехов.

Почему не начал писать роман о Манасе? Ведь я подготовил для этого множество материалов. Время таяло, как мартовский снег. Теперь уже нет времени. Но вот пойду скоро «сдаваться» врачам сначала с коленками, а потом и со всем остальным.

Как хотелось бы выздороветь и уйти с вами, господин Агибалов, на неделю в горы, поставить палатку. Да и вообще, начать новую жизнь – заняться собственным здоровьем...

...Мы неторопливо шли вниз, к селу. Дождь то прекращался, то вновь начинал накрапывать, как будто подтверждал мысли Писателя и сочувствовал ему, и потихоньку плакал, сопереживая.

Что я мог сказать Писателю? Что он зря занялся самобичеванием? Что книги его прекрасны и в этом жанре, в котором они написаны. Что вовсе не обязательно писать романы, важнее, чтобы тебя читали. Что ему грех жаловаться на судьбу, которая подарила ему возможность писать об альпинистах, горах, мужестве. Что это сделано блестяще. А книги о художниках! Ведь нет в республике писателя, так интересно и глубоко написавшего о живописи, графике. Что это намного сильнее и тоньше, чем сухие формальные, как бухгалтерский отчет, статьи искусствоведов о тех же художниках, их картинах... Но я молча шел рядом, не мешая ему выговориться.

Потом мы сели в маршрутку и поехали домой.

Меня не покидало чувство тревоги за Писателя. Как же он устал! Зачем же так безоглядно отдавать все силы ради книги! Ему бы немедленно заняться здоровьем. Впереди – лето, надо будет уговорить его съездить в горы. Я знаю, в ущелье Джеламыш егерь дает напрокат лошадей. Взять лошадей, подняться по ущелью, найти хорошую травянистую площадку у реки, с панорамой вершин и пожить два-три дня, неделю...

Попрощавшись, я вышел из маршрутки у «Южных ворот» города, а Писатель, махнув мне рукой, покатил домой...

Вспомнились слова одной из песен Окуджавы:

*Berегите нас, поэтов,
Berегите нас.*

*Остается век, полвека,
Год, неделя, час.*

Я еще не знал, что это наша последняя прогулка.

В БЕСКОНЕЧНУЮ ДАЛЬ...

26 июня 2005 года. На джипе Леван, Марина, ее подруга Ира, Юра за рулем и я ездили отдыхать в Чон-Курчак.

Поездка во многом получилась похожей на прошлогоднюю, но в этот раз с нами не было Писателя. Он не поехал – плохо себя чувствовал.

10 июля 2005 года. Выборы президента Киргизии. Прошли спокойно. Почти единодушно выбрали «революционного вождя» Бакиева. У него русская жена, сам южанин, говорит прямо и решительно о том, что предстоит восстанавливать доверие народа к власти, что хватит митингов, надо начать работать. Обещает двойное гражданство, повышение зарплат и пенсий. Хорошо бы!

20 июля 2005 года. Ранним утром, часов около пяти, неожиданно раздался телефонный звонок. Я проснулся и еще в полудреме стал соображать: кто бы это мог звонить так рано, разве что кто-то из моих учеников или друзей из Америки, перепутав часовой пояс?

Я встал, подошел к телефону.

– Да! Я слушаю!

– Доброе утро. Вы меня простите, Бога ради, за столь ранний звонок, но Леониду Борисовичу плохо, у него рвота, он лежит в больнице и почему-то просит вас приехать, – тревожно говорила Эльвира Николаевна. – Он сказал так: «Попроси Лешу Агибалова, пусть приедет, он меня спасет».

У меня защемило в груди. Что-то не так, надо ехать в больницу немедленно!

– А в какой больнице он лежит? В какой палате? – сдерживая волнение, спросил я.

– В Национальном госпитале, приезжайте, прошу вас, я вас встречу на Московской, – со слезами в голосе ответила Эльвира Николаевна.

– Еду немедленно, – твердо, стараясь быть спокойным, говорил я, а сам соображал: рвота, единственное радикальное средство, которое я знал – это трава тысячелистника, которую я летом собираю уже много лет и лечу и себя, и близких этой травой.

– Что-то случилось с Леонидом Борисовичем? – обеспокоено спросила жена, глядя на меня своими посеревшими огромными голубыми глазами.

– Пока не знаю. Надо ехать немедленно в больницу. Он ждет меня!

Я быстро оделся, насыпал в пакетик тысячелистника и полыни и вышел на улицу.

Было довольно прохладно. Пока я шел к улице Советской, я не встретил в своем микрорайоне ни души. Да и на Советской народу не было, не было и транспорта.

Но мне повезло. Откуда ни возьмись, к остановке подкатил троллейбус номер десять, один из подаренных японским народом кыргызскому народу. Я и еще двое ожидающих вошли в пустой салон.

«Что могло случиться с Дядюченко? – думал я. – Он жаловался на боль в коленных суставах уже несколько лет и собирался идти к врачам, но – почему рвота? Почему он хочет видеть меня так рано, почему я, а не дежурный врач? Чем я могу помочь?» – эти тревожные мысли не покидали меня.

Моя остановка. Выхожу из троллейбуса, перехожу пустынную улицу и вижу вдали в белом халате Эльвиру Николаевну.

– Еще раз доброе утро, – сказал я как можно спокойнее.

– Спасибо, Алеша, – грустно сказала она в ответ.

Лицо у нее было уставшим, по-видимому, она не спала всю ночь.

– Пойдемте к нему, – продолжала она, и мы пошли через пока еще безлюдный базарчик к корпусу госпиталя. Поднялись по ступенькам в холл первого этажа, а затем по лестнице на второй этаж. На ходу она снимала ослепительно белый халат и, передавая его мне, как-то робко и тихо говорила:

– На всякий случай наденьте его, пожалуйста, врачей еще нет, слишком рано, но мало ли! Тут с этим строго.

Воздух в коридоре был теплый и несвежий. Резкий контраст с улицей. В коридоре никого – ни больных, ни врачей. Тихо, все еще спят.

В палате две высокие кровати, одна была аккуратно застелена, на ней никого не было, а другая справа... На кровати в нижнем белье сидел, свесив ноги и упервшись руками в матрац, Леонид Борисович. Наши глаза встретились, и я увидел на секунду в его глазах что-то похожее на радость и облегчение.

Вид у него был усталый, на лбу испарина, седая щетина покрывала его лицо.

Мелькнула догадка – значит, это все-таки не колени, а что-то серьезнее.

– Доброе утро, Леонид Борисович, – бодреньkim голосом произнес я.

– З-здравствуй, Л-леша, – слегка заикаясь, ответил он и попытался улыбнуться. – Спасибо, что пришел. Я помню, когда ты лечил младшего сына, пользовался корешками петрушек и как-то заваривал их молоком. Надо это срочно сделать, это спасет меня!

– Уже несколько дней у Лешика рвота, – добавила Эльвира Николаевна, – язык почернел. Ничего не ест уже несколько дней.

– А где же врачи? Есть же медицинские препараты, снижающие тошноту, рвоту, – как можно мягче сказал я.

– После операции у Лешика поднялась температура, и, сбивая ее, в организм ввели слишком много антибиотиков. И в результате... – вздохнула она.

– Так где же корни петрушек, – несколько раздраженно спросил Дядюченко, его глаза с надеждой смотрели на меня.

– Я принес другую траву, она поможет, – уверенно ответил я.

Наивный вы, Леонид Борисович, как ребенок, ну, какой я спасатель! Хоть и есть у меня жетон спасателя, полученный в альпинизме, но тут – совсем другое. Впрочем, надо действовать, раз он верит, что я могу помочь, значит, так и будет. Надо действовать решительно – так, как на спасработах в альпинизме.

Я помню, как на стене «4 Б» первой башни Короны случилась авария у восходителей. Шедший впереди альпинист сорвал небольшой камень, и он полетел вниз, прямо в голову девушки, которая поднималась последней и выбивала крючья. Что было делать в эти доли секунды? Конечно, как-то изменить траекторию камня! Идущий в середине связки альпинист выдвинул ему навстречу ногу. Удар был такой силы, что голень его была перебита, и он от боли потерял сознание, повиснув на веревке. Можно только представить, что случилось бы с девушкой, угоди этот камень ей в голову. Сколько такого рода моментов, когда решительные действия предотвращали гибель, на моей памяти.

– Эльвира Николаевна, приготовьте, пожалуйста, кипяток, надо будет заварить траву тысячелистника и полыни и поить остывшим настоем нашего больного, – выдавив из себя подобие улыбки, я быстро стал доставать из сумки пакетик с травой.

– И еще, – обратился я к Эльвире, – давайте проветрим комнату, но, чтобы не простудить Л.Б., надо ему лечь и накрыться одеялом, лучше с головой.

Леонид Борисович как-то покорно, словно большой дисциплинированный ребенок, прилег на подушку, Эльвира накрыла его одеялом, я открыл окно, и в палату хлынул свежий прохладный воздух. В электрочайнике забулькал кипяток, я насыпал в пол-литровую банку две ложки травы, залил кипятком, накрыл блюдцем.

— Я думаю, достаточно, пора закрыть окно, — неуверенно и просяще обратилась ко мне Эльвира.

— Да, пожалуй, хватит, — согласился я.

Трава заварилась.

— Надо пить маленькими глотками, — сказал я.

Л.Б. привстал на кровати, взял кружку и стал медленно пить. Один глоток, другой. Я добавил настоя и посоветовал сделать передышку.

— Мне ч-чуть легче, — как-то обнадеживающе сказал он.

Я-то прекрасно понимал, что чуда не произойдет, что я не врач, но я верил, что существует психотерапевтический эффект, когда больной, поверив в выздоровление, выздоравливает. Ведь он, Дядюченко, позвал почему-то меня, значит, верил в меня и надеялся. Я не исключал в его поведении действия наркоза, использованного при операции. Он действует по-разному на больных и продолжительность его остаточного действия у каждого своя.

— А на второй кровати я сплю, если есть возможность. Главврач, в виде исключения, разрешил поставить вторую кровать. Спасибо ему, хотя спать, в общем-то, не приходится, — заговорила Эля (как ласково называл ее Л.Б.).

— Лешик здесь уже неделю лежит, ему сделали предварительную операцию. Как говорит профессор, делавший операцию, потом, когда улучшатся анализы, сделают операцию основную, — продолжала она.

— С-спасибо, что пришел, г-господин Агибалов, — голосом прежнего, чуть ироничного Дядюченко, сказал Писатель, хотя было слышно, что ему трудно говорить.

— Мне кажется, тошнота слегка отступила, — утешал он нас.

Дверь в палату приоткрылась, и в нее вошла Маша, внучка Писателя. В руках у нее был большой пакет.

— Вот и смена моя пришла, — радостно сказала Эля, — теперь мне можно будет сходить домой и как следует выспаться с тем, чтобы вечером прийти на дежурство. — Она говорила это мне, и я понял, что трудное утро позади, что стало немного легче и, как это ни странно, появилась надежда на улучшение. Вероятно, сработал психотерапевтический эффект. Пора уходить.

— Леонид Борисович, Эльвира, Маша, позвольте мне удалиться. Продолжайте заваривать и пить травку. Это должно помочь, — уверенно советовал я.

— Л-леша, не пропадай надолго, п-приходи, — попросил Леонид Борисович, у которого, как я заметил, прошла испарина.

— До свиданья, — я с грустью пожал Л.Б. руку, кивнул Эле и Маше и вышел из палаты.

* * *

В начале августа ко мне в гости приехал друг детства Виктор Малахов. Он старше меня на пару лет, но когда я встречал его на перроне бишкекского вокзала, мне навстречу шел все тот же сухой, поджарый, быстрый в движениях юноша, только с лицом старика, но с густой, почти не поседевшей копной волос, в альпийских шортах, рубашке-ковбойке, с большим рюкзаком.

Когда-то давно в Ташкенте, в бедном квартале Кашгарки («махалле» – по-узбекски), где жили мои родители и нас, трое братьев, старшим из которых был я, Витя Малахов спас всю семью от смерти... Как-то зимой он остался ночевать у нас, и ночью проснулся, почувствовал что-то неладное: оказалось, угарный газ из топленной вечером печки заполнил комнаты и медленно «убивал» всех обитателей. Он открыл настежь двери, разбудил всех нас и вывел на улицу... Потом он уехал в Ленинград, женился на ленинградке Вере, окончил музучилище как певец и стал работать в качестве солиста – обладателя прекрасного баритона, сначала в капелле имени Глинки, потом в ансамбле песни и пляски Балтийского округа. Был на гастролях в Японии, Финляндии, Германии, Испании...

Он приехал повидать нас, наши горы, Иссык-Куль... Жизнь, спокойная и размеренная, привычная для семьи, вдруг закружила в стремительном водовороте...

Благо, горы под боком. И мы втроем – Витя, я и мой младший сын Григорий провели четыре чудесных дня под пиком Комсомолец, расположившись на живописной поляне, покрытой, как хорошо ухоженный газон, ярко зеленой травой. Рядом с небольшой речкой-ручьем с ледяной вкусной водой, от которой Малахов пришел в восторг после коричневого цвета, попахивающей водорослями питерской воды; с панорамой пика Комсомолец: утром он один, днем другой, а вечером – как малиновый треугольный парус.

Даже когда пошел дождь и загнал меня и сына в палатку, Малахов в шортах и рубашечке с коротким рукавом умудрился сварить обед, и делал он это с восторгом буквально от всего, даже от сырых дров, которые не хотели гореть, но, в конце концов, уступили его веселой настырности. А то, что он не мерз, как мы с сыном, объяснялось очень просто – почти круглый год он купается у стен Петропавловской крепости вместе с другими «моржами» в стылой воде Невы.

Мы вернулись в город. Каждый вечер, устроившись поудобнее в креслах в моём кабинете, слушали гитарные записи, все то новое, что я успел записать и на аудиокассеты, и на компакт-диски.

Его изумило, что я свободно пишу для гитары с оркестром, изумили «Рапсодия гор», «Кыргызы-кочевники» и «Фрески». Не менее он был удивлен пьесами для гитары с виолончелью: «Черный квадрат», «Инвенция № 4». И все спрашивал меня: «Так партию виолончели ты, что ли, написал? Ты ведь не играешь на виолончели? Как же это?».

...Мы слушали записи моих сохранившихся радиопередач. Из двухсот радиопередач, которые я сделал на Кыргызском радио за тридцать лет, у меня сохранилось около пятнадцати. Особенно его привели в восторг наши солисты: Валентина Портнова, Тахира Менаждинова и, естественно, Булат Минжилкиев.

Стремительно летели дни, я, не подозревая беды, изредка вспоминал, что надо бы сходить к Писателю в больницу, если он еще в больнице, а, может быть, он уже дома, выписан...

Позвонила Эля и сообщила, что Л.Б. перевели в другую больницу, к Эрнству Хашимовичу Акрамову . Она была у него сегодня утром, он все время ждет и спрашивает: «Где Агибалов? Почему он не идет?».

Вечером этого же дня я с Малаховым поехал к Писателю. Мы поднялись на второй этаж урологии, надев халаты, вошли в палату, где под капельницей лежал Писатель.

С трудом кивнув и с трудом выговаривая слова, как если бы у него пересохли губы, начал ворчать, почему меня так долго пришлось ждать, потом спросил, кто это со мной. Я в двух словах представил Малахова. Говорил он медленно, как бы набираясь сил перед каждым словом, говорил невнятно.

– Л-лежу весь день один... Даже по-поговорить не с кем... П-правда, приходили Акчурин и Иванов. Нестерпимо захотелось вы- выпить вина. Они принесли бутылку в-вина, и я с удовольствием вы- выпил глоток. В-врач говорит, что сейчас м-м-мне все м-м- можно... Звонила жена Толомуша. Г-готовит пре-зентацию. Там, говорит, мне отведена главная роль... Ого-горчена тем, что я в больнице... А о книге – ни слова! А ведь для меня это было так важно. Или она еще не прочитала?..

Он говорил глухим голосом, и было видно, что ему хочется выговориться, что он устал от больниц, палат, капельниц.

Лицо его, заросшее седой щетиной, осунулось. Одни глаза, большие и круглые, выражали растерянность и недоумение: «Что же это такое со мной? Что происходит? Почему меня переводят из одной больницы в другую, а мне толком ничего не объясняют?».

...У меня возникает к Писателю огромное чувство сострадания. Я ведь и сам недавно был прооперирован, знаю, что это такое – больничная койка, капельницы...

Капли в капельнице капают очень медленно, и я ухожу к медсестрам спросить – нельзя ли ускорить процесс, тем более, что больной жалуется на то, что затекла рука. Оказывается – нельзя, это сердечные препараты и тут убыстрение опасно. Я обращаюсь к медсестрам с вопросом, а знают ли они, кого лечат? Нет, не знают.

Я терпеливо объясняю им, что это не простой больной, а Достояние Республики. Они слушают с удивлением и вниманием.

Вернувшись в палату, я терпеливо жду окончания процедуры. Медсестра отключила систему и ушла. И вдруг Дядюченко говорит мне:

– Л-Леша. Ты выйди по-пока, я по-поговорю с Виктором. Ты мне еще надоешь!

Я вышел. О чем они могли говорить – два совершенно незнакомых человека? Что он имел в виду, когда выпроваживал меня? Наконец, Малахов позвал меня в палату.

– Я сделал Леониду Борисовичу легкий массаж спины, мы хорошо поговорили...

Когда я уходил из дома сюда, я взял с собой образок Богоматери, который мне подарила когда-то моя мама Ефросинья Федосеевна (мир ее праху). Взял с надеждой – оставить его у Писателя. Волнуясь, я подошел к постели и обратился к Писателю:

– Леонид Борисович, можно я оставлю вам образок?

Он удивленно посмотрел на образок, размышая, и после небольшой паузы едва заметно кивнул мне головой. На душе посветлело. Я положил образок под подушку, потом взял его руку в свои и с благодарностью пожал ее.

Видно было, как устал Писатель. Пора уходить... Он принял Бога!

Потом мы с гостем отправились на Иссык-Куль. Я впервые за многие годы с огромным наслаждением смотрел на «аквамарин, оправленный в серебро» – так метко сказал Семенов-Тян-Шанский. Неделя пролетела стремительно. Малахов, как утка, не вылезал из воды, плавал, загорал, потом снова плавал. Жарился на песке и Григорий, давно не видевший озера, как и я. Мы ловили чебака, тем более, что река Тоссор, впадая в озеро, намыла песчаную косу, с которой хорошо было забрасывать снасти. Мы ели уху из чебака. Ночевали на песчаном пляже, днем, раскаленном, как сковорода, а ночью – прохладном и мягким, как перина. По ночам с нашего южного берега, откуда до северного шестьдесят километров моря, смотрели, как там шла летняя гроза и вспыхивают молнии над Кунгейем. Было жутковато, но глаз было не оторвать. Да и само море было то удивительно спокойным днем, то ночью громыхало по берегу прибоем, мешая спать. Домой мы ехали мимо Орто-Токайского водохранилища, где на прибрежных скалах собирали светящиеся изнутри голубым свечением калишпаты. И снова восторг Малахова, «одичавшего» среди каменных громад Питера и широко открытыми глазами впитывавшего всю красоту кыргызских гор, которые неповторимо менялись за каждым поворотом дороги.

По мере приближения к городу все чаще возникала тревожная мысль: «Как там Писатель? Хватит ли у него сил выкарабкаться?».

На следующий день по приезду я позвонил Эльвире. Что? Как Писатель? Оказалось, его перевели в Центр урологии. Рядом с Национальным госпиталем. Еду в Центр урологии. Нахожу его палату. Леонид Борисович еще более осунулся, лежит на спине, вяло ответил на мое приветствие. Рядом Эльвира Николаевна, внучка Маша и Тыллыген Сыдыков, который принес большую

стеклянную банку, заполненную прозрачной, коричневатого цвета жидкостью. В банке сквозь стенки видно небольшую черепаху с мягким панцирем, две свернутые в кольца змеи, корни женьшеня и еще каких-то растений. Оказалось – это китайский спиртовой настой, предназначен для тех, кто сильно ослаблен болезнью, он лечит даже рак. Тиллген уговорил Писателя выпить ложку настоя.

Прежде чем привстать, Писатель взялся руками за два ремня, привязанных к спинке кровати, и, подтянувшись с трудом, медленно сел. Со спины его стала поддерживать Маша. Морщась, с трудом проглотил лекарство. Он еще больше сдал. Похудел, ослаб, ходить уже не может, а может только привстать с помощью ремней и поддержки со спины.

– По-плюй! – сказал он слабым голосом, обращаясь к Маше.

Она набрала в рот немного воды и энергично «выдула» водянную аэрозоль прямо в лицо Пиателя, отчего он вздрогнул, но попросил:

– Еще!

И еще пару раз Маша проделала процедуру, после чего Писатель, указывая пальцем на макушку, попросил:

– Те-теперь на кумпол!

Полили и на кумпол воды, и тут же насухо вытерли полотенцем. По-видимому, Писателю стало легче, и он попытался говорить:

– Вот, по-помню, мы в экс-экспедиции ка-а-как-то ели арбуз, до сих по-о-пор помню его вкус.

– Леонид Борисович, а хотите, я сейчас принесу арбуз, – с надеждой сделать приятное, спросил я.

Он радостно, как ребенок, кивнул в знак согласия. Благо, базарчик рядом, уже через пятнадцать минут я принес спелый, большой арбуз, помыл его в раковине, обтер полотенцем и подал Эльвире Николаевне. Она отрезала большой ломоть арбуза и, застелив простины полотенцем, поднесла ломоть ко рту Писателя.

Он откусил для пробы, откусил еще раз, и на лице его отразилось удовольствие. Он откусывал, откусывал, причмокивая, глотал, глотал с наслаждением и торопливостью, как будто сейчас его лишат этого сказочного удовольствия. И когда он съел два-три куска мякоти, то, устало и радостно улыбаясь, попросил отдыха...

Медленно и нежно Маша помогла ему прилечь. Он с благодарностью смотрел на всех нас, а потом прикрыл глаза от усталости и блаженства...

Я, попрощавшись, осторожно, чтобы не хлопнуть дверью, вышел из палаты.

Кажется, 23 августа, мне позвонила Оля, дочь Писателя:

– Алексей Александрович, папа хочет, чтобы вы поиграли ему в больнице, – сказала она просяще.

Я несколько растерялся. Вот уже месяц я не занимался, отдыхая вместе с Малаховым, позволив себе этакую роскошь – не играть так долго, зная, что восстанавливать технику, особенно мелкую, придется не один месяц.

– Оля, спросите у папы, может быть, я приеду к нему с музыкальным центром, послушаем мои записи соло и с оркестром?

– Хорошо, я спрошу, – сказал она.

На следующий день позвонила Маша и после приветствия сказала твердым голосом:

– Дедушка хочет слушать только вашу живую гитару. Он и слышать не хочет ни о каких записях. Только живую гитару.

– Хорошо, я приеду к нему с гитарой завтра, часа в четыре дня, – согласился я, успокаивая себя тем, что это ведь не сольный концерт в двух отделениях. Только теперь я стал понимать:

приближается Беда. Эльвира Николаевна говорила мне, что Писатель готовится к худшему и делает уже распоряжения на этот случай.

Я некстати вспомнил фрагмент фильма «Чапаев», когда Петька подошел к крутым берегу реки, где казак удил рыбу.

– Ну что, брат-дядя, рыбки захотелось? – спросил Петька у казака, прежде чем взять его в плен.

– Бра-ат, Ми-и-тька, помырает! Ухи про-осыть! – со слезами на глазах, дрожащим голосом ответил немолодой казак...

Я сел заниматься и играл, играл, стараясь заставить пальцы вспомнить прежнюю беглость, гибкость, а память – вспомнить тексты трех-пяти произведений.

На завтра я уже поднимался по ступенькам корпуса урологии, шел к палате по коридорам под изумленные взоры больных: «Зачем сюда, в больницу, с музыкальным инструментом?».

Вот – дверь в палату, вхожу, здороваюсь. В палате Маша, Писатель лежит с открытыми глазами, ждет меня.

– Спасибо, что пришел, – слабым, едва слышным голосом, почти одними губами сказал он и добавил:

– М-маша, по-подожди, пожалуйста, в коридоре.

«Значит, он хочет, чтобы мы остались один на один», – подумал я. Стал снимать кожаный чехол с футляра. Раскрыл футляр, достал гитару, нашел стул, как обычно подставил под левую ногу подставочку. Не спеша, настроил гитару. Странно зазвучали голоса струн в больничной палате. Мне было немного жутковато и непривычно играть в такой обстановке. Странный трагический концерт. Писатель не мешал мне ни словом, ни звуком. Он ждал, расслабленно лежа на кровати и прикрыв глаза. И вот в тишине палаты начала звучать моя гитара. Сначала маленький «хорал» Петра Ильича Чайковского из «Детского альбома». Там эта пьеса называется «Утреннее размышление», иногда ее называют «Утренняя молитва»... Я вслушиваюсь в звучание и стараюсь сохранить характер молитвы, гитара слушается моих пальцев и поет, как церковный хор... Закончив играть «хорал», я без паузы начинаю играть свою «Прелюдию», посвященную замечательному русскому гитаристу, гению русской гитары времен Пушкина и Лермонтова – Михаилу Тимофеевичу Высотскому. Текущее, как вода, арпеджио с выразительной темой то на первой, то на шестой струне струится успокаивающее и умиротворенное. Вот кода, последние ноты, и тут Писатель говорит только одно слово:

– Высотского.

Я начинаю играть одно из лучших сочинений Высотского, которое Писатель не раз слышал в моем исполнении и любил его «Ах ты, матушка, голова болит». Грустная тема и четыре вариации – одна красивее другой, в finale виртуозное арпеджио, заканчивающееся красивым стремительным пассажем. И снова тема, завершающая пьесу. Последние звуки...

– Все, х-хватит, – шепчет устало Писатель.

Я положил гитару в футляр, подхожу к нему и беру его руки в свои. Руки его, теплые и мягкие, слабо пожимают мои. Лицо его спокойно, он благодарно смотрит на меня.

– Не упадайте духом, Леонид Борисович, ведь именно так вы писали в одной из своих книг, – говорю я с еще слабой надеждой, что произойдет чудо и придет выздоровление.

Он прикрыл глаза, еще раз слабо пожал мне руки. Когда я вышел из палаты, в коридоре, рядом за дверью, сидела Маша. Она встала и, едва сдерживая слезы, сказала:

– Спасибо вам, Алексей Александрович. Я все слышала. Спасибо вам...

Подавленный происходящим, я молча кивнул головой и... ушел.

«Неужели так он прощался со мной, с гитарой, которую любил? Неужели нет надежды? Как же так? Ведь всего два месяца назад мы гуляли с ним по холмам. Что случилось с его некогда крепким и здоровым телом? Отчего так торопливо он уходит? Как помочь? И эта странная

бездейственность врачей. Эх, Леонид Борисович! Ведь мы же в конце года хотели сделать совместную выставку. Что же вы так? Какая теперь выставка? Боже помоги!» – так думал я, возвращаясь домой.

А на следующий день позвонила Эльвира и, рыдая, сообщила – Леонид Борисович умер!..

Потрясению не было предела, хотя тогда мы еще не осознавали всей тяжести утраты...

В этот же день в газете «Слово Кыргызстана», которую он особенно привечал, появилась рецензия Светланы Сусловой на его книгу «Толомуш Океев». Рецензия большая, основательная, на целую газетную полосу. Высоко оценивая проделанную Леонидом Дядюченко работу по созданию книги, автор публикации пишет, что «благодаря писательскому таланту со страниц повести перед читателем предстает не забронзовевший образ «исторической личности», а живой Толомуш Океев – балагур и шутник, преданный друг и непримиримый враг, терпеливый и вспыльчивый, сомневающийся и идущий напролом, трудоголик и мечтатель, ученик и учитель, реалист и пророк...». Господи, думал я, читая эти строки, как много в созданном Дядюченко образе его самого! Не автопортрет, нет, а что-то в характере необычайно знакомое, узнаваемое, сближающее эти творческие личности – героя и автора, режиссера и писателя. Может быть, тогда и удается книга, когда равный пишет о равном, когда писатель в своем герое видит, находит многое из того, что роднит его с ним? Вот почему Л.Б. с таким упоением работал над этой книгой. И оба они, наши выдающиеся современники, ушли из жизни так рано, ушли в бесконечную даль...

И еще мне хочется привести здесь несколько строк из этой рецензии:

«Надо отдать должное автору повести «Толомуш Океев» – писателю Леониду Дядюченко. Не только киношник до мозга костей, но еще и человек, в горах бывалый, и, кроме того, близкий друг и товарищ многих действующих лиц этой книги, он умеет найти такой ракурс, так повернуть угол зрения на ежедневную скрупулезную работу команды режиссера, личная судьба которого тесно переплелась не только с его работой, но и с судьбами героев и коллег, что невольно начинаешь мыслить и чувствовать по-океевски, а не только сопереживать ему».

И опять я подумал: насколько все это соотносится с творчеством Писателя! Разве, читая его книги, не начинаешь мыслить и чувствовать по-дядюченковски, разве в судьбах его героев не проглядывает его судьба?

Последняя книга Писателя, которую сам он считал самой большой творческой удачей, не случайно, наверное, итожит его жизнь на земле.

* * *

В последний раз он собрал вместе весь цвет альпинизма и интеллигенции в кинозале «Кыргызфильма».

Когда я подошел к гробу с его телом, его бледное, без кровинки лицо было безмятежным и умиротворенным. Седая борода, прямой «греческий» нос делали его лицо красивым.

Я долго смотрел на него, прощаясь.

Мы все стали беднее без Вас.

Но остались фильмы, книги, память о Вас: человеке, писателе, друге, наставнике, а это – начало Бессмертия.

Прощайте. Мне будет недоставать вас всю оставшуюся жизнь.

Мир Вашему праху!

*Начинается
Плач гитары.
Разбивается чаша утра.*

*Начинается
Плач гитары.
О, не жди от нее
Молчанья.
Не проси у нее
Молчанья!
Неустанно
Гитара плачет.
Как вода по каналам – плачет,
Как ветра под снегами – плачет,
Не моли ее
О молчанье!
Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскаленный плачет
О прохладной красе камелий.
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!*

© Издательство " Литературный Кыргызстан ", 2006